РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОБЛЕМ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

УДК 811.512.157’ 37

На правах рукописи

ХАРАБАЕВА Виктория Ивановна

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Специальность 10.02.02. – Языки народов
Российской Федерации (якутский язык)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
Данилова Надежда Ивановна

Якутск – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……..…4
Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ……...12
§. 1. Из истории исследования категории лица и персональности в русистике.....12
§. 2. Исследование категории лица и персональности в тюркологии и якутском языке……...28
§.3. Особенности функционально-семантической категории персональности...44
Выводы по I главе.....59

Глава II. ЯДЕРНЫЕ СРЕДСТВА ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ.....62
§. 1. Категория лица в глагольных формах…….…...62
§. 2. Именная категория сказуемости……....104
§. 3. Личные и лично-возвратные местоимения как средство выражения персональности.....113
Выводы по II главе……..……126

Глава III. ПЕРИФЕРИЙНЫЕ СРЕДСТВА ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ……..130
§.1. Формы принадлежности.....……...130
§.2. Лексико-морфологические средства выражения персональности……..135
§.3. Лексические средства выражения персональности……..……139
§. 4. Синтаксические средства выражения персональности……...146
§.5. Крайняя периферия категории персональности…….....156
Выводы по III главе ……162
ЗАКЛЮЧЕНИЕ……165

Список литературы…….....172
Список сокращений…….187

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено выявлению и систематизации средств выражения функционально-семантической категории персональности в якутском языке.

Актуальность исследования. В современной системе лингвистических дисциплин прочно утвердился функциональный подход, предполагающий комплексное, интегрированное изучение единиц разного уровня на базе общности их функций. При этом изучение функции охватывает анализ значений языковых единиц, аспект исследования языкового материала, главным образом, проводится по схеме “от семантики к форме выражения” и “от формы к значению”.

Системным основанием анализа функций единиц разного уровня языка служит функционально-семантическое поле, содержательную основу которого образует определенная семантическая категория. Функционально-семантическая категория (далее ФСК) персональности, «характеризующая участников обозначаемой ситуации по отношению к участникам ситуации речи – прежде всего говорящему” [Бондарко, 1991 б: 5], относится к категориям, отражающим в языке важнейшие понятия человеческого сознания, активно участвующим в процессе речи и квалифицируется исследователями как универсальная, присущая всем языкам.

В отечественном языкознании категория персональности была освещена в изложениях основных точек зрения на категорию лица глагола в трудах А.М. Пешковского, А.А. Потебни, А.А. Шахматова, Р.О. Якобсона, В.В. Виноградова, А.А. Юдина и др., в аспекте семантики и функций личных местоимений в исследованиях З.М. Мурыгиной, Е.В. Падучевой, А.М. Шелякина, О.Н. Селиверстовой и др. В связи с описанием категории персональности возникает ряд других существенных проблем, в том числе проблема роли категории лица в формировании предикативной оси

предложения. Значительная роль категории лица как “фундамента сказуемости” [Виноградов, 1972: 360] в коммуникативном потенциале предложения определила интерес к ней как в традиционном, так и в современном языкознании.

В работах, основанных на функциональном подходе, грамматическая категория лица рассматривается более широко – как функционально-семантическая категория персональности, выражаемая собственно грамматическими (центральными) и менее формализованными (периферийными) средствами и систематизируется в виде функционально-семантического поля (далее ФСП). В таком ключе категория лица рассматривается в современных исследованиях, построенных на функциональном подходе к анализу языковых фактов (А.В. Бондарко, Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, В.В. Химик, Н.Б. Вахтин, А.П. Володин, А.М. Шелякин, А.Д. Шмелев, Е.А.Привалова, К.А. Степаненко, Е.В. Клобуков и др.).

Освещение категории лица и персональности в тюркологии в большинстве работ производится в исходно-формальном аспекте, в пределах отдельных подсистем морфологии и синтаксиса. Между тем, в связи со структурными отличиями русского и тюркских языков, данная категория в тюркских языках имеет отличительные особенности способов выражения. Изучение категории лица на функционально-семантической основе дает возможность не только выявить данные особенности, но и рассмотреть место категории лица в языковой системе.

В якутском языке необходимость исследования категории персональности определяется отсутствием специальных работ, посвященных систематизации разноуровневых средств ее выражения. Актуальность исследования этой категории в якутском языке в свете проблем и принципов функционально-семантической грамматики обусловлена также тем, что семантический лингвистический анализ дает возможность представить категорию персональности в виде системы, с разграничением ядерных и

периферийных средств ее выражения. С проблемой категории персональности в якутском языке связаны также вопросы личного спряжения инфинитных форм глагола, вопросы выделения общих парадигмообразующих и синтагматических значений личных форм глагола, не менее важным является вопрос функционирования личных и лично-возвратных местоимений. Кроме того, якутские безличные синтаксические конструкции к настоящему времени еще не изучались с точки зрения наличия субъекта действия.

Цель исследования состоит в выявлении и описании разноуровневых средств выражения ФСК персональности на материале якутского языка.

Задачи исследования:

- обзор и краткое изложение истории исследования персональности в отечественном, тюркском и якутском языкознании, обзор различных теоретических подходов категории персональности;

- выявление и описание характерных особенностей категории персональности в якутском языке;

- выявление и систематизация средств выражения категории персональности в рамках ФСП;

- функционально-семантический анализ средств выражения персональности в якутском языке;

- выяснение закономерностей употребления средств выражения персональности.

Объектом исследования выступают ФСК персональности и соотнесенное с ним функционально-семантическое поле в якутском языке.

Предметом исследования являются разноуровневые средства выражения категории персональности в якутском языке. Рассмотрены морфологические, лексические, лексико-морфологические и синтаксические средства выражения изучаемой категории, выступающие в рамках ФСП.

Теоретической и методологической базой исследования послужили труды известных отечественных лингвистов по грамматике русского языка А.А. Потебни, А.М. Пешковского, А.А. Шахматова, В.В. Виноградова, В.М.

Никитевича, А.А. Юдина; положения теории функциональной и коммуникативной грамматики, разрабатываемые А.В. Бондарко, В.Г. Гак, Г.А. Золотовой, Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелевым, М.А. Шелякиным, А.П. Володиным и др.; теория взаимодействия уровней языка, заложенная в работах Э. Бенвениста, Р. Якобсона, М.Б. Навеса и др.; исследования тюркологов Н.А. Баскакова, А.М. Щербака, Э.В. Севортяна, С.Н. Иванова, В.Г. Гузева, Д.Г. Тумашевой, Д.Ш. Шайхайдаровой и др.; труды исследователей якутского языка О.Н. Бетлингка, Е.И. Убрятовой, Е.И. Коркиной, Н.Е. Петрова, Н.Н. Неустроева, Г.Г. Филиппова, Н.И. Даниловой, Н.Н. Ефремова, Н.И. Поповой и др.

Материалом исследования извлекался путем выборки примеров предложений из произведений якутской литературы, отдельные высказывания были взяты из текстов якутского фольклора и периодической печати. При переводе иллюстрированных примеров на русский язык в необходимых случаях в скобках приводится дословный перевод.

Методы исследования. Цель и задачи работы предопределили применение следующих методов лингвистического анализа: метод выборки при отборе материала из источников, метод лингвистического описания с применением приемов классификации и систематизации, метод полевого структурирования для установления центра и периферии ФСП персональности, структурно-семантический метод для выявления парадигматических и синтагматических отношений в системе личных форм. Элементы дистрибутивного и контекстуального анализа послужили для выяления характерных особенностей функционирования и закономерностей употребления средств выражения персональности в якутском языке.

Научная новизна исследования исследования состоит в том, что впервые в якутском языкознании исследована ФСК персональности, что позволило выявить и систематизировать средства выражения данной категории в рамках ФСП. В ходе исследования был предпринят анализ характерных особенностей данной категории и связанных с ней понятий в якутском языке,

выяснены закономерности и специфика употребления средств выражения рассматриваемой категории. Выявлены и описаны идиоэтнические средства выражения персональности, относящиеся к периферийным средствам ФСП персональности.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Универсальная категория персональности в якутском языке имеет свои особенности выражения. В центральной части поля она получает выражение в глагольных и именных личных формах, национально-специфические особенности категории персональности получают проявление в безличных конструкциях, инфинитивных и залоговых глагольных формах, некоторых именных группах, занимающих место в периферии данного поля.

2. В якутском языке из ядерных средств приоритетное место занимают морфологические средства, что обусловлено неотделимостью категории лица от категории сказуемости. Аффиксы лица полифункциональны, они могут образовать финитные формы глагола, способствовать личному спряжению инфинитных форм глагола, образовать сложные лично-отнесенные модальные конструкции, также именную категорию сказуемости.

3. На материале якутского языка, подтверждается положение о том, что категория лица является одной из ведущих категорий глагола и выступает как организующий центр сказуемости. Категориальное значение лица глагола состоит в выражении системы форм и значений, указывающих на отношение действия или состояния к грамматическому субъекту предложения, а также определении типов односоставных предложений.

4. Анализ значений финитных форм глагола в якутском языке позволяет подтвердить, что кроме общих парадигмообразующих значений, личные формы могут иметь множество синтагматических значений. Прагмасемантический потенциал каждой личной формы выявляется в его взаимодействии с контекстом и способствует максимальной взаимозаменяемости личных форм. Выделяются прямые определенно-личные, вторичные и переносные значения личных форм. Вторичные значения являются укоренившимися в языке, а

переносное употребление одной формы вместо другой происходит исходя из ситуации речи, контекста предложения

5. Личные и лично-возвратные местоимения функционируют в двух аспектах выражения персональности: 1) обязательное с грамматической точки зрения употребление в качестве аналитического средства выражения лица в предложениях, где в сказуемом лицо не эксплицировано аффиксами; 2) модально-экспрессивное употребление данных местоимений при тождественных личных формах;

6. Периферия ФСП персональности распадается на: ближнюю периферию (зависимые формы, имеющие субъектно-объектное содержание, определяющие носителей предикативного признака с помошью аффиксов принадлежности и местоимений в косвенных падежах и существительные со значением личности); периферию (лексико-морфологические, лексические, синтаксические, контекстуальные средства, имплицитно указывающие на участников сообщаемого факта); крайнюю периферию (глаголы в форме 3-го л. ед. ч. в особом безличном, бессубъектном употреблении).

Теоретическая значимость исследования заключается в функциональном подходе к рассмотрению содержательной природы категории лица, определяющем ее как семантическую категорию персональности, имеющую соответствующее ФСП. Полученные результаты позволяют расширить современные представления об этой категории и могут служить базой для дальнейших исследований в этой области, также могут представлять интерес для сопоставительного и типологического анализа.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты, наблюдения и выводы, некоторые ее положения могут найти применение в практике преподавания функциональной грамматики якутского языка, при разработке учебных пособий по грамматике якутского языка.

Апробация работы. Отдельные положения и результаты исследования отражены в докладах и тезисах международных, всероссийских,

республиканских научно-практических конференций: Международная научно-практическая конференция «Проблемы изучения тюркских языков на рубеже XX-XX вв. (ко 80-летию д.ф.н., профессора Н.Д. Дьячковского) (Якутск, 18 апреля 2009 г.); Международная научно-практическая конференция «Гуманитарные науки в XXI веке» (Москва, 10 апреля 2013 г.); Международная научно-практическая конференция «Гуманитарные науки в XXI веке» (Москва, 10 июня 2013 г.); Международная научно-практическая конференция «Наука и образование в жизни современного общества» (Тамбов, 29 ноября 2013 г.); Всероссийская научная конференция «О.Н. Бетлингк и тюркское языкознание» (Якутск, 23-24 июня 2011 г.); Республиканская научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов «Эрэл» (Якутск, 2 декабря 2009 г.); Республиканская научно-практическая конференция молодых ученых, аспирантов, соискателей «Актуальные проблемы современной гуманитарной науки» (Якутск, 23 мая 2013 г.).

Публикации. Основные положения и выводы исследования изложены в 11 публикациях в сборниках научных статей, материалах конференций, реферируемых научных журналах, из них пять статей – в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

1. *Харабаева В.И.* Персональная ситуация адресантной определеннoличности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6 (24), 2013. Часть II. С. 191-195.

2. *Харабаева В.И.* Периферийные средства выражения персональности в якутском языке // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 78. №16 (307), 2013. С. 132-136.

3. *Харабаева В.И.* Значения личных форм глагола в якутском языке // Вестник Северо-Восточного университета им. М.К. Аммосова. Том 10. №2, 2013. С. 69-74.

4. *Харабаева В.И.* Личные и лично-возвратные местоимения как средство выражения персональности // Сибирский филологический журнал. №4, 2013. С. 203-209.

5. *Харабаева В.И.* Морфологические средства периферии функционально-семантического поля персональности (на материале якутского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 3(33), 2014. С. 186-188.

6. *Алексеева В.И.* Категория лица глагола в тюркских языках // Проблемы изучения тюркских языков на рубеже XX-XX веков: материалы Международной научно-практической конференции. – Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2010. С. 125-127.

7. *Харабаева В.И.* Категория лица в якутском языке: функциональный аспект // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2013. №1 (6). С. 66-76.

8. *Харабаева В.И.* Неопределенноличность в якутском языке // Гуманитарные науки в XXI веке. Материалы XIII Международной научно-практической конференции (10.04.2013). М., 2013. С. 57-60.

9. *Харабаева В.И.* Обобщенноличность в якутском языке. // Гуманитарные науки в XX веке. Материалы XIV Международной научно-практической конференции (10.06.2013). М., 2013. С. 35-38.

10. *Харабаева В.И.* О.Н. Бетлингк об аффигированных посессивах // О.Н. Бетлингк и вопросы тюркской филологии: сб. науч. ст. – Якутск: Изд-во ИГИиПМНС СО РАН, 2013. С. 44-46.

11. *Харабаева В.И.* Периферийные лексические средства выражения персональности в якутском языке // Наука и образование жизни современного общества: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 29 ноября 2013 г. Часть 13; М-во обр. и науки РФ. Тамбов, 2013. С. 152-153.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы,списка сокращений.

Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Из истории исследования категории лица и персональности в русистике

Категория персональности в традиционной грамматике рассматривалась соотносительно с категорией лица глагола, являющейся ядерным средством выражения данной семантической категории. Исследование вопросов категории лица в отечественном языкознании началось еще в XIX веке в связи с изучением глагольных категорий. Согласно научной традиции, статус категории лица определяется в первую очередь как грамматическая категория, присущая глаголу. Начиная с первых исследований, авторы грамматик пытаются раскрыть природу грамматической личности и безличности, определяют парадигму спряжения, употребление в речи (А.Х. Востоков (1831), В.Г. Белинский (1837), Ф.И. Буслаев (1863), К.С. Аксаков (1875), В. Ф. Андреев (1895) А. А. Шахматов (1941), А.М. Пешковский (1956), А.А. Потебня (1958)).

В трудах исследователей вместе с рассуждением о формах лица ставился вопрос о различении глаголов личных, т. е. изменяющихся по всем трем лицам и безличных, выступающих только в 3-м лице и бессубъектном значении, а также о наличии обобщенно-личных, неопределенно-личных и безличных предложений. Например, А.Х. Востоков [Востоков, 1831] противопоставляет грамматические значения лица в личном и безличном употреблении. В.Г. Белинский [Белинский, 1837], различая личные и безличные предложения, приписывает последним “неопределенность” и “всеобщность”, в которых усматривает причину нереализации субъекта. Д.Н. Овсянико-Куликовский (1912) кроме трех форм лиц, определяющих говорящего, слушающего и 3-е лицо, выделял 4-е лицо – неопределенное лицо в предложениях с неопределенно-личной семантикой, где глагол стоит в 3-м лице множ. числа: *говорят*. А.А. Потебня (1958) различает «безличность» и «лицо» в глаголе и в

предложении, делает попытку классификации средств выражения грамматического лица и безличности.

В русской лингвистике еще со второй половины XIX в. укрепилось положение о синтаксическом главенстве формы лица. «Личный глагол, - писал В.Ф. Андреев, - выражает независимое понятие конкретно, наглядно. Из всех формальных признаков *verbi finite* наиболее способствует конкретности, или наглядности, есть обозначение лица и числа… Глагол служит сказуемым не потому, что он имеет время, вид и залог, а главнейшее потому, что он способен указывать лицо; словом, в глаголе, служащем в предложении сказуемым, считаем главнейшим признаком лицо» [Андреев, 1895: 256]. Ф.И. Буслаев [Буслаев, 1863] рассматривает лицо в качестве специальной особенности глагола, ставя ее на одну ступень с глагольными категориями рода, времени и наклонения. В его работах обнаруживается обширный фактический материал, относящийся к формообразованию и употреблению личных и безличных глаголов. А.А. Потебня [Потебня, 1958], подчеркивая исключительную предикативность глагола и сопоставляя свойства имени и глагола, писал: «Глагол изображает признак во время его возникновения от действующего лица, а имя – нет… В понятии о глаголе непременно входит отношение к лицу» [Потебня, 1958: 85].

В «Синтаксисе русского языка» (1941) А.А. Шахматов дает определение личных форм глагола, не утратившее до наших дней своей актуальности: «Личные формы глагола – это название признака в сочетании с сопутствующими представлениями о лице, связанными с представлением о числе» [Шахматов, 1941: 462]. Автор впервые довольно подробно рассматривает те значения, с которыми могут употребляться личные формы глагола в двусоставных и односоставных предложениях. Далее А.А. Шахматов делит безличные глаголы на группы на основе различных свойств и признаков, говорит о значении безличной формы глагола [Шахматов, 1941: 468].

Много ценного и актуального до нынешнего времени относительно категории лица высказал А.М. Пешковский в своем труде «Русский синтаксис в

научном освещении» (1956). Считая категорию лица глагола синтаксической, он относит ее к таким синтаксическим категориям, которые «выражают отношение самого говорящего к тем отношениям, которые он устанавливает между словами своей речи» [Пешковский, 1956: 88]. Этот вывод автор поясняет тем, что «…категория лица в глаголе вызывает представление о существительном в его личных значениях, поскольку она имеет согласовательное значение и является объективной синтаксической категорией» [Пешковский, 1956: 92]. «Лицо, - отмечал А.М. Пешковский, - есть необходимая категория языковой (да и не только языковой) мысли, присущая ей по самой ее сущности: ведь без лица говорящего не может быть и речи, лицо говорящее необходимо предполагает лицо слушающее, и оба эти лица необходимо предполагают внешний мир, их объемлющий, являющийся для них третьим лицом. Три лица – это три основных точки языкового сознания» [Пешковский, 1956:306].

В фундаментальном труде В.В. Виноградова «Русский язык» (1947) данная категория глагола получила наиболее полное и глубокое описание. Автор определеят категорию лица как «фундамент сказуемости», указывает на синтаксические и аналитические приемы выражения лица, на грамматические отличия форм 1-го и 2-го лица от формы 3-го лица, рассматривает значение и употребление личных форм глагола, дает характеристику безличных глаголов.

Со II половины XX века вопрос об этой категории рассматривается многими авторами трудов по грамматике.

Существенным является положение, выдвигаемое Л.В. Щербой [Щерба, 1957], где автор признает категорию лица «наиболее характерной для глагола (отсюда определение как «слов спрягаемых»), в общем верно и психологически понятно, так как выводится из значения глагольной категории: «действие», по нашим привычным представлениям, должно иметь субъект» [Щерба, 1957: 76].

Заслуживают внимания мысли относительно содержания категории лица глагола, содержащиеся в труде А.В. Исаченко “Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким” (1960). А.В. Исаченко относит

категорию лица вместе с категориями наклонения и времени к “категориям сказуемостным и предикативным” [Исаченко, 1960: 20]. Далее автор приходит к выводу, что эти категории преобразовались из синтаксических категорий в морфологические глагольные категории [Исаченко, 1960: 123]. Автор также определяет отличие неличных форм глагола от личных форм: “Неличные формы, такие как инфинитив, причастия и деепричастия, отличаются от личных форм именно отсутствием сказуемостных категорий времени, наклонения и лица” [Исаченко, 1960: 20].

Существенный вклад в изучение категории лица привнес А.А. Юдин своим трудом “Категория лица глагола в современном русском языке” (1976). Изучив содержание данной категории на фактах из обширного материала, автор приходит к выводу, что категория лица “представляет собой самостоятельное явление языка, имеет свое содержание, свою систему формальных показателей, свое назначение в языке” [Юдин, 1976: 152]. Он принципиально разделяет такие понятия как категория личности глагола и категорию лица в глаголе. Под термином “категория личности глагола” А.А. Юдин понимает личность/безличность глагола, представляющего собой морфологическую категорию, опирающуюся на лексику и обращенную к синтаксису, “так как содержание ее определяется лексическими, морфологическими и синтаксическими свойствами глаголов” [Там же, 153]. В отличие от категории личности, “категорию лица в глаголе” (систему грамматических лиц) автор относит к категории чисто морфологической, словоизменительной, выражаемой системой противопоставляемых личных форм глагола. Определяя место категории лица глагола в грамматическом строе русского языка, автор заключает, что она “является одной из ведущих категорий среди грамматических категорий глагола и одной из важных категорий грамматического строя современного русского языка” [Там же: 153].

Определения категории лица как грамматической категории глагола содержатся в академических грамматиках и лингвистических словарях. В работах 1950-60-х гг., категория лица в основном определяется с точки зрения

отношения действия/состояния и его субъекта. Данное определение представлено в работах И.Н. Дымарской-Бабалян [Дымарская-Бабалян, 1953:5], В. М. Никитевича [Никитевич, 1963: 204], А.В. Исаченко [Исаченко, 1963: 46], Е.М. Галкиной-Федорук [Галкина-Федорук, 1964: 160]. В словаре О. С. Ахмановой категория лица определяется как "грамматическая категория глагола, обозначающая отношение действия (процесса) и его субъекта к говорящему лицу" [Ахманова, 1966: 220].

Современное определение семантики лица основано на определении категории лица, предложенном Р.О. Якобсоном: «Лицо характеризует участников сообщаемого факта по отношению к участникам факта сообщения. Так, 1-е лицо свидетельствует о тождестве участника сообщаемого факта с активным участником факта сообщения, а 2-е лицо – о его тождестве с реальным или потенциальным пассивным участником факта сообщения, т.е. с адресатом» [Якобсон, 1972:100]. Таким образом, принимается во внимание фактор отношения действия к партнерам по коммуникации: "Лицо – выражение отношения действия к говорящему, адресату и третьему лицу" [Бондарко, 1971: 47]; "Назначением и значением грамматической категории лица, по-видимому, следует считать выражение отношения высказывания к говорящему, к собеседнику или к третьему лицу" [Востоков, 1978: 31] и др.

В академической «Русской грамматике» дается, например, следующее определение: «Морфологическая категория лица – это система противопоставленных друг другу рядов форм, выражающих отнесенность или не отнесенность действия к участникам речевого акта. Формы лица выражают отнесенность действия к говорящему (формы 1 лица), к собеседнику (формы 2 лица) или к лицу, которое не является ни говорящим, ни собеседником, а также к неодушевленному предмету (формы 3 лица). Формы 1 л. и 2 л. как выражающие отнесенность действия к участникам речевого акта противопоставлены формам 3 л. как не выражающим такой отнесенности. С этой характеристикой форм 3 л. связана и их способность выражать действие, не отнесенное ни к лицу, ни к предмету [Русская грамматика, 1980: 636]; В

лингвистическом энциклопедическом словаре категория лица определена также как коммуникативная категория: «Лицо – грамматическая категория глагола, выражающая отношение производителя действия к говорящему» [Русский язык: энциклопедия, 1979: 133].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (2002) дается следующее определение: «Лицо – грамматическая словоизменительная категория глагола (в некоторых языках также имени в позиции сказуемого), обозначающая отношение субъекта действия (процесса, качества) (иногда и объекта) к говорящему лицу» [Лингвистический энциклопедический словарь, 2002: 271]. Лицо входит в группу согласовательных категорий, выражающих «отношение субъекта и предиката в предложении» [Баскаков, 1956], «синтагматически обусловленных» [Бондарко, 1976]. Способность разных классов и подклассов иметь категорию лица позволяет характеризовать ее как «супер категорию» [Лингвистический энциклопедический словарь, 2002: 271].

По определению исследователей, морфологическая категория лица глагола вместе с категориями наклонения и времени традиционно относится к числу синтаксически ориентированных категорий, т.е. таких категорий, которые уже по типовому грамматическому содержанию составляют предикативность, по классическому определению В. В. Виноградова, характеризующейся “отнесением содержания предложения к действительности” [Виноградов, 1975: 266-270]. Вслед за В. В. Виноградовым многие исследователи приписывают категории лица особую роль при дифференциации предикативности предложения – построении соответствующего высказывания [Исаченко, 1963; Юдин, 1968; Ильенко, 1975; Золотова, 1973; Химик, 1990; и др.]. Указывают также на относительную независимость и специфическое положение категории лица в иерархии предикативных категорий [Химик, 1986: 81].

Категория лица, являясь важным компонентом предикативности, связывает содержание предложения с личностью говорящего, т.е. содержание приписывается к самому говорящему или от его имени второму и третьему

лицу [Калинин, 1991]. Сходное мнение имеет С.Г. Ильенко – исходя из принципа, что персонализация (авторизация) является важнейшей стороной категории предикативности, где соотнесенность содержания предложения с действительностью осуществляется говорящим, “и его позиция информатора находит свое выражение в грамматическом формировании названной соотнесенности, иначе предикативности” [Ильенко, 1975: 155]. По мнению В.В. Химика, лишь “предикативное лицо (и шире персональность) является специализированным выразителем позиции отправителя речи” [Химик, 1990: 83]. В этом аспекте исследователи признают “предикативное лицо” “центральным... для определения грамматической структуры простого предложения” [Лекант, 1976: 123].

В современных исследованиях подчеркивают, что персональное содержание высказывания строится на базе семантики предикативного лица. Как указывает В. Г. Гак, «категория лица, рассматриваемая нередко как одна из базовых категорий предикации, принадлежит предложению, реализуется на уровне синтаксиса в обязательной или возможной связи финитной формы глагола со словом, указывающим на субъект, будь то существительное, самостоятельное или служебное местоимение….» [Гак, 1991: 73].

Категория лица присуща также лексико-грамматическому подклассу личных местоимений, где лицо представлено самим набором лексем. В русской классической грамматике преобладала точка зрения, согласно которой личные местоимения имеют грамматическое значение. А.М. Пешковский видел в личном местоимении «значение чисто грамматическое. Парадоксальность этих слов, - писал он, - заключается …в том, что у них нет вещественного значения» [Пешковский, 1956: 155].

Сравнивая категорию лица в местоимении с категорией лица в глаголе, исследователи обнаруживают ряд общих признаков, свойственных им, и соотносят грамматическое содержание, которое они обозначают. При этом традиционно излагается точка зрения на способы выражения лица лексическим способом. Так, В.В. Виноградов видит родство глагольной категории лица с

личными местоимениями и обращает внимание на наличие в русском языке синтетических и аналитических форм выражения лица [Виноградов, 1947]. В. В. Виноградов рассматривал личные местоимения как слова, «указывающие на лица и предметы», которые «обременены чисто формальными функциями, ослабляющими их лексическую знаменательность и синтаксическую самостоятельность. … Личные местоимения, - пишет В. В. Виноградов, - вовлечены в круг глагольных категорий и выступают в качестве показателей лица («личных префиксов») в формах прошедшего времени и условно-желательного или сослагательного наклонения…» [Виноградов, 1972: 255]. “В русском языке личное местоимение выступает как служебная морфема, - отмечает В.М. Никитевич, – «личный префикс» (*я* вел, *ты* вел, *он* вел) и играет в аналитических формах (в частности в формах прошедшего времени) ту же роль, что и личное окончание в синтетических формах (в частности, в формах настояще-будущего времени) [Никитевич, 1963: 205]. О способности выполнять ту же грамматическую функцию – обозначать отношение действия, выраженного глаголом, к определенному лицу и служить способом выявления сказуемости – пишет А.А. Юдин [Юдин, 1976: 116]. По мнению А.В. Исаченко [1963], личные местоимения характеризуются как морфологический фактор. «Вряд ли будет преувеличением, - отмечает З.М. Мурыгина, - утверждение о том, что характеристика аффикса, являющегося показателем синтаксической категории лица как элемента организации структуры глагола, прежде всего зависит от возможности аналогичной интерпретации категории лица в классе местоимений и ею определяется» [Мурыгина, 1970: 45].

Исследователи признавали личное местоимение также центральным средством выражения субъективности высказывания. А.М. Пешковский видел в личных местоимениях «единственную в языке группу слов, в которой корни имеют именно это субъективно-объективное значение, т.е. обозначают отношение самого мыслящего к тому, о чем он мыслит» [Пешковский, 1956: 154]. Р.О. Якобсон рассматривал личное местоимение «я» в качестве индекса высказывания как наиболее характерное из шифтеров – слов, выражающих

отношение содержания сообщаемого факта по отношению к факту сообщения [Якобсон, 1972: 97, 100]. В академических грамматиках русского языка личные местоимения представлены как «слова, указывающие на лица или предметы по отношению к говорящему [Грамматика русского языка, 1960, Т. I: 386-388; Русская грамматика, 1980, Т. II: 531].

По мнению современных исследователей, личные местоимения характеризуются как слова, выражающие только грамматические значения и попадают в класс служебных слов наряду с аналитическими грамматическими показателями. По мнению В.А. Плунгяна, они “являются автономными полностью грамматикализованными корнями, не содержащими никаких лексических сем” [Плунгян, 2003: 255].

Расширенное понимание лица базируется на положении, высказанном В. В. Виноградовым о синтаксической категории лица, согласно которому: «Категория лица как структурный элемент предложения является потенциальной. Она выражается, кроме личных форм глагола, также формами личных местоимений, например, дательного падежа в сочетании с инфинитивом, а в некоторых конструкциях, например, инфинитивных или именных, адвербиальных и междометных с императивным значением, - интонацией» [Виноградов, 1975: 270]. С ним солидаризируется Г.А. Золотова, определяя синтаксическое лицо как “соответствие субъекта – носителя действия, состояния, признака, о котором сообщается в предложении, одному из трех лиц участников – неучастников общения” [Золотова, 1973: 158]. Из этого следует, что предложения *Ты идешь; Ты нездорова; Тебе грустно; Молчать! Ваш выход* и т.д. несмотря на морфологические, структурно-синтаксические и модальные различия объединены синтаксической категорией 2-го лица: субъект действия, состояния в них тождественен адресату речи. Исходя из этого, Г.А. Золотова выявила существование определенных типов предложений с точки зрения синтаксической категории лица: бессубъектные, односоставные (или однокомпонентные) предложения (*Светает; Мороз; Темно*) противостоят всем остальным субъектным, двусоставным (или

двухкомпонентным) (*Грачи улетели; Саше не спится; Он смеется; Открой окно*) [Золотова, 1973: 169].

Согласно иной трактовке, синтаксическая категория лица определяется противопоставлением категорий личности/безличности, где в пределах личности разделяют определенное, неопределенное и обобщенное ее значения. Это разделение в традиционной грамматике легло в основу типологии простых предложений: определенно-личных, обобщенно-личных, неопределенно-личных, безличных, двусоставных, либо односоставных.

В.В. Востоков различает в категории синтаксического лица три аспекта: 1). Дейктическое значение синтаксического лица. Дейктическое значение выражается местоимениями, местоименными прилагательными, глагольными формами. 2) Субъективное значение синтаксического лица, передающееся междометиями, вводными элементами, словопорядком. 3) Отражение в предложении агенса как определенного, неопределенного, обобщенного или указывает вообще на его отсутствие [Востоков, 1978: 32-36].

В связи с введением в научный оборот термина «понятийные категории» (О. Есперсен, В. Фон Гумбольдт, И.И. Мещанинов и др.) категорию лица также начали рассматривать в качестве понятийной категории. Сущность понятийной категории И.И. Мещанинов определял следующим образом: “Понятийные категории выступают непосредственным выразителем норм сознания в самом языковом строе. Они служат тем соединяющим элементом, который связывает в конечном итоге языковой материал с общим строем человеческого мышления, следовательно, с категориями логики и психологии» [Мещанинов, 1945: 15]. Он не только подчеркивал языковой характер понятийных категорий, но и выдвигал критерий системности языкового выражения как необходимый признак таких категорий: «Ею становится такое понятие, которое выступает в языковом строе и получает в нем определенное построение. Последнее находит свое выражение в определенной лексической, морфологической или синтаксической системе» [Там же: 14]. О. Есперсен, с одной стороны, настаивает на внеязыковом характере понятийных категорий, а с другой –

придает им лингвистическое значение и признает установление понятийных категорий фактически языковыми категориями и другими языковыми средствами [Есперсен, 1958: 58-60].

Представители функциональной грамматики, опираясь на теорию понятийных категорий, вместе с тем и отходят от них. Избранное ими направление определяется стремлением последовательно трактовать рассматриваемые категории как категории языковые, имеющие языковое содержание и языковое выражение. Использование ими выдвинутого термина «функционально-семантическая категория» находит основание в том, что «критерием выделения рассматриваемых категорий является частичная общность семантических функций взаимодействующих языковых элементов (наличие семантического инварианта при всех различиях вариантов)» [Бондарко, 1971: 8].

В связи с тем, что при типологическом изучении языковых категорий стало важно выделить универсальное мыслительное, универсальное языковое и идиоэтническое (конкретно-языковое), в пределах конкретно-языкового актуальным стало “целесообразно различать обобщенное грамматическое значение, или категорию и его компоненты, соединенные как оппозитивными, так и неоппозитивными отношениями” [Бондарко, 1981: 17].

Таким образом, сторонники функционального подхода к изучению языковых фактов положили принцип полевого подхода, где группируются средства разных структурных уровней языка, выполняющие одно смысловое задание. Как известно, в теории функционально-семантического поля (далее ФСП) А.В. Бондарко, положены следующие принципы:

1. Системно-структурной грамматике, в основе которой лежит принцип членения языковой системы на структурные уровни, противопоставляется системно-интегральная, функциональная грамматика, предполагающая членение языковой системы на функционально-семантические поля.

2. В основе ФСП лежит понятийная (когнитивная, семантическая) категория, представляющая значение, подлежащее выражению средствами

данного языка. Анализ функционально-семантического поля строится на ономасиологическом подходе – от значения к функции.

3. Поле представляет собой конгломерат омосемичных морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, интонационных, а также контекстуальных языковых средств.

4. Поля могут пересекаться друг с другом, объединять в себе ряд микрополей. Поле представляет собой парадигматическое образование, соотносящееся с соответствующей категориальной ситуацией как типовой содержательной структурой. Данная ситуация базируется на соответствующей семантической категории и представляет тот или иной ее частный аспект (персональный, темпоральный, модальный и т.д.).

5. Функционально-семантические поля в каждом данном языке образуют целостную функциональную систему, описание которой составляет задачу функциональной грамматики.

6. Между языками в структуре их полей, базирующихся на одной и той же семантической категории, могут иметь место существенные различия.

Опираясь на теорию о синтаксическом лице, выдвинутую академиком В. В. Виноградовым, представители функциональной грамматики предлагают рассмотреть категорию лица как ядерное грамматическое средство выражения более широкой функционально-семантической категории персональности, которая выходит за рамки форм лица глаголов и личных местоимений. Персональностью А.В. Бондарко называет функционально-семантическую категорию, “характеризующую участников обозначаемой ситуации по отношению к участникам ситуации речи – прежде всего говорящему” [Бондарко, 1991б: 5]. Предложенное широкое понимание категории лица дает возможнось рассматривать эту категорию как полевую структуру, именуемую функционально-семантическим полем персональности, которое представляет собой «группировку разноуровневых (морфологических, синтаксических, лексических, а также комбинированных лексико-грамматических) средств

языка, служащих для выражения различных вариантов отношения к лицу» [Бондарко, 1991 б: 7].

Категория лица в этом русле рассматривается в современных исследованиях, построенных на функциональном подходе к анализу языковых фактов (Золотова, 1973; 1982; Юдин, 1976; Востоков, 1978; Химик 1990; Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004; Падучева, 1985; Бондарко, 1983; 1991; 2005; Шелякин, 2001; Шишкова, Смирнова 2003; Привалова, 2008; Степаненко, 2009; Онипенко, 2013; и др.).

В современном языкознании категорию лица некоторые исследователи рассматривают также в содержании концепта “Лицо” (охватывающий класс одушевленных предметов, за исключением животных) в противопоставлении с концептом “Не-лицо” [Клобуков, 2001: 113]. Согласно этой трактовке, категория личности/неличности может служить основанием для установления особого ФСП. Специфика этого ФСП заключается в том, что центр поля составляет не грамматическая категория, а противопоставление лексико-грамматических разрядов [Клобуков, 2001: 114]. Например, в русском языке особые лексико-грамматические разряды существительных типа *человек, мать*, *Владимир, учитель* и т.д. противопоставляются к “не-лицам” (именам-зоонимам в рамках категории одушевленности), всем иным предметным именам, а также метазнакам. К дополнительным средствам выражения данного разграничения Е.В. Клобуков относит лексические и морфологические показатели. К лексическим средствам он относит семантические классы “гомических” глаголов, прилагательных, наречий и предикативов в своем первичном значении сочетающихся только с личными именами: *жениться, обещать*; *разговорчивый, рукастый; поразмыслив, назло; весело, тоскливо* и т.д. [Клобуков, 2001: 115]. Существенную роль в этом играет непосредственная связанность субстантивного лица с глагольным лицом, т.е. обязательность глаголов иметь полную личную парадигму.

Лексикографический интерес к категории лица распространяет семантику лица на сферу глаголов оценки и интерпретации (*повадиться, выпендриваться,*

околачиваться и т.д. относятся к сфере семантики 3-го лица*, показаться, подуматься* и т.д к сфере семантики 1-го лица) [Апресян, 2006: 145-166].

В современных исследованиях семантику персональности исследуют также на уровне целостного текста. В системе других текстовых категорий, по мнению исследователей, категория персональности занимает главенствующее место и “является отправной точкой для таких категорий текста, как модальность, темпоральность, последовательность и др. Это обусловлено тем, что текст целиком выстраивается и организуется автором, подчиняясь его замыслу” [Стратийчук, 2006: 9]. Также существуют типы текстов и типы речи, характеризующиеся определенным «ключом персональности». Например, историческое повествование в 3-м лице, отрешенное от личности говорящего, повествование в условном 1-м лице, живой рассказ от реального 1-го лица, изложение, характеризующееся образным включением обобщенного адресата-читателя [Бондарко, 1991 б: 12].

Исследователи делают вывод о том, что “план выражения функционально-семантической категории лица в тексте имеет такой же набор конституентов, который был выявлен на уровне высказывания” [Степаненко, 2009: 15]. Но их структурно-функциональная иерархия определяется спецификой плана содержания авторской модальности, поэтому формальные границы полевой структуры имеют “размытость”.

Субъективная модальность – отношение говорящего к тому, что он выражает, рассматривается в качестве составного понятия текстообразующей категории персональности. Это в свою очередь позволяет придти к выводу, что текстообразующая категория персональности является категорией “образа автора”.

На современном этапе развития русистики вокруг категории лица появились новые термины, обнаруживающие связь категории лица с речевым актом и текстом: эгоцентрические элементы, фокус эмпатии, субъектная перспектива, личная сфера, модус, авторизация [Онипенко, 2013: 215]. Модусные предикаты (глаголы речи, мысли, восприятия) характеризуют

текстовую сущность категории персональности. Неравенство форм в личной парадигме определенного глагола означает приоритет одной из форм. Например, глагол *хотеть* тяготеет к 1-му лицу, глагол *лгать* – к 3-му лицу. По мнению исследователей, модусные предикаты в безличной форме “очень часто “отдают предпочтение” синтаксическому 1-му лицу, что проявляется в интерпретации незанятой позиции субъекта: без показателей субъекта (именной или местоименной субъектной синтаксемы: подобные глаголы читаются по 1-му лицу; например, глагол *подуматься*: А вдруг и впрямь дело в тысяче? – на миг *подумалось*, но только на миг (И. Грекова)” [Онипенко, 2013: 215].

Так как категория лица является главной коммуникативной категорией, в современной лингвистике не ослабевает интерес к изучению данной категории. За последние десятилетия был написан ряд кандидатских диссертаций, где авторы рассматривают ее как когнитивно-коммуникативную [Недобух, 2002], текстообразующую категорию [Стратийчук, 2006], в сравнительном аспекте [Степаненко, 2009], [Бессарабова, 1995], на материале фольклорного текста [Кацюба, 2004; Сердюк, 2002], в просторечном варианте национального языка [Привалова, 2008] и т.д.

Вкратце остановимся на освещении некоторых исследований. Е.Ю. Стратийчук в своей работе выявила языковые средства выражения текстовой и текстоообразующей категории персональности на материале русскоязычных и англоязычных художественных текстов. Анализ показал, что к общим лексико-семантическим средствам выражения текстовой категории персональности на русском и английском языках относятся эпитеты, ассоциативно-образные сравнения, эмоционально-экспрессивная лексика, антроморфизмы, коннотативные значения слов, “слова от автора”. Автор приходит к выводу, что в текстах “автор текста организует повествование на основе своей точки зрения на экстралингвистическую действительность” [Стратийчук, 2006: 4]. Установлено, что авторская модальность формирует антопоцентричность художественного текста и его субъектоцентричность, которая реализуется с помощью речевых тактик и приемов, позволяющих выразить динамику образа

персонажа. Текстовая категория персональности охватывает единицы большие, чем предложение и тесно связаны с понятием сложного синтаксического целого.

Исследование Е.А. Приваловой посвящено проблеме функционально-семантического поля персональности в просторечном варианте французского языка на территории Квебека. В результате исследования выявлено, что ФСП персональности в квебекском просторечии сформировано взаимодействующими языковыми средствами (морфологическими, синтаксическими, интонационно-синтаксическими, лексическими, лексико-грамматическими, контекстуальными и их разнообразными сочетаниями), объединенными общностью грамматических функций, принадлежащих к области персональных отношений, т.е. отношений к лицу с позиции говорящего. Выяснилось, что в центре ФСП располагается глагольный префикс, а также основа глагола-сказуемого в случае, если она традиционно представляет только определенное лицо и число, как, например глагольные формы в 3-м л. ед.ч. и мн.ч. Таким образом, в квебекском просторечии проявляется тенденция к синтетизму, которая не свойственна литературному французскому языку. К компонентам периферии ФСП персональности в просторечии Квебека автор относит: 1) формы личных местоимений в косвенных падежах и формы притяжательных местоимений; 2) морфолого-синтаксический компонент, выраженный формой возвратного местоимения; 3) синтаксический компонент, который заключается в указании на семантическое лицо в деепричастных конструкциях; 4) интонационно-синтаксический компонент; 5) контекст и речевая ситуация [Привалова, 2008: 18]. Е.А. Привалова приходит к выводу, что “в просторечии появляются такие грамматические формы, которые можно признать типологически новыми моделями по сравнению с соответствующими формами литературного языка”; [Привалова, 2008: 4].

С.А. Недобух, исследовав категорию персональности как когнитивно-коммуникативную категорию, приходит к выводу, что “Значения категории

персональности фиксируют не просто отношения между субъектом предложения и его предикатом, а отношения между членами триады “субъект или объект предложения – партиципант описываемой ситуации – участник коммуникативного акта” [Недобух, 2002: 10]. Автор выдвигает положение о том, что при установлении типов предложений во внимание должны приниматься как форма предикатного конституента, так и пучки значений, присущих актантам предложения. В результате исследования установлено, что между я-компонентом и не-я-компонентом проходит важная функциональная дифференциация, которая исходит из коммуникативного, прагматического и психического статуса я-компонента. Поэтому исследователь указывает на необходимость в рамках парадигмы персональности исходить из вдвойне бинарного функционального структурирования троичной парадигмы персональности: А. Структура мировосприятия: я – ты/он; Б. Структура ссылки на мир: я/ты – он [Недобух, 2002: 106].

§ 2. Исследование категории лица и персональности в тюркологии и якутско м языке

2.1. Категория лица в тюркских языках

Категория лица, являясь важным понятием языка, находит свое отражение в грамматиках различных тюркских языков [Грамматика туркменского языка, 1970:85-92; Грамматика карачаево-балкарского языка, 1976:126-127; Грамматика современного башкирского языка, 1981:117-122; Татарская грамматика. Том II. Морфология, 1993: 88-95 и др.].

Вопросы категории лица были исследованы в специальных статьях, где были обсуждены проблемы, связанные с категорией сказуемости, личных местоимений, происхождением и функционированием аффиксов лица всех тюркских языков. Авторами статей, известными тюркологами, были проведены

сравнительные исследования по этимологии, функционировании этих аффиксов в морфологии и синтаксисе тюркских языков. Изучение форм лица проводилось также в связи с исследованием проблем развития временных форм, наклонений, инфинитных форм, аналитических конструкций.

Исследователи едины во мнении, что в тюркских языках категория лица глагола образуется личными аффиксами, которые выражают лицо и субъект действия. Предложения в тюркских языках формально всегда являются личными, так как грамматическое подлежащее и сказуемое в них обязательно выражены личными формами [Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, 1956: 264].

В тюркских языках категорию лица Н.А. Баскаков определил как «грамматическое средство выражения синтаксических отношений подлежащего и сказуемого или так называемой субъектно-предикатной связи слов в предложении. Категория лица и показатели лица в предложении являются для тюркских языков характерным и единственным средством этой связи. Поэтому они обязательны и специфичны для каждого предложения точно также как категория принадлежности обязательна и характерна для каждого притяжательного определительного сочетания» [Баскаков, 1956: 263].

Э.В. Севортян при описании категории лица исходит из того, что “сказуемость является речевым выражением акта мысли и потому составляет основу предложения” [Севортян, 1956: 16]. Категорию лица он характеризует как морфологическое (синтетическое) выражение сказуемости, из которого развились современные личные формы глагола в тюркских языках: «При морфологическом способе сказуемость обозначается специальными личными аффиксами, которые выражают лицо подлежащего и одновременно превращают в сказуемое оформляемое им слово (имя, глагол и т.д.) [Там же: 17].

С.Н. Иванов характеризует категорию лица как категорию, выражающую “отношение действия к его субъекту и образует вместе с категориями времени и наклонения предикативные формы глагола” [Иванов, 1969: 169].

По типу происхождения личные показатели глагола тюркологами разделяются на 2 основные группы: 1) аффиксы, восходящие к местоименным формам; 2) аффиксы, восходящие к притяжательным формам. Исследователи определяют при этом, какой тип аффикса характерен для того или иного времени и наклонения.

Н.А. Баскаков выделил 2 способа выражения категории лица в тюркских языках: 1. Полными аффиксами лица, которыми оформляется большинство глагольных форм и соответствующие формы других частей речи в тюркских языках. 2. Сокращенными или усеченными аффиксами лица, которыми оформляются в некоторых языках, например, алтайском, все формы, в туркменском – также значительное количество форм, а в большинстве тюркских языков только формы: а) прошедшего определенного времени на *-ды/-ди*; б) условной формы на *-са/-се*; в) желательной формы на *-ай/-ей*. [Баскаков, 1956: 255-256]. Существенным и характерным отличием усеченных личных аффиксов от соответствующих притяжательных аффиксов Н.А. Баскаков называет то, что “притяжательные аффиксы имеют все три лица единственного и множественного числа, в то время как усеченные личные аффиксы характерны, как и полные их соответствия, только для 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч. они точно так же, как и полные аффиксы, отсутствуют в 3-м лице” [Там же, 1956: 267].

Н.К. Дмитриев подчеркнул, что аффиксами сказуемости оформляются временные формы, значение которых в основном относится к настоящему или будущему времени в их логическом понимании. Формы же прошедших времен, а также настоящее время условного наклонения оформляются аффиксами принадлежности [Дмитриев, 1956: 37].

С. Н. Иванов разделяет финитные формы глагола на формы: 1) с полными аффиксами лица, генетически восходящими к личным местоимениям (имеющие место при предикативном употреблении причастий настояще-будущего времени, прошедшего времени и при основе желательного наклонения); 2) с усеченными аффиксами лица, генетически также связанными

с личными местоимениями (характерные для форм прошедшего категорического времени, настояще-будущего времени условного наклонения, и для “неправильных” форм 1-го лица желательного наклонения; 3) с аффиксами лица смешанного типа (в формах времен, основы которых совпадают с деепричастиями [Иванов, 1969: 170-172].

А.М. Щербак личные аффиксы исследовал с исторической точки зрения, сравнивая современные тюркские личные аффиксы с древними, а также высказал предположение об их происхождении. Он в тюркских языках показатели лица и числа подразделил на 3 группы, где I группа – показатели лица и числа в формах настоящего, настояще-будущего и других времен в форме желательно-сослагательного наклонения, абсолютное большинство которых в той или иной мере совпадает с личными местоимениями, самостоятельно или в сочетании с аффиксами множественного числа -*лар*. II группу составляют показатели лица и числа в форме прошедшего времени изъявительного наклонения и в форме условного наклонения, подвергшиеся значительным преобразованиям. В древнетюркском языке, в языках Сибири и Алтая и диалектах современных тюркских языков показатели лица названных выше форм частично совпадают с аналогичными показателями, входящими в I группу (ср. якут. *көрдөрбүн* «если увижу»). III группа – показатели лица и числа, прослеживаемые в формах повелительного и желательного наклонений, напр. якут. ед. ч. – 1-е л. – *ылыым*, 2-е л. – *ыл,* 3-е л. – *ыллын*, множ. ч. – 1-е л. – *ылыах*, 2-е л. – *ылыҥ*. Также автор отмечает, что в некоторых языках есть форма 1 л. двойственного числа желательного наклонения, отличающаяся от формы множественного числа главным образом отсутствием аффикса -*лар,* напр. якут. *ылыах* (двойственное число), *ылыаҕыҥ* (множ. число) [Щербак, 1981: 26-34]

А.М. Щербак приходит к выводу, что сравнение аффиксов лица I и II показывает, что они развились из личных местоимений, а связь с личными местоимениями показателей лица III группы менее прозрачна, но, “сравнивая многочисленные разновидности форм нельзя не прийти к выводу, что в

образовании показателей лица и в этой группе важную роль сыграли личные местоимения” [Щербак, 1981: 36].

Выяснение происхождения аффиксов III группы вызвало различные гипотезы. Например, относительно аффиксов 3-го лица ед. ч. в повелительном наклонении О.Н. Бетлингк и В.В. Радлов придерживались мнения, что они произошли из формы на *-а* с аффиксом принадлежности, также было выдвинуто несколько гипотез, объясняющих двойственность лично-предикативных показателей 1-го л. множ. ч., точнее, происхождение и природу аффиксов *-к*~-±~-*х* и т.д. [Щербак, 1981: 36-39].

А.М. Щербак происхождение личных аффиксов глагола объясняет следующим образом: «обычный путь развития глагола - это сочетание: имя, обозначающее действие, + личное местоимение (для первых двух лиц)» [Щербак, 1981: 17]. Он, утверждая, что аффиксы лица и числа, будучи выразителями предикативности, присоединяются не только к глаголу, но и к имени, подчеркивает, что «совпадение глагольных форм с именными в этом плане охватывает главным образом первую, первоначальную ступень развития глагольных показателей лица и числа» [Щербак, 1981:17].

Б.А. Серебренников и Н.З. Гаджиева выявили 2 типа личных окончаний: 1) личные окончания первой категории – местоименного происхождения, характерные для настоящего и будущего времен, а также перфекта и плюсквамперфекта или преждепрошедшего времени; 2) личные окончания второй категории, происходящие от притяжательных аффиксов, типичные для прошедшего времени на *-ды* и условного наклонения [Серебренников, Гаджиева, 1979: 149-154].

В тюркологии о происхождении конечных форм глагола имеются два противоположных взгляда. Тюркологи высказывают мнение, что личные формы произошли от отглагольных имен, в том числе от причастий [Исследования по сравнительной грамматике ..., 1956: 286; Сравнительно-историческая грамматика ..., 1988: 325, 444]. В “Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков” (1988) пишется, что “категория изъявительного и

косвенных наклонений и времени присуща не только спрягаемым личным формам глагола, но и неличным функциональным формам – причастиям.... категории наклонения и времени характерны только для производных функциональных форм глагола и именно для первичных причастий, а также для производных от первичных причастий вторичных функциональных форм – масдаров и деепричастий" [Сравнительно-историческая грамматика ..., 1988: 325]. Такое определение дано по результатам исследований тюркологов Н.А. Баскакова, А.А. Кокляновой, А.А. Юлдашева, Е.И. Коркиной, Н.З. Гаджиевой, И.Х. Урусбиева и др. категорий наклонения и времени в тюркских языках. В то же время некоторые тюркологи считают неправомерным отождествление конечных форм глагола с причастиями. Одни тюркологи считают первичными время-модальные формы перед причастиями (П.И. Кузнецов, А.Н. Кононов). Другие авторы предполагают, что субстантивное употребление причастий несовместимо с их предикативно-финитной функцией и предлагают рассматривать функции причастия в роли определения и зависимого сказуемого, как "омонимично совпадающие формы причастия и спрягаемой основы глагола" (Ушаков Е.И., Тумашева Д.Г., Хисамова Ф.М.).

В.Н. Хангильдин на материале татарского языка внес значительный вклад в разработку вопроса о категории лица. Он указал на зависимость выражения лица от лексического значения глагола, возможность выражения действующего лица в неличных формах, особенности категории лица в некоторых залоговых формах, элементы стилистических значений личных форм и т.д. Автор употребляет термины «личный глагол» не в собственно морфологическом смысле как выражение специальной формы грамматического значения лица, а как способность глагола так или иначе выражать лицо [Хангильдин, 1959: 206-211]. Различные аспекты грамматической категории лица нашли отражение также в синтаксических трудах в связи с рассмотрением предикативности, поскольку категория лица составляет один из существенных ее признаков, и односоставных глагольных предложений [Закиев, 1963: 35-48, Хангильдин, 1954: 415-420].

Тюркологами отмечается наличие именной категории сказуемости, присущей тюркским языкам, которая по своей сущности является морфолого-синтаксической категорией, представляющей собой средство выражения субъектно-предикатной формы мышления [Дмитриев, 1950:55; Севортян, 1957: 17; Иванов, 1969: 177; Убрятова, 2006: 94-95; Киекбаев, 2001: 67; Гаджиева, 1973; Гузев, 1976: 246; и др.]. Сочетание форм сказуемости с именами и другими не глагольными частями речи считается своеобразным грамматическим явлением в тюркских языках.

Категория лица глагола и именное сказуемое наряду с категориями падежа, принадлежности относятся к словоизменительной системе тюркских языков. Они характеризуются как выражающие грамматические значения и выполняющие в основном синтаксические функции [Гузев, 1987; Абдуллина, 2008; Гаджиахмедов, 1998; и др.].

Изучению семантической структуры категории лица с выделением парадигматического и синтагматического уровней, выявлению средств выражения персональности в различных глагольных формах посвящено специальное исследование Д.Ш. Шайхайдаровой [Шайхайдарова, 1980]. Ею предпринята попытка моделирования семантической структуры категории лица в рамках функционально-семантической категории персональности на материале татарского языка. В работе были выявлены условия функционирования форм лица глагола, установлены парадигматические и синтагматические значения форм лица, а также определены инвариантные значения категории лица глагола и существующая внутри нее сеть оппозиций. Оппозиции были выявлены по признакам: способ выражения предикативности (субъектный – бессубъектный); субъект-лицо (одушевленность) – субъект-не-лицо (неодушевленность); единственность – множественность; участие – не участие в речи; определенность – неопределенность; активность – пассивность. Кроме финитных форм автором были выявлены средства выражения значения соотнесенности процесса с их носителем в неличных формах глагола:

причастии, имени действия на *у/ү*, деепричастии, инфинитиве [Шайхайдарова, 1980].

Д.Г. Тумашева в своей работе “Татарский глагол” [Тумашева, 1986: 160-169] кратко освещает категорию персональности в татарском языке, ею определяются парадигматические и синтагматические значения шести грамматических личных форм и средства выражения персональности в неличных формах в татарском языке – причастиях, деепричастиях, именах действия. Автор приходит к выводу, что «соотносительность с лицом, выраженная в неличных формах различными средствами, имеет те же парадигматические значения, что и грамматически выраженная категория лица» [Тумашева, 1986: 170-174].

В определении безличности и безличных предложений среди тюркологов нет больших расхождений. Почти все исследователи признают, что безличность – это отсутствие и невозможность субъекта в форме грамматического подлежащего. Тюркологи Н.К. Дмитриев [Дмитриев, 1950], А.Н. Кононов [Кононов, 1941], Г.И. Донидзе [Донидзе, 1957] и другие главным членом безличных предложений не без основания считают сказуемое.

А.Н. Кононов [Кононов, 1941: 214] отметил наличие в турецком языке одноличных глаголов (употребляющихся только в форме 3-м лица ед. ч.), сообщающих о явлениях природы и соответствующих некоторым безличным глаголам русского языка. По этому вопросу солидаризуются с ним Г.И. Донидзе [Донидзе, 1957] и М.С. Бектуров [Бектуров, 1966: 7].

2.2. О категории лица в якутском языкознании

В якутском языкознании категория персональности не получила специального освещения в исследованиях якутоведов. Но в целом, некоторые вопросы, касающиеся категории лица и персональности, затронуты в ряде работ, посвященных другим проблемам якутского языка.

Впервые в якутском языке особенности компонентов, составляющих категорию персональности, в частности, особенности личных аффиксов были отмечены О.Н. Бетлингком [Бетлингк, 1990]. Отличительной особенностью грамматики О.Н. Бетлингка исследователи признают “функциональный подход к описанию языка”, где автор уделил “особое внимание семантике, содержанию грамматических категорий и форм” [Насилов, 1999: 112], что отражается при описании им некоторых средств выражения категории персональности.

О.Н. Бетлингк относит к личным формам глагола “такие глагольные формы в якутском языке, которые образуют сказуемые всегда и везде, которые либо вовсе невозможно возвести к именной форме, либо они благодаря частному употреблению как формы сказуемого претерпели такие изменения, что сейчас они трудно отличимы (сопоставимы) от соответствующей именной формы” [Там же: 327]. Он выделил как личные формы глагола повелительное наклонение настоящего времени (формы на *-тын, -ыҥ, -ыым*), повелительное наклонение будущего времени (*-ыахтын, -аар*), настоящее время изъявительного наклонения (формы на *-а/-ыы, - бат*), прошедшее время изъявительного наклонения (формы на *-т/-бат*), возможностное наклонение (формы на *-аайа*), форму условного наклонения на *-тар* и форму утвердительного наклонения на *-ыыһы* [Там же: 395].

О.Н. Бетлингк был уверен, что эти аффиксы произошли от глагольных имен, а все функциональные формы глагола – от отглагольных имен [Филиппов, 2013: 25]. А для того, чтобы глагольное имя выступало как глагол, к нему должно примыкать личное местоимение, т.е. по О.Н. Бетлингку – аффигированный посессив. Аффигированными посессивами он называл две разновидности аффиксов лица (аффиксов сказуемости и принадлежности) [Бетлингк, 1990: 372-385], которые выражают два способа при сказуемых. По его наблюдению, “аффигированные посессивы, добавленные к предикату, перемещают сказуемое в прошедшее время” [Там же: 380], а аффиксы сказуемости (личные аффиксы второго типа) О.Н. Бетлингк определяет как “предикативные аффиксы настоящего времени” [Там же: 289].

Автор приводит примеры, где глагольное имя прошедшего времени на -*быт* с аффигированным посессивом выступает как имперфект, имя на -*тах* – как наклонение необходимости, имя на -*батах* – как отрицательный имперфект, глагольное имя будущего времени на -*ыах* – как футурум: *Мин көрбүтүм* 'я увидел', *эн көрбүтүң* 'ты увидел', *мин кэлбэтэҕим* 'я не пришел', *мин кэлиэҕим* или *мин кэлиэм* 'я приду' [Там же: 379-380].

О.Н. Бетлингк указал, что показатели категории принадлежности широко употребляются при формировании предикативных конструкций (напр., *эн таңараны ытыктаабатың* «твое непочтение бога», *мин олорор дьиэм* «дом, в котором я живу») [Бетлингк, 1990: 378]), при которых категория принадлежности сохраняет значение отношения к лицу.

Таким образом, О.Н. Бетлингк при анализе исследуемого материала подчеркнул полифункциональность аффигированных посессивов, имеющих важную роль в грамматической системе якутского языка, и заложил прочный фундамент для последующих исследований функциональных форм глагола (Е.И. Убрятова, 1976; Л.Н. Харитонов, 1947; Е.И. Коркина, 1970; Н.И. Попова, 1992; Н.Н. Ефремов, 1998; Г.Г. Филиппов, 1989; 1999).

Л.Н. Харитонов определил, что глаголы в якутском языке, как и во всех тюркских языках, имеют форму трех лиц в единственном и множественном числах и представляют собой аффиксы сказуемости и принадлежности. Он указал, что формы лица выражают отношение действия и участника акта высказывания: форма 1-го лица показывает, что действие совершается говорящим, форма 2-го лица показывает, что действие совершается собеседником говорящего, форма 3-го лица показывает, что действие совершается лицом или предметом, не принимающим участие в акте высказывания [Харитонов, 1947: 190]. Категория лица якутского глагола представлена в «Грамматике современного якутского литературного языка» (1982) следующими аффиксами: 1) аффиксы принадлежности – ед. ч. 1-е л. -*ым*, 2-е л. -*ың*, 3-е л. -*а*, множ. ч. 1-е л. -*быт*; 2-е л. -*гыт*(-*кыт, -хыт*), 3-е л. -*лара* (-*лар*), *тара* (-*тар*); 2) аффиксы сказуемости – ед. ч. 1-е л. -*бын*, 2-е л. -*гын* (-

ҕын), 3-е л. *-р*, множ. ч. 1-е л. *-быт*, 2-е л. *-ҕыт*, 3-е л. *-лар*. [Грамматика современного якутского ..., 1982: 226].

Е.И. Убрятова указала главное отличие якутских глагольных форм от таковых в других языках в плане выражения категории лица: «Деление глагольных форм на личные/неличные, имеющее место в других тюркских языках, для якутского языка лишено смысла, так как все группы глаголов, за небольшим исключением, принимают личное оформление, когда они выступают в роли сказуемого зависимого предложения» [Убрятова, 1976: 40]. Другими словами, категория лица в глагольной форме якутского языка является обязательной.

Кроме того, Е.И. Убрятова подчеркнула роль аффиксов принадлежности и сказуемости, наряду с другими средствами, в выражении синтаксических отношений членов сложноподчиненного предложения [Убрятова, 2006: 292]. При исследовании предикативного сочетания она интерпретировала личное оформление сказуемого как средство согласования между подлежащим и сказуемым предложения [Там же: 301]. Такую мысль Е.И. Убрятова высказала еще при исследовании простого предложения: «Сказуемое всегда оформлено аффиксами сказуемости (и аффиксами принадлежности). Аффиксы сказуемости, собственно, не являются специальными оформителями сказуемого. Они выражают согласование в лице подлежащего и сказуемого» [Там же: 94]. Таким образом, аффиксы сказуемости и аффиксы принадлежности (в роли аффиксов лица) как средства выражения категории персональности обладают широкими функциональными возможностями.

Так как личная форма глагола в тюркских языках – это финитная форма, входящая в систему наклонений глагола, она получила описание в фундаментальном труде Е.И. Коркиной «Наклонения глагола в якутском языке» (1970). В монографии, получившей высокую оценку тюркологов, представлено подробное описание всей системы наклонений якутского языка, которые определены как лично-глагольные формы выражения модальности. Наряду с модальными формами глагола в исследовании детально рассмотрены

другие грамматические средства выражения категории модальности – аналитические формы, образуемые с помощью причастий, деепричастий,перифрастической формы глагола *буол-*, модальных глаголов, модальных слов, названные лично-глагольными конструкциями. Е.И. Коркина сложность определения их грамматического статуса и содержания связывала с их недостаточной исследованностью. Автор описала формы наклонений в соотнесенности с категорией времени, что связано с тесной связью этих категорий, обусловленную “их былой генетической общностью” [Коркина, 1970].

В якутском языкознании утвердилось положение о том, что все причастия якутского языка употребляются в значении конечных глаголов и более того, становятся базой для образования новых форм. Происхождение финитных глаголов от причастий подробно рассмотрены в монографиях Е.И. Убрятовой (1976) и Е.И. Коркиной (1970), в докторской диссертации Г.Г. Филиппова (1999). Г. Г. Филиппов приходит к выводу, что «современная конечная форма глагола – это потерявшее другие свойства то же причастие или отпричастное новообразование, специализировавшее только в функции глагольного сказуемого” [Филиппов, 1999: 155-156]. Автором сгруппированы по происхождению формы конечных глаголов якутского языка следующим образом: 1). употребление причастий в значении конечных глаголов; 2) причастия, перешедшие в конечные глаголы, получившие развитие в последнее время; 3) конечные глаголы деепричастного происхождения; 4) исконно конечные формы [Филиппов 1999: 305].

Начиная с О.Н. Бетлингка, якутоведы отмечают способность принимать аффиксы лица также в деепричастиях. О.Н. Бетлингк предположил, что принятие аффикса сказуемости деепричастием на *-ан* может говорить о причастном происхождении данного деепричастия [Бетлингк, 1851: §.761]. С.В. Ястремский указал возможность употребления с аффиксом сказуемости деепричастия на *-ан* [Ястремский, 1938: 137]. Исследователи рассматривали деепричастия как неизменяемые формы, но в то же время отмечали их

способность принимать аффиксы сказуемости. Например, на это указал Л.Н. Харитонов: “деепричастия на *-ан* и *-аары* часто принимают аффиксы сказуемости” [Харитонов, 1949: 66]. Авторы учебника «Саха тыла. Морфология» (1973) подчеркивают, что деепричастия на *-ан, -аары* и *-а/-ыы* (при удвоении) могут принимать аффиксы сказуемости, иначе говоря, изменяются по лицам и числам [Саха тыла. Морфология, 1973: 159, 161, 164]).

Е.И. Убрятова не согласилась с мнением о неизменяемости деепричастий в якутском языке, почеркнув, что многие из них принимают личное оформление [Убрятова, 1976: 42]. Относительно деепричастия на *-аат* она отметила, что при необходимости выразить лицо оно принимает форму винительного падежа лично притяжательного склонения и присоединяет послелог *кытта*: *Бараппытын кытта* ‘Как только мы ушли’. Подчеркивая способность якутских деепричастий принимать личное оформление как специфику якутского языка (по сравнению с другими тюркскими языками), Е.И. Убрятова высказалась о возможном влиянии в этом плане на якутский язык эвенкийского языка [Там же: 45].

Более подробное описание о функционировании личного оформления деепричастий находим в работе Е.И. Коркиной «Деепричастия в якутском языке» (1985). Автор показала в виде парадигм способность деепричастий спрягаться по лицам кроме вторичных форм на *-бытынан* и *-бычча* и объяснила, при каких обстоятельствах осуществляется данное явление. Е.И. Коркиной впервые было отмечено, что способность якутских деепричастий присоединять личные аффиксы позволяет им, хотя и в ограниченных размерах, выступать в функции самостоятельных сказуемых независимого предложения [Коркина, 1985]. Предполагается, что предложения подобного рода возникли в языке в результате опущения второй части более полных предложений, сказуемое которых было оформлено финитной формой глагола. Поэтому, по мнению автора, нет оснований считать якутские деепричастия неизменяемыми формами, не принимающими никаких морфологических показателей.

Особая роль в образовании финитных форм (синтетических и аналитических) отводится причастиям. Исследователи синтаксиса тюркских языков обратили внимание на то, что причастие как функциональная форма глагола имеет особую роль для образования сложного предложения. На основании того, что сказуемые, выраженные именами и причастиями могут склоняться по падежам, Е.И. Убрятова обосновала новое понятие в якутоведении – предикативное склонение причастий [Убрятова, 1976]. Затем ее идею развили в своих работах Е.И. Коркина (1979), Г.Г. Филиппов (1989) (1999) и Н.Н. Ефремов (1998). Личное предикативное склонение предикативного члена, по мнению Г.Г. Филиппова, произошло через выпадение у определительных предикативных сочетаний определяемого и склонение заместителя предикативных сочетаний «*н*» [Филиппов, 1999: 38]. Автор подчеркивает, что зависимые предикативные члены, образуемые личным предикативным склонением, имеют различные значения и являются способом связи предикативных словосочетаний. В работе Н.Н. Ефремова “Полипредикативные конструкции в якутском языке” [Ефремов, 1998] причастно-падежные конструкции определены как представляющие собой основное множество собственно-синтетических полипредикативных конструкций.

Употребление падежных форм причастий в качестве сказуемого простого предложения впервые было отмечено Г.Г. Филипповым [Филиппов, 1999]. Предикативный член причастия на *-тах* в винительном падеже и предикативный член причастия на *-быт* в орудном падеже принимают значение сказуемого простого предложения [Филиппов, 1999:46]: *Көр, бу хараҕым сырдаатаҕын, көхсүм кэҥээтэҕин!* (НЯ С, 52) ‘Глянь, *как просветлели* мои глаза, *как успокоилась* душа’.

Е.И. Коркина исследовала образование с помощью личных аффиксов различных лично-отнесенных глагольных форм и конструкций, служащих в якутском языке для выражения модальных значений [Коркина, 1979]. Ею выявлены 4 основных способа образования глагольных лично-отнесенных

модальных конструкций. В результате исследования выяснилось, что конструкции в составе причастий *-ар, -ыах* и *-быт* с глаголом *буол-* и конструкции в составе падежно-причастной формы *-ыахпын* и группы функционально-модальных глаголов, а также конструкции в составе причастий *-ар, -ыах, -быт, -тах* и модальных частиц представляются достигшими высокой степени грамматикализации, имеют сложившуюся парадигму, синтаксически нечленимы и семантически монолитны [Коркина, 1979: 87]. Разряд модальных, функционально-модальных и модальных частиц, способных вступать в сочетания с падежно-причастной формой *-ыахпын*, а также причастиями *-ар, -ыах* и *-тах*, строго ограничен в своем составе. Что касается свободных лично-глагольных сочетаний с модальным значением, по мнению автора, их список остался не полностью исчерпанным [Коркина, 1979: 87].

Личное оформление именных частей речи в якутском языке впервые было отмечено Е.И. Убрятовой [Убрятова, 1976] при описании сказуемого, где автор описала способность именных сказуемых выражать временные и некоторые модальные оттенки в случае употребления их со связками в виде недостаточных и служебных глаголов. Она отметила также, что модальные слова, частицы, принимая аффиксы сказуемости, составляют с именем единую анатитическую форму сказуемости. В «Грамматике современного якутского литературного языка» (1995) также были освещены основные особенности именного сказуемого якутского языка.

Личные местоимения в качестве самостоятельного разряда рассматриваются во всех грамматиках якутского языка [Бетлингк, 1990; Ястремский, 1938: 75-94; Поппе, 1926: 74-85, Харитонов, 1947; Грамматика современного якутского ..., 1982]. Л. Н. Харитонов указывает на различие в семантике личных местоимений: «в 1-м и 2-м лицах они служат для обозначения людей, а в 3-м лице они могут обозначать также неодушевленные предметы и любое опредмеченное понятие» [Харитонов, 1947: 154]. В «Грамматике современного якутского литературного языка» личные местоимения характеризуются как обозначающие предмет путем указания на

лица. Они представлены в якутском языке следующими словами: *мин* ʻя’, *эн* ʻты’, *кини* ʻон, она, оно’, *биһиги* ʻмы’, *эһиги* ʻвы’, *кинилэр* ʻони’ [Грамматика современного якутского ..., 1982: 188].

В работе Н.И. Даниловой «Местоимение в якутском языке» (1991) дано описание якутских личных и лично-возвратных местоимений с историко-этимологическим дискурсом. В своей работе автор исследовала семантику, происхождение и формирование современной системы личных местоимений, образование падежных форм, склонение, синтаксические функции, образование и функционирование притяжательных и производных форм личных местоимений [Данилова, 1991].

Н.И. Даниловой указано, что личные местоимения обладают способностью дейктического указания на участников речевого акта, служат для актуализации компонентов ситуации речи. Автор отмечает: «Замена названия путем указания на лицо – главное отличие личных местоимений от других. Указание на лицо предполагает преимущественное употребление данных местоимений в диалогах или в повествованиях, где речь идет об определенном лице. Якутские личные местоимения обозначают только людей за исключением местоимения 3-го лица, иногда используемого для замещения названий неодушевленных предметов, абстрактных понятий и т.д.» [Данилова, 1991: 29].

Некоторые аспекты содержания персональности как семантической категории раскрываются также в безличных предложениях. Проблема односоставных безличных предложений специальное освещение получила в работе Н.Н. Неустроева “Безличные предложения в современном якутском языке” (1972) [Неустроев, 1972]. Некоторые замечания Н.Н. Неустроева при описании безличных предложений послужили нам материалом для извлечения и раскрытия периферийных средств категории персональности.

На лингвистическом материале якутского языка можно видеть, что главный член безличных предложений имеет сказуемостные функции и напоминает сказуемое, не соотносительное с подлежащим. При определении безличности и безличных предложений Н.Н. Неустроев опирается на работы

известных тюркологов, взгляды которых базируются на лучших традициях отечественной русистики. Автор приходит к выводу, что в якутском языке, как и в других тюркских языках, нет безличных глаголов, так как они всегда имеют грамматическую категорию лица, т.е. употребляются в форме 3-го л. ед. ч. Установлено, что в качестве главного члена предложения употребляются инфинитив, глаголы в безличном употреблении, имена, сочетания инфинитива и причастия на *-ар* (*-ыыр*) с различными модальными словами и т.д. В “Грамматике современного якутского литературного языка” (1995) безличными предложениями признаются те «предложения, в которых подлежащего нет и не может быть, а форма сказуемого не указывает на субъект действия» [Грамматика современного якутского ..., 1995: 75].

§ 3. Особенности функционально-семантической категории персональности

3.1. Категория лица и ФСК персональности как разноплановые категории

Категория лица закрепила за собой статус *полифункциональной, многоуровневой* категории. Выражение категории лица не является прерогативой только глагола − эта категория проявляется в высказывании в целом. Она может рассматриваться с точки зрения грамматики, лексической семантики и стилистики текста. Традиционное грамматическое представление категории лица делится на формальный и семантический аспекты.

Категория лица характерна не только для глагола, так как существуют языки, где имя тоже может иметь категорию лица. Категория лица у имени представлена, например, в самодийских, большинстве палеоазиатских и тюркских языках. Показатели лица здесь представлены всегда как лицо субъекта, носителя признака.

В некоторых языках, например, в португальском языке, наблюдается наличие личного инфинитива – не личной, т.е. не финитной формы с личными окончаниями. Как указывает К.А. Степаненко, «основной характеристикой личного инфинитива является указание на лицо, т.е. субъект действия, которое передает инфинитив» [Степаненко, 2009: 111]. Например, в предложении «E *sucedeu safarem-se* osbois» - «И случилось так, что быки убежали» в качестве финитного глагола выступает безличный глагол *sucedeu*, а спрягаемый личный инфинитив употреблен в 3-м лице мн. ч. – *safarem-se* [Степаненко, 2009: 113]. Выделяют следующие основные случаи употребления личного инфинитива в португальском языке: 1) инфинитив имеет собственный субъект, отличный от субъекта – подлежащего финитного глагола; 2) с целью выделения субъекта инфинитива во избежании возникновения двусмысленности высказывания; 3) с целью намеренного подчеркивания субъекта инфинитива для усиления эмоциональной нагрузки предложения [Guesta, Luz, 1980: 532-534 (Пер. К.А. Степаненко [Степаненко, 2009: 117])]

В аспекте личность-безличность на лексическом уровне различаются глаголы и прилагательные, ввиду особенности своей семантики допускающие определенные типы субъектов. Например, глагол *думать* относится к человеческому субъекту, глагол *бежит* к человеческим и нечеловеческим субъектам, а глагол *вечереет*, ввиду его несовместимости с признаком человек, обнаруживает дефектность парадигмы.

В синтаксическом строе высказывания выделяются грамматический и семантический субъекты, исходя из этого, указываются определенные типы предложений. У Г.А. Золотовой, например, предложение рассматривается как личное, когда допускается вся парадигма, т.е. 1-е, 2-е, 3-е лицо занимают позицию субъекта [Золотова, 1976: 311-312]. Предполагаются 3 основных типа предложений по наличию семантического субъекта:

1. Предложения, реализующие все элементы личной парадигмы: *Я читаю, ты читаешь, он читает*;

2. Предложения, реализующие только один элемент парадигмы: *Солнце встает;*

3. Предложения, не реализующие ни один элемент личной парадигмы: *Светает; Похолодало.*

Категория лица в семантико-прагматическом аспекте, т.е. в том аспекте, где семантические функции непосредственно касаются отношения содержания языковых единиц и высказывания в целом к участникам речевого акта и его условиям, также вызывает интерес со стороны исследователей. По мнению А.В. Бондарко, “семантическая категория персональности по самой своей сути имеет преимущественно прагматический характер. В стороне от прагматики оказываются лишь собственно синтаксические функции глагольных форм 3-го лица” [Бондарко, 1991 б: 37]. Прагматические функции форм лица проявляются в различных типах их употребления. Например, в формах 1-го лица множ. числа выявляется широкий спектр прагматических оттенков: а) торжественное “мы”, используемое лицами королевского ранга [Бенвенист, 1974; Есперсен, 1958 и др.]; б) авторское или ораторское “мы”; в) просторечное “мы” “...говорящий из скромности, скрывая свою личность за другими, может обнаруживать себя в форме 1-го лица множ. ч.” [Шахматов, 1941: 463]; г) эмоционально-грубоватое “мы” используемое в оборотах типа *слыхали мы, встречали мы* и т.д.

По традиции, в категории лица выделяют два основных типа персонального дейксиса: 1) конкретный (конкретно-личный и предметный); 2) неконкретный дейксис: обобщенно-личный и неопределенно-личный. Неконкретный персональный дейксис в лингвистике рассматривается в связи с традиционной проблемой односоставных предложений определенного типа. При этом по мнению исследователей [Булыгина, Шмелев, 1991] неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения интерпретируются при помощью понятия “нулевое местоимение”.

Кроме того, категория лица считается субъектно-объектной категорией [Пешковский, 1965; Виноградов, 1972; Маслов, 1975; Бондарко, 1991 б].

Объектное отношение к лицу в русском языке тесно связано с отношением субъектным в том плане, что выражение лица в объекте “дополняет и поддерживает то выражение семантики лица, которое дано в субъекте” [Бондарко, 1991 б: 17]. При этом «в сфере лица – объекта наблюдаются явно выраженные признаки периферийности по сравнению с позицией лица субъекта, выступающего в роли подлежащего» [Там же: 17].

В языках, которые характеризуются полиперсональным (субъектно-объектным) спряжением, в понятие категории лица включается не только лицо субъекта, но и лицо объекта. Как писал Ю. С. Маслов: «В языках с полиперсональным спряжением в глагольной форме обозначается не только лицо субъекта, но одновременно и объекта (иногда даже нескольких объектов) действия. Соответственно, глагол согласуется и с подлежащим, и с дополнением, прямым и даже косвенным» [Маслов, 1975: 212-213]. В таких языках включение лица объекта в сферу грамматической категории лица находит непосредственное структурно-грамматическое выражение в системе противопоставленных друг другу форм.

Лицо (число) объекта наряду с лицом субъекта различают в бакском, картвельском, абхазско-адыгейских, в большинстве палеоазиатских, отчасти самодийских и др. языках. В таких языках категория лица объекта получает в словоформе глагола самостоятельное выражение, отдельное от показателей лица субъекта. Ср. фрагменты субъектно-объектной парадигмы ительмен. языка: *т-әлчкуз-ӷин* «я-вижу-тебя», *т-әлчкус-чен* «я-вижу-его», *т-әл-чкус-схен* «я-вижу-вас» и т.д. Все формы здесь соотнесены с одним и тем же субъектом (1-го лица ед. ч.), но с разными объектами [Лингвистический энциклопедический словарь, 2002: 272].

Полевое представление категории лица в концепции Санкт-Петербургской грамматической школы позволило квалифицировать ее не только как грамматическую, но и функционально-семантическую категорию и вместе с тем как ФСП. На теорию ФСП А.В. Бондарко опираются также западноевропейские исследователи. Например, Х.Р. Вемейер относит к лицу в

качестве макрополя персональность, в качестве микрополей говорящего, адресата и лицо, о котором говорят. Он предлагает иерархическое членение микрополей, на первой ступени которого находятся граммемы морфологической категории и дальнейшее членение, отражающее специальные значения, лексико-грамматические ряды и взаимодействие периферийных средств с контекстом [см.: Недобух 2002, 59: Wehmeier 1978: 32]. Сходное мнение имеет Й. Рихтер, утверждая, что ФСП персональности обладает функцией сигнализирования о “носителе предикативного признака” [Richter, 1983].

Функционально-семантическая характеристика средств выражения персональности дает возможность определять ее как категорию актуализационную, соотносящую с точки зрения говорящего обозначаемую ситуацию и ее участников с участниками речевого акта [Бондарко, 1991 б: 5; Химик, 1986: 82]. Персональность как актуализационная категория так или иначе выявляется в любом высказывании. Ср., например, высказывания, содержащие глагольные формы, и такие, в которых лицо как грамматическая категория не выражается, что позволяет говорить о том, что персональная отнесенность ситуации устанавливается в зависимости от контекста и внешних условий речи.

Говоря о том, что семантика персональности как актуализационной категории представлена в любом высказывании, представители функциональной грамматики проводят четкое различие между двумя типами персональной семантики. Первый тип – категориальные грамматические значения форм лица глаголов и местоимений. Сюда относят и категориальные значения неопределенно-личных (*Ему мешают*) и обобщенно-личных (*Ему не помешаешь*) синтаксических конструкций. Второй тип – некатегориальные значения персональности (некатегориальные в том смысле, что они не представляют лицо как грамматическую категорию, выражаемую определенными грамматическими формами; категориальность есть и в рассматриваемых случаях, но лишь в отношении к персональности как

семантической, а не грамматической категории). К этому типу относится выражение семантики персональности за пределами грамматических форм лица. Ср., например, категориальное неопределенно-личное значение, выраженное специальной (предназначенной именно для этого) синтаксической конструкцией в случаях типа *Вопрос решают*, и неопределенно-личную семантику, предполагаемую, но не выраженную специальными грамматическими средствами в случаях типа *Вопрос решается* (подразумевается «кем-то, какими-то лицами») [Теория..., 1991: 10].

Для анализа системы типов, разновидностей и вариантов семантической категории персональности в ее речевых реализациях может использоваться понятие персональной ситуации (как одно из видовых понятий по отношению к родовому понятию категориальной ситуации) как типовой содержательной структуры, представляющей собой тот аспект передаваемой высказыванием общей ситуации, который заключает в себе отношение к лицу [Там же: 11]. Исследование персональных ситуаций может включать анализ взаимодействия персональности с представленными в высказывании элементами других семантических категорий. Изучаемые типы, разновидности и варианты персональных ситуаций включают все содержательные элементы высказывания, имеющие отношение к семантике лица [Там же:11].

В работах по теории функциональной грамматики подчеркивается *связь между другими функционально-семантическими категориями*. Категория лица тесно связана с другими категориями глагола: наклонения, времени и числа. Так, в русском языке в изъявительном наклонении формальное выражение наст. и буд. времени осуществляется личными формами. Показателем значения 1-го, 2-го и 3-го лиц служит флексия, одновременно имеющая значение ед. и мн. ч. повелительного наклонения, характеризующаяся системой личных форм, по своей организации отличающейся от системы личных форм изъявительного наклонения. Но обратной закономерности не существует, сослагательное наклонение и прошедшее время изъявительного наклонения не имеют личных форм. В этих формах представлены различия не по лицам, а по родам. (в ед. ч.).

Формами лица глагола определяется модальность, ср.: а) реальный и б) потенциальный типы обобщенно-личного функционирования форм 2-го лица ед. числа: а) В зеркало *стараешься* не смотреть; б) Без шутки *пропадаешь*.

Необходимо также констатировать взаимодействие персональности с темпоральностью, ср. сходство свободного функционирования форм разных лиц и разных времен в ситуативно актуализированной речи и связанного функционирования форм 3-го лица и форм прошедшего времени в речи ситуативно неактуализированной, например в эпическом повествовании. Взаимодействие персональности с временной локализованностью /нелокализованностью особенно четко представлено при функционировании неопределенно-личных и обобщенно-личных конструкций, ср.: Соловья баснями *не кормят*.

Категория лица настолько тесно связано с категорией числа, что в работах по грамматике выделяют в глаголе единую согласовательную категорию лица-числа. Э. Бенвенист также объединяет их под одной категорией, различая “собственно лицо” (=ед. ч.) и расширенное лицо (=множ. ч.). При этом только 3-е лицо имеет раздельно выраженный морфологический показатель множественного числа, ср. русс. *он* (ед. ч.) и *он-и* (множ. ч.); тюрк. *алды* “он взял” (ед.ч.), *алды-лар* (множ.ч.).

Важное значение имеют связи персональности с субъектностью и объектностью, о чем было написано выше. Причастность персональности к предикатно-субъектным (а в связи с ними и к предикатно-объектным) отношениям проявляется во взаимных связях категорий лица и залога. Ср. высказывания: а) Вы *выпускаете* продукцию высшего качества и б) *Вами выпускается* продукция высшего качества. В активной конструкции отношение ко 2-му лицу является единственным персональным значением, выраженным в данном высказывании. В пассивной же конструкции выделяются два плана персональности. С одной стороны, речь идет о действии, осуществляемом адресатом (передается отношение ко 2-му лицу, выражаемое в данном случае местоимением в позиции дополнения, а не подлежащего), а с другой – речь

идет о том, что происходит с продукцией, - это семантика предметного 3-го лица, выраженная сочетанием глагола-сказуемого в форме 3-го лица и существительного-подлежащего (выпускается продукция) [Бондарко, 1991 б: 25].

С категорией персональности также связана категория посессивности. Специфические морфемы или аффиксы принадлежности, а также притяжательные местоимения, которые определяют принадлежность предмета или признака к определенному лицу – говорящему, слушающему или «третьим лицам». Таким образом, семантические связи между категорией принадлежности и категорией лица находят структурно-грамматическое выражением в том, что притяжательные местоимения или аффиксы различаются по лицам, т.е. в них “грамматическая категория лица оказывается особым образом представленной” [Теория... : 1991: 25]: *мой дом* (русс.); *kirja-si* «твоя книга» (фин.); *ата-м* «мой отец» (узб.) и т.д. Лично-притяжательными аффиксами в некоторых языках также оформляются предикаты (в финском, тюркских, эскимосском, ненецком и т.д.). В таких языках аффиксами принадлежности при предикате (зависимый предикат, причастия) указывается принадлежность действия к какому-либо из трех лиц. Ср. *syödessä-ni* (фин.) «пока я ел»; *батабдақ* (кет.) “мое вытаскивание этого”; *ылбытым* (якут.) “то, что я взял”; *сӧзлӓримизниң* “слов, которые мы говорим” (узб.).

3.2. Семантические оппозиции в парадигме личных форм и личных местоимений

Противопоставление в парадигме личных форм и личных местоимений представляет собой двучленную оппозицию, которая распадается на бинарные: 1) оппозиция «1-е и 2-е» лицо, характеризующая отношения между участниками речевого акта – говорящим и адресатом: «1-е лицо свидетельствует о тождестве участника сообщаемого факта с активным участником факта сообщения, а 2-е лицо о его тождестве с реальным или

потенциальным пассивным участником факта сообщения, т.е. с адресатом» [Якобсон, 1972: 102]; 2) оппозиция, основанная на признаке «участие/неучастие» в акте общения: семантика 1-го и 2-го противопоставляется семантике 3-го лица.

В первой оппозиции (1-е лицо/2-е лицо) вершинное положение занимает 1-е лицо, поскольку представляет говорящего, а то или иное отношение к лицу устанавливается с точки зрения говорящего и ориентируется прежде всего на говорящее лицо как центральную фигуру речевого акта. В отличие от 1-го лица, 2-е лицо можно также использовать и вне диалога, в одной из разновидностей «неличного» употребления. Во многих языках «ты» («вы») служит субститутом обобщенно-личного местоимения, соответствующего французскому *on*: например, в русском языке: *говоришь* с ним, он не слушает. Поэтому «ты» («вы») может быть определено как «лицо не-я».

Э. Бенвенист, выявляя паре “я/ты” свойственную специфическую корреляцию, называет ее корреляцией субъективности. «Я» от «ты» отличает прежде всего то, что «я» является внутренним по отношению к высказыванию и внешним по отношению к «ты» [Бенвенист, 1974:266]. Противопоставляя комплекс “я/ты” к “он”, Э. Бенвенист отмечает, что только лицам “я” и “ты” присуща уникальность: “... “я”, которое производит высказывание, “ты”, к которому “я” обращается, каждый раз уникальны. Напротив, “он” может представлять собой бесконечное число субъектов – либо ни одного” [Бенвенист, 1974: 264].

Проблема, связанная с грамматическим и семантическим статусом 3-го лица, в отечественном и зарубежном языкознании имеет достаточно длительную историю (например, в работах Ф.И. Буслаева, К.С. Аксакова, А.М. Пешковского, Э. Бенвениста, О. Есперсена). Грамматические различия между формами глаголов и личных местоимений 1-го и 2-го лица, с одной стороны, и 3-го лица, - с другой рассматривались учеными в основном с точки зрения личности и не-личности. К.С. Аксаков подчеркивал противопоставление 1-го и 2-го лица 3-му лицу не только по признакам личности/не-личности, но и по

присущей местоимениям 3-го лица заместительной (вместо имени) роли [Аксаков, 1875: 541]. Ф.И. Буслаев писал, что «посредством формы 3-го лица можно означать и лица, и неодушевленные предметы» [Буслаев, 1958: 187]. «Разница эта между первыми двумя лицами и третьим лицом, - писал А.М. Пешковский, - объясняется тем, что ... в третьем лице подлежащим может быть не только личное слово *он*, но и тысячи других слов с всевозможными значениями. Понятно, что ощущение такого слова сознается как пропуск чего-то важного» [Пешковский, 1956: 169-170].

Западноевропейские ученые считают собственно личными по происхождению лишь партиципантные местоимения (т.е. местоимения 1-го и 2-го лица), местоимения 3-го лица являются указательными. Значительное разнообразие в выборе указательных местоимений, используемых в различных индоевропейских языках в функции личных местоимений третьего лица (так, в португальском, это местоимение *esse, este, aquilo, outro* (этот, другой) и т.д.), свидетельствует об относительно позднем развитии личных местоимений третьего лица из указательных [Степаненко, 2009: 36]. Испанский лингвист М.Б. Навес, исследовавшая грамматическую категорию лица с точки зрения генеративной грамматики, также приводя четкое разграничение между 1-м/2-м и 3-м лицом, подчеркивает, что “он всегда принадлежит к уровню языка” (перевод К.А. Степаненко [Степаненко, 2009: 37]) [Naves, 1971: 14-15;].

На основании комплекса признаков противопоставленности 1-го и 2-го лица 3-му Э. Бенвенист пришел к выводу, что, «третье лицо» не есть «лицо», которое выражается в возможности комбинироваться с любой объективной референцией, расположением некоторых местоименных или указательных вариантов [Бенвенист, 1974: 262].

При решении вопроса о том, является ли 3-е л. собственно лицом или не-лицом, А.В. Бондарко исходит из того, что в 3-м лице совмещены признаки потенциальной личной и неличной формы и нет оснований вывести предметное 3-е лицо за пределы категории лица. Как он пишет: “3-е лицо как «собственно лицо» и как предмет («не-лицо») ... объединяются по синтагматическому и

синтаксическому признаку соотнесенности предиката с таким субъектом, который противостоит 1-му и 2-му лицу как «3-е лицо». Общность лица и не-лица подтверждается тождественностью грамматических показателей глагольных форм 3-го л. безотносительно к рассматриваемому различию" [Бондарко, 1991 б: 36].

Семантические оппозиции выступают общим моментом и в работах других авторов. К. Хегер соотносит оппозиции 1-го и 2-го лица оппозиции 1-го, 2-го и 3-го лица [Heger, 1965: 76]. А. Эрхарт строит следующую систему: 1. Оппозиция subjective: nicht subjectiv; 2. konkret (personal) abstract (nichtpersonal) [Erhart, 1970: 27], т.е., первую оппозицию составляет отношение субъект/несубъект, а вторую – конкретность (личность)/абстрактность (неличность).

3.3. **Структура функционально-семантического поля категории персональности**

В ФСП персональности рассматриваются все средства (морфологические, лексические, синтаксические и т.д.) выражения различных вариантов отношения к семантике лица, выступающие в высказывании (с учетом контекста и ситуации как речевой среды по отношению к элементам языковой системы).

Персональность рассматривается как ФСП моноцентрического типа со сложной бинарной структурой центра, включающей формы лица разных частей речи – глагола и местоимения, что характерно в языках разных типов. Таким образом, формы лица глаголов и личные местоимения, образующие центр поля персональности, представляют не разные грамматические категории, а одну и ту же грамматическую категорию лица. Они могут быть названы персональными элементами I ранга – элементами, выражающими отношение к лицу, касающиеся субъекта-подлежащего.

Грамматический центр поля персональности – лицо как грамматическая категория – сам по себе представляет собой полевую структуру и в семантическом плане. В семантической иерархии содержания персональности выделяется ядро (глагольные и местоименные формы 1-го и 2-го л.) и его окружение – формы 3-го л., которые связаны с указанием именно на лицо (лица). К ближайшей периферии семантики персональности также относятся семантика обобщенноличности и неопределенноличности, выраженных глагольными формами лица. Предметное 3-е лицо специалисты относят к периферии данного микрополя, так как оно выражает отнесенность факта сообщения к внешней среде, противопоставленной собственно лицам. К крайней периферии относятся значения форм 3-го лица ед. числа, выражающие безличность или бессубъектность.

Грань, которая отделяет центральные средства выражения персональной семантики от периферийных, определяется различиями между элементами I-го и II-го ранга персональной семантики. Средства 2-го ранга выражения семантики лица, представляющие более частные подсистемы и ограниченные по условиям функционирования, относят к периферии данного поля. К ним относятся, в первую очередь, формы личных местоимений в косвенных падежах, а также притяжательные местоимения, которые, обладая признаком посессивности, имеют непосредственное отношение к категории лица.

Формы личных местоимений в косвенных падежах являются персональными элементами II ранга в силу того, что они находятся за пределами субъекта подлежащего (когда отношение к лицу касается субъекта, выраженного дополнением, а также объекта и атрибута). Структура предложения в таких случаях безличная, отношение факта сообщения к определенному субъекту передается через личное местоимение в дательном падеже. Такие предложения обычно содержат сообщение о внутреннем физиологическом и психическом состоянии человека: *Мне* весело; *Меня* знобит и т.д.

Лексические средства выражения персональности выступают в сочетании с 3-м лицом глагола. Сочетания типа *ваш покорный слуга, автор этих строк, наш брат, по-нашему* и т.д., соотнесенные с формами 3-го лица или формами прошедшего времени, в русском языке определяют реальную отнесенность содержания высказывания к говорящему. Напр., *Автор этих строк* считает нужным (=я считаю нужным). А высказывания *ваша милость, ваше дело* и т.д. передают отношение высказывания к слушающему. Напр., *Ваша милость* запаздывает (=вы запаздываете). В зависимости от контекста обобщенно-личную семантику персональности может выражать лексема *человек*: Только в одиночестве *человек* может работать во всю силу своей моготы (А. Герцен).

В круг периферийных средств выражения лица в русском языке также входят прономинальные существительные, обращения, в которых совмещены функции адресования и названия, интонационно-синтаксические средства, к которым относятся императивные конструкции, выражающие различные частные значения побудительной модальности. Ср., например, интонационно-синтаксические средства, представленные в инфинитных конструкциях с императивным значением: *Встать! Руку*! и т.д., определяющих отношение факта высказывания ко 2-му лицу.

Вопрос о включении в качестве средств выражения категории персональности безличных глаголов (также личных глаголов в безличном употреблении) и независимого инфинитива до сих пор является спорным. Проблема безличности еще остается в языкознании предметом дискуссий. Некоторые авторы исключают безличность из категории лица на том основании, что в безличных предложениях в главном члене “высказывание не может быть отнесено ни к одному из трех лиц” [Калинин, 1991:31] и «безличные предложения с семантической точки зрения обозначают процессы, не связанные с представлением о субъекте» [Шишкова, Смирнова, 2003: 32]. Но в то же время существующие точки зрения по данному вопросу позволяют включить формы безличности в ФСП персональности в качестве крайне периферийных средств, так как большинство исследователей рассматривают

безличность в рамках категории лица [Пешковский, 1956; Виноградов, 1986; Никитевич, 1963; Бабайцева, 1968; Золотова, 1973; Бондарко, 1991; Тупикова, 1998; и др.]. Например, В.М. Никитевич отмечает, что безличные глаголы имеют самое непосредственное отношение к категории лица: «Как личные, так и безличные глаголы выражают отношение к субъекту. …Сам термин «безличность» по своей внутренней форме связан с категорией лица. Личность и безличность – две основные абстракции категории лица» [Никитевич, 1963: 278-279]. В работах по грамматике допускается включение безличных глаголов (например, *морозит, повеяло, знобит* и т.д.) в систему форм категории лица и определяется, что безличные формы сопоставимы с семантикой глаголов 3-го лица в его предметном значении.

Как отмечает Г.А. Золотова, “Только морфологический предрассудок против неноминативного подлежащего мешает увидеть в этих предложениях два организующих компонента, как во всякой синтаксической модели предложения: субъект и предикат, или имя предикативного признака состояния и имя его носителя. Фиксированы формы того и другого компонента: личное имя субъекта в дательном и винительном падеже, в предикате слова категории состояния на *-о*, глаголы состояния в третьем лице и среднем роде, а также инфинитив” [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004: 122-123].

Крайним типом безличности считают “неопределенный пространственно-временной континиум, осмысливающийся как некое воображаемое пространство, которое членится на сферы по отношению к одному из трех лиц, благодаря чему возникают 3 основных типа предложений существования, наличия” [Лингвистический энциклопедический словарь, 2002: 273]. Такими типами предложений, например, различают пространство, ближайшее к 1-му лицу: *У нас светает*; пространсво, относящееся к 3-му лицу: *это, есть, имеется* и т.д.

Задачей последующих глав будет рассмотрение особенностей плана выражения ФСП персональности в современном якутском языке. В работе будет проведен функционально-семантический анализ средств выражения

персональности, будут раскрыты их характерные особенности и связанные с ними понятия, закономерности функционирования данных средств в современном якутском языке. При выявлении и систематизации центральных и периферийных средств выражения персональности объектом нашего исследования стали определенноличность, неопределенноличность, обобщенноличность и безличность.

В современном якутском языке в центр поля персональности относим морфологические средства – аффиксы лица, содержащие признаки, указывающие на отношение обозначаемого действия или состояния к грамматическому субъекту. Кроме морфологических средств, как центральные средства будут рассмотрены лексические средств выражения лица - личные и лично-возвратные местоимения. Как и в других языках, средства выражения персональности, выходящие за пределы грамматических форм лица глагола и личных местоимений (выступающих в позиции подлежащего), относим к периферии данного поля. Они ограничены условиями функционирования и не занимают центральное место в субъектно-предикатной структуре предложения или не являются специализированными средствами выражения участников сообщаемого факта. Как периферийные средства выражения персональности будут рассмотрены разноуровневые средства (морфологические, лексико-морфологические, лексические, синтаксические), также формы безличности, относящиеся к крайней периферии данного поля.

Выводы по I главе

История изучения категории персональности началась с освещения проблем, связанных, в первую очередь, с категорией лица глагола. Начиная с XIX века, в трудах лингвистов категория лица рассматривалась как главнейшая синтаксически ориентированная глагольная категория. Еще тогда различались личные и безличные предложения, категории определенности/ неопределенности лица.

Личные местоимения признаются исследователями как не менее значимые лексические элементы выражения категории лица, имеющие высокую степень грамматичности. Им приписывается способность выполнять грамматическую функцию, свойственную также и личным формам глагола – обозначать отношение действия, выраженного глаголом, к определенному лицу.

Категория лица включается в круг категорий, составляющих предикативность предложения, и считается исследователями наиболее существенной в выражении предикативности благодаря синтаксическому свойству соотносить действие с его производителем (В.В. Виноградов, А.А. Юдин, С.Г. Ильенко и др.).

Морфологический характер категории лица в глаголе проявляется в том, что она составляет парадигму спряжения глагола, представленного системой противопоставляемых форм.

Современная трактовка, опирающаяся на теории синтаксического лица и понятийных категорий, позволила исследователям прийти к заключению, что на проблему способов и средств выражения категории лица следует смотреть широко, не ограничиваясь рамками глагольного спряжения, и квалифицировать данную категорию как функционально-семантическую категорию персональности, на которой базируется соответствующее ФСП (А.В. Бондарко и др.).

Категория персональности трактуется как достаточно широкая содержательная сфера, реализуемая личной формой глагола (в единстве с личными местоимениями) и иными средствами, которые встречаются на уровне предложения и текста, а также грамматической определенноличности, неопределенноличности, обобщенноличности и безличности. Содержательная сфера категории персональности объединяет также ряд не предикативных средств: морфологических, лексических, контекстных – всех тех, которые прямо или косвенно могут выразить отношение высказывания к говорящему, адресату и другим участникам/не участникам коммуникативного акта.

Из определений персональности, данных исследователями, вытекают следующие основные особенности персональности:

- персональность полифункциональная категория;

- категория лица характерна не только для глагола, так как существуют языки, где имя и не финитные формы глагола тоже могут спрягаться по лицам;

- персональность универсальная категория. План выражения содержит типологическую основу, которая отчетливо прослеживается в языках разных систем, особенно в центральной (ядерной) части поля;

- персональность актуализационная категория. Это проявляется в ситуации речи, где актуализация происходит за счет предикативных и непредикативных средств;

- категория лица тесно взаимодействует с функционально-семантическими категориями субъекности/объектности, модальности, количественности, посессивности, залоговости. Средства выражения этих категорий пересекаются друг с другом.

В современных исследованиях категория персональности выступает как текстообразующая категория, где в качестве основных понятий рассматриваются субъективная модальность, эгоцентрические элементы, модус, авторизация и т.д. Категорию лица рассматривают также в лексико-семантическом аспекте, где противопоставляют лексико-грамматические разряды лексем на относящиеся к концепту «Лицо» и «Не-лицо», а также

различают глаголы по их отнесенности к сфере семантики 1-го , 2-го, 3-го л. и т.д.

В грамматических описаниях тюркских языков категория лица получает освещение на основе исходно-формального анализа. Известными тюркологами были проведены сравнительные исследования по этимологии личных аффиксов, в результате чего сложилось общее мнение, что существуют три вида личных аффиксов: местоименного происхождения, аффиксы принадлежности и аффиксы повелительного наклонения, которые выражают лицо и субъект действия. Изучение форм лица проводилось также в связи с исследованием проблем развития временных форм, наклонений, инфинитных форм, аналитических конструкций.

В якутском языке, начиная с труда О.Н. Бетлингка, некоторые вопросы, касающиеся категории лица, были освещены в ряде работ по грамматике. В силу того, что категория лица неотделима от категории сказуемости, не только финитная форма, но также и предикативное склонение причастий, личное оформление деепричастий, составные аналитические конструкции находят отражение в трудах якутоведов. Но в связи с отсутствием специальных работ, посвященных исследованию категории лица и персональности в якутском языке, стоит задача более подробного описания характеристики, семантики и функционирования категории лица и личных местоимений в якутском языке, а также выявление периферийных средств данной категории.

Глава II. ЯДЕРНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

§1. Категория лица в глагольных формах

1.1. Финитная форма глагола

В якутском языке из всех средств выражения персональности ведущая роль принадлежит морфологической категории лица глагола. Изменение глагольной формы по лицам в тюркских языках представляет собой «формоизменительный механизм репрезентации субъекта выражаемого суждения через значения лица» [Гузев, 1990: 62]. В связи с развитой парадигмой личного спряжения в якутском языке подлежащее в виде существительного или местоимения употребляется факультативно. Если в предложении отсутствует подлежащее, личная форма глагола всегда указывает на грамматический субъект.

Морфологическая категория лица глагола, как уже говорилось, традиционно относится к числу синтаксически ориентированных категорий, которые вместе с наклонением и временем составляют предикативность предложения. Лексико-грамматическое значение глагола как части речи, выражающей действие или состояние как процесс, наиболее полно реализуется именно в глагольных финитных формах, называющих в качестве предиката то, что истолковано как действие. Финитная форма глагола исследователями тюркских языков традиционно объединяется в единый комплекс – категорию глагольной сказуемости, связанной с понятиями «наклонение», «время», «лицо», «число». Эти четыре категории, участвующие в спряжении глагола, по своему содержанию, формами выражения неразделимо связаны друг с другом,

дополняют друг друга и составляют предикативность предложения, т.е. то, что «делает грамматическую основу предложения пригодной для речевой актуализации – построения соотвествующего высказывания» [Химик, 1990: 79]. В якутском языке, как и в других тюркских языках, под финитной формой глагола подразумевается употребление глаголов в качестве сказуемого простого предложения или сказумого независимой части сложноподчиненного предложения, где конечная форма глагола в своем составе имеет время-модальный показатель и аффиксы лица-числа.

Каждая из упомянутых категорий по-своему устанавливает связь содержания грамматической основы предложения с действительностью. Действие обязательно существует в отношении к субъекту-деятелю, что находит выражение в языке в категории лица. Только с помощью аффиксов лица мы распределяем субъекты на участников/неучастников коммуникативного акта. Категорией времени выражается существование действия во времени, а в категории наклонения отражается отношение содержания высказывания к действительности.

Особая роль в этой дифференциации в тюркских языках принадлежит категории лица. Особенностью аффиксов лица является их свойство “отдельности” от время-модальных показателей. Сразу после основы глагола прикрепляется аффикс, выражающий одновременно модальную и временную характеристику действия. Только за ним следуют показатели лица-числа, которые некоторые исследователи называют “грамматическими переменными второго порядка” [Черемисина, 1984: 7]. Так как сказуемость не может выражаться вне категории лица, аффиксы сказуемости и аффиксы принадлежности в той же функции определяют сказуемость в предложениях. С этой точки зрения категориальное значение лица глагола выступает как организующий центр сказуемости.

Как и в других тюркских языках, в якутском языке формы наклонения и времени в большей степени образуются от первичных и вторичных причастий с помощью личных аффиксов. При образовании аналитических форм наклонений

для выражения модальных значений используются те же формальные показатели лица, прикрепленные или к причастиям, или к вспомогательным глаголам, модальным словам.

Исследователями тюркских языков почти не отделяются категории лица и числа глагола, что обусловлено внутренним содержанием этих категорий. Источник действия или субъект содержит в себе числовое понятие, так как он относится к единицам, которые могут быть подвергнуты счету. Он может представлять одно лицо, которое называем формами ед. числа, и несколько различных лиц, их совокупность, называемых формами множественного числа. Поэтому категория числа для своего выражения использует те же формальные показатели, что и категория лица. Например, форма *бардылар* ʻони ушлиʼ одновременно служит показателем грамматического значения 3-го лица и грамматическим показателем множественного числа.

Различие этих категорий в процессе речи состоит в том, что изменение грамматических значений одной категории часто не связано с изменением грамматических значений другой. Например, при изменении отношения действия к лицу (1-е, 2-е, 3-е лицо) отношения действия к моменту речи (какое-либо грамматическое время) может оставаться неизменным: *суруйабын* ʻпишуʼ, *суруйаӈын* ʻпишешьʼ, *суруйар* ʻпишетʼ и т.д. (разные формы лица даны в одном грамматическом времени – в настоящем). А изменение отношения действия к моменту речи может не изменять отношения действия к грамматическому субъекту и лицу: *суруйабын* ʻпишуʼ, *суруйуом* ʻнапишуʼ, *суруйбутум* ʻя написалʼ – разные формы времени даны с одним грамматическим значением 1-го лица ед. числа.

Морфологическая категория лица глагола представляет собой грамматическую словоизменительную категорию, отдельную систему противопоставленных рядов форм, выражающих отнесенность действия к его производителю с точки зрения говорящего. Форма 1-го лица выражает отнесенность действия к говорящему, 2-го лица – к адресату речи, 3-го – к лицу, не участвующему в речи или к предмету. Формы 1-го и 2-го лица

противопоставляются 3-му лицу по двум признакам: а) они всегда имеют значение лица; б) производителем действия в этих лицах выступает участник речевого акта. Форма 3-го лица а) может иметь значение лица или предмета; б) производитель действия, выраженный 3-м лицом, не является участником ситуации речи.

В понятие лица входят, в первую очередь, действия человека. Поэтому предметное 3-е лицо имеет периферийное значение в микрополе грамматической категории лица. Неодушевленное лицо (представители животного мира, предмет, абстрактное понятие) тоже являются исполнителями действия. Иногда предметы могут употребляться в одушевленном понимании, и тогда они принимают форму 2-го лица ед. и множ. чисел: − *Арбаҕаһым эрэйдээх, өһүргэнимэ. Кэбис! Таптаан лахсыйабын* (АА ТА, 4 том, 70). ‘Моя бедная доха, *не обижайся*. Брось! Любя болтаю’.

Исследователи выделяют в якутском языке следующие виды личных аффиксов, выражающих грамматическое лицо глагола [Грамматика современного якутского ...., 1995: 16]:

1. Аффиксы сказуемости:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. *-бын*	*-быт*
2-е л. *-ҕын (-гын)*	*-ҕыт*
3-е л. *Ø*	*-лар*

2. Аффиксы принадлежности (в роли показателей сказуемости):

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. *-ым*	*-быт*
2-е л. *-ыҥ*	*-гыт*
3-е л. *-а*	*-лара*

3. Аффиксы лица в повелительном наклонении:

Ед. ч.	Двойств. ч.	Мн. ч.
1-е л. *-ыым*	1-е л.*-ыах*	1-е л. *-ыаҕ-ыҥ*
2-е л. *-Ø; -аар*;		2-е л. *-ыҥ*

3-е л. *-тын* 3-е л. *-тыннар*

4. Древние аффиксы сказуемости: *-м, -ҥ*, которые употребляются только в 1-м и 2-м лице ед. ч.

Как установил Г.Г. Филиппов, [Филиппов, 1999: 280] этими четырьмя типами аффиксов осуществляется 5 типов спряжения по лицам в современном якутском языке:

1) Спряжением с аффиксами сказуемости оформляются сказуемые, выраженные глагольными формами настоящего времени, прошедшего результативного времени и в большей части косвенных наклонений (в утвердительном, долженствовательном, обычно совершаемого действия, возможном). Аффикс сказуемости имеет значение подтверждения, сообщения действия в момент речи. Этот аффикс в 3-м лице ед. числа отсутствует, во множ. числе 3-го лица употребляется аффикс множественности *-лар*. Форма настоящего времени в 3-м лице ед. числа выражается формой причастия настоящего времени *-ар/-ыыр*: *турар* ʻстоит’, *аһыыр* ʻкушает’ и т.д.

2) Спряжение с аффиксами принадлежности. От аффиксов сказуемости эти аффиксы отличаются в формах всех лиц единственного числа и 3-го лица множ. числа; в 1-м и 2-м лицах они совпадают. Они употребляются в глагольных формах прошедшего и будущего времен и стяженных формах со связкой на -э, в наклонениях сослагательном, предположительном и некоторых других: *барыах этим* ʻя мог бы пойти’, *бардаҕым* ʻзначит, я пошел’ и т.д. Значением этого аффикса является обобщение, подтверждение, что действие на самом деле произошло, произойдет.

3). Спряжение в повелительном наклонении значительно отличается тем, что в нем слились аффиксы выражающие лицо и аффиксы, выражающие повелительное наклонение глагола. Действие, которое совершают только 2 лица, т.е. инклюзивное значение, выражается аффиксом *-ыах* (*Эн биһикки барыах* ʻмы с тобой пойдем-ка’), а действие, совершающееся группой лиц, включая говорящего, выражается формой на *ыах*(*-ыҥ*) (*Биһиги барыаҕыҥ* ʻМы пойдемте’). В других тюркских языках множ. ч. 1-го лица выражается

аффиксом *-х*. Таким образом, здесь угадывается наличие сложного аффикса. Второе лицо ед. ч. в повелительном наклонении не имеет аффикса (нуль аффикса), используется только основа глагола. В 3-м л. аффикс повелительного наклонения *-тын* используется без аффикса лица. Это проявляется в использовании аффикса множественности *-лар* во множ. числе 3-го лица в повелительном наклонении (*бардын, бардыннар* ʹпусть идетʼ, ʻпусть идутʼ).

4) Недавнопрошедшее время спрягается древним аффиксом сказуемости (т.е. усеченным): при 1-м лице ед. ч. *-м* и 2-м лице ед. *-ҥ* [Филиппов, 1999: 145]. В тюркологии доказано образование недавнопрошедшего времени аффиксами *-ты/-ды*. Поэтому предполагается, что произошло расширение узкого гласного аффикса *-ты* на *-та*.

Ед. ч.	мн. ч.
1-е л. *-ты -м* (*бардым*)	*-ты -быт* (*бардыбыт*)
2-е л. *-ты -ҥ* (*бардыҥ*)	*-ты -гыт* (*бардыгыт*)
3-е л. *-та* (*барда*)	*-ты -лар* (*бардылар*)

По предположению Г.Г. Филиппова, краткий аффикс сказуемости возник раньше долгого аффикса сказуемости, так как в повелительном наклонении имеется краткий особый вид аффикса лица [Саха билиҥҥи тыла. Морполуогуйа, 2009, 197]. По мнению Н.И. Поповой [Попова, 2004: 83], наряду с усеченным аффиксом, сочетающимся с формами на *ды/-ты* также существует усеченный аффикс, сочетающийся с формой будущего времени на *-ыа* в первом лице ед. ч. *-м*.: *бар-ыа-м* ʻпойдуʼ.

5). Спряжение путем сращения связки *эт-* с аффиксом причастия:

Ед. ч.	мн. ч.
1-е л. *-м барар+этим >барарым*	*-быт барар этибит >барарбыт*
2-е л. *-н барар +этиҥ>барарыҥ*	*- гыт барар этигит >бараргыт*
3-е л. *-а барар + этэ >барара*	*-лара барар этилэрэ >бараллара*

Этой разновидностью личного аффикса, который совпадает с аффиксом принадлежности, спрягаются вторичные причастия (*-быттаах, -батахтаах, -ыахтаах, -ымыахтаах, -ардаах, -баттаах, -а илик, -ан турардаах/-бакка*

турардаах). Значением личного окончания, образованного от стяжения недостаточного глагола э- в форме прошедшего категорического временина *-т* при спряжении, является подтверждение, что до момента речи было известно, что действие совершилось. Как пишет Г.Г. Филиппов, эта вторая форма аффикса “принадлежности” “ничего общего, кроме омонимичного спряжения, ни с первой формой аффикса “принадлежности”, ни с настоящей формой аффикса принадлежности она не имеет» [Филиппов, 1999: 30].

В якутском языке основная часть финитных форм глагола представляет собой употребление причастий в качестве сказуемого. Присоединяя к себе аффиксы личного спряжения, причастия образуют в современном якутском языке формы времен изъявительного и некоторых форм косвенных наклонений [Харитонов, 1947; Коркина, 1970; Филиппов, 1999].

В интеррогативных (вопросительных) предложениях имеется ряд грамматических закономерностей постфиксации. В якутских интеррогативных конструкциях, оформленных различными средствами выражения вопросительности, сказуемое принимает специализированные личные постфиксы [Алексеев, 2012: 73]. Как установил И.Е. Алексеев, в якутском языке выделяются четыре типа личных постфиксов сказуемости, которые прикрепляются к определенным формам наклонения с дополнительными средствами вопросительности: постфиксов интеррогативности *-й, -(ы)й, -ай, -ный* [Алексеев, 2012: 74].

Категория лица выполняет важную синтаксическую роль. Личная форма глагола представляет собой выражение связи действия с субъектом, выступающим в роли говорящего, следовательно, определяет синтаксический тип простого предложения. Глагольные формы трех лиц в якутском языке предопределяют структуру простых односоставных и двусоставных предложений и их бесподлежащных определенно-личных реализаций: *Мин дьиэҕэ киирдим* ‘*Я вошла* в дом’; *Таһырдьаттан дьиэҕэ киирдим* ‘С улицы в дом *вошла+я’*; *Таһырдьа тахсыҥ*! ‘*Выйдите* на улицу!’ и т.д.

Односоставные предложения являются грамматическими средствами выражения субкатегорий неопределенноличности и обобщенноличности, которые входят в понятие категории персональности. Ни категория наклонения, ни категория времени не определяют с той же последовательностью синтаксический тип односоставных неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений, с какой это осуществляется с помощью категории лица глагола.

Специфика категорий наклонения и времени не имеет значения для формирования названных типов предложения, так как их функция заключается в другом аспекте отражения действительности. Категория времени является формой существования действия, где говорящий устанавливает отношение действия ко времени с момента его речи. Категория наклонения показывает, каким представлено действие в глаголе: реальным (изъявит. накл.), желаемое в будущем (повелит. накл.), возможным при известных условиях (сослаг. накл.) и т.д.

В односоставных неопределенно-личных и обобщенно-личных предложениях невербализованный субъект представляется глагольными граммемами лица в их вторичных, а не общих парадигматических значениях. А эти значения выявляются на другом – синтаксическом – уровне в определенном контексте. Обобщенно-личное и неопределенно-личное значения осознаются только на основе их противопоставления определенно-личному значению личных форм глаголов. В свою очередь, эти значения выявляются путем противопоставления их друг другу. Форма 2-го лица ед. числа может образовать модель обобщенно-личного предложения, формы 3-го лица множ. числа формируют модель односоставных неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений.

Выявление референциальной характеристики обобщенно-личных предложений – это прежде всего решение вопроса о том, с какими типами внеязыковых объектов может соотноситься субъект соответствующих высказываний. Поскольку в этом случае рассматриваются бесподлежащные

предложения, речь может идти о референциальных свойствах подлежащего, выраженного нулевым элементом. В таком случае, данная проблема предстает как часть более общей проблемы, связанной с референциальными характеристиками синтаксических нулей, разработанными Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелевым [Булыгина, Шмелев, 1991:41-72].

Практически каждая личная глагольная форма и личная местоименная лексема 1-го , 2-го и 3-го лица ед. и множ. чисел может выражать тот или иной вариант неопределенно-обобщенного расширения субъекта. Как и в русском языке, обобщенно-личные предложения с формой глагола во 2-м лице ед. ч. в якутском языке всегда указывают на лицо, находящееся в фокусе эмпатии, − сокращенно ЛФЭ (лицо в фокусе эмпатии). В роли ЛФЭ может выступать как любое лицо, так и говорящий, при этом обычно сама ситуация повторяется многократно или понимается обобщенно: *Эдэр-сэнэх эрдэххэ орто дойдуга үйэ-саас тухары сылдьыахтыы, тугу да улаханҥа уурбаккын* (ЕН ЭК уо Дь,209) ʻКогда ты молод, то думая, что в этот мир пришел навсегда, ничему особого внимания *не уделяешь’*; *Кыыһыранҥын кырдьыгы кыайбаккын* (СД СТТ, 77) ʻСердясь, *не победишь* правду’. Здесь форма 2-е л. ед. ч. понимается как относящееся и к говорящему, и к каждому, кто может оказаться на этом месте, в таких случаях субъект оценки обобщает свой личный опыт.

Абсолютная обобщеннoличность, не включающая говорящего, выражается в предложениях с полным отсутствием временной локализованности действия, это могут быть фразеологизированные выражения, пословицы и поговорки, обычно употребляющиеся в отрицательной форме: *Сордоҥ айаҕар илиигин уган биэримэ* (СФ, 125) ʻ*Не всовывай* руку в пасть щуки’; *Айанныыргар аһы, бараргар маһы бараама* (СФ, 126) ʻКогда отправляешься в путь *не израсходуй* еду и дрова’; *Мээнэҕэ кыыһырыма, эрдэ кырдьыаҥ* (СФ, 126) ʻ*Не сердись* по пустякам, рано *состаришься’*; *Историяны таптаабыккынан уҥа-хаҥас туппаккын* (Д ХО, 76) ʻИсторию *не перепишешь’*; *Тыллааҕы тылынан тохтотуоҥ* (А, 332) ʻОстрого на язык *остановишь* только метким словом’.

Неопределенно-обобщенный субъект часто получает отчетливое выражение в обобщенно-личных односоставных предложениях с глагольными предикатами 3-го лица множ. числа: *Ньукулай курдук киһини илиитэ сөптөөх миэстэтиттэн үүммут дииллэр* (АН ДьБ, 25) ‘О таких людях как Николай *говорят*, что у них руки выросли из правильного места’. В отличие от неопределенно-личных предложений в форме 3-го л. множ. числа, здесь речь идет о людях вообще, происходит обобщение субъекта, действие расценивается как объективное, закономерное и действительное для всех. Предложения с глагольной формой 3-го л. множ. ч. в настоящем неопределенном времени имеют значение закона, не зависящего от точки зрения говорящего: *Айаас акка киһини мэҥэстибэттэр* (Ч, 1, 24) ‘На резвого коня *не усаживают* человека позади кого-либо’; *Алдьархайтан ас таһаарыналлар* (ПО ТА, 260) ‘Из бедствия *выручают* выгоду’. В такого рода высказываниях предикат имеет обобщенную «родовую референцию» [Булыгина, Шмелев, 1991: 45]. Главное отличие обобщенно-личных предложений, выраженных формой 3-го л. множ. ч., от обобщенно-личных предложений с использованием формы 2-го лица ед. ч. заключается в том, что в предикатах в форме 2-го л. ед. ч. речь идет не о законе, существующем независимо от «точки зрения», но о множестве конкретных ситуаций, рассматриваемых изнутри, с конкретной точки зрения. В формах же в 3-м лице множ. ч. совокупное множество субъектов тяготеет к семантике неопределенности, так как ЛФЭ в подобных предложениях не предполагает широкий круг субъектов.

В неопределенно-личных предложениях с помощью граммем 3-го лица множ. числа выражается действие, относимое к неопределенному лицу (каким-то другим участникам речевого общения): *Дьиэҕэ киирдилэр* ‘*Вошли* в дом’. Неопределеннoличность означает, что субъекты действия, состояния или признака могут быть только «антроморфными, и что состав или количество субъектов деятелей неизвестен или неважен говорящему или воспринимающему лицу, либо им обоим» [Химик, 1990: с. 135]. Грамматическое неопределенное лицо может указывать на различный характер

референции субъекта. Субъект действия может быть единичным и конкретно-референтным, но неизвестен или неизвестно его имя говорящему: *Тоҕо эрэ ааны бэрт сэмэйдик тоҥсуйан тобугураттылар. Ньургуйаана соһуйан өрө көрө түстэ: бырааТа Васек ардахха баттаппыт тураахтыы сукуллан турар* (УО А, 102) ‘В дверь почему-то очень робко *постучали.* Нюргуяна удивленно посмотрела: стоит, похожий на попавшего под дождь ворону, ее брат Васек’. Субъект может быть неопределенным элементом определенного множества лиц: *Тугун-ханныгын өйдүөм иннинэ өссө хаһыытаатылар: “Рота, подъем!”* (С ОББ, 25) ‘Не успел я понять в чем дело, опять *крикнули*: «Рота, подъем!»’. Неопределенность может означать неопределенное количество неизвестных говорящему субъектов: *Кини туһунан элбэхтик хаһыакка суруйан тураллар* (ТС ЕЧ, 32) ‘О нем много *писали* в газетах’.

Формы 3-го лица ед. числа определяют модели безличного предложения, т.е. такого предложения, при котором действие или состояние подразумевается говорящим как бессубъектное, не относимое к участникам/неучастникам сообщаемого факта как к его возможным прямым субъектам: *Таһырдьа тымныйбыт*. ‘На улице похолодало’.

1.2. Значения финитных форм глагола

1.2.1. Значение личных форм 1-го лица ед. и множ. чисел

Парадигматическим значением формы 1-го лица ед. ч., как было отмечено выше, является отнесенность действия к говорящему (или пишущему) лицу как к активному производителю действия. Это значение выражается словоизменительными личными аффиксами: *-бын, -м, -ыым*. Личные глаголы в форме 1 л. ед. ч. выражают определенную и конкретную позицию субъекта-говорящего, они отличаются максимальной определенностью содержания лица, т.е. имеют конкретный определенно-личный дейксис. Особенностью значения

этой формы, как и в других языках, является то, что она менее всего склонна к расширению своего значения и вариативности функционирования: − *Иркутскайтан эрийэбин, командировкаҕа сылдьабын* (ДС ААА, 19) ' − Из Иркутска *звоню, нахожусь* в командировке'. Категориальное значение форм 1-го лица ед. числа определяется выражением адресантности действия, т.е. совмещением «интегральной семы субъектности действия с дифференциальной семой коммуникативного лица – субъекта речи, говорящего» [Химик, 1990: 34]. Функцией формы 1-го л. ед. ч. является указание на личность говорящего как участника ситуации речи (конкретный персональный дейксис), и это определяет ее преимущественное употребление в диалогической речи и повествованиях определенного порядка.

Форма 1-е лица множ. ч. включает в свой семантический объем такой содержательный компонент, как множественность. Парадигматическим значением этой формы является отнесенность действия к множеству лиц, одним из которых является говорящий. Множественность личной глагольной формы выражается словоизменительными аффиксами: *-быт, -ыах(-ыҥ)*. В основном своем значении форма 1-го лица множ. числа может включать представление о неопределенном числе лиц, с которыми говорящий себя отождествляет, консолидирует. Совокупный субъект-деятель данных глагольных форм определяется условиями контекста и ситуативными конкретизациями значения.

Исполнителями действия в 1-м лице множ. числа могут быть:

1. Говорящий и единичный адресат. Глагольная форма 1-го лица множ. ч. выражает в этом случае конкретного отправителя речи с конкретным партнером по коммуникации, т.е. двойственный инклюзив. Наличие в якутском языке двойственного числа, которое также существует и в некоторых других языках (самодийских, корякском, саамском, арабском и т.д.) [Плунгян, 2000: 277], свидетельствует форма двойственного инклюзива *-ыах* при повелительном наклонении 1-го лица: – *Дьиэбитигэр барыах, мин эйигин тугунан да хомуруйуом суоҕа* (О БДЭ, 227) ‘ – *Пойдем* домой, я тебя ничем не

буду упрекать’; – *Сардаана, тохтоо, кэпсэтиэх* (О БДЭ, 303) ‘– Сардана, постой, *поговорим*’.

Такой вариант встречается преимущественно в диалогической речи. Глагольная форма 1-го лица множ. числа в силу выражаемого категориального значения неопределенности нуждается в обязательной контекстуальной или ситуативной конкретизации значения. Такая конкретизация в якутском языке достигается использованием собирательных числительных, выражающих двойственность: *иккиэн* 'вдвоем', *иккиэйэх* «всего лишь вдвоем», обращений, формы повелительного наклонения, также общими условиями диалогического построения речи, предполагающими присутствие адресата высказывания. Специальным двойственно-собирательным местоимением *биһикки*, образованным от личного местоимения *биһиги* ‘мы’ и числительного *икки* ‘два’ в сочетании с личным местоимением 2-го лица ед. ч. *эн* ‘ты’ выражается инклюзивность: - *Чэ, кэбис, эн биһикки бүгүн сатаан кэпсэтиэ суохпут*, - *диэт, Мылахов сулбу хааман тахсан барда* (НЛ М, 155) ‘– Ну, хватит, *мы с тобой* сегодня *не сможем поговорить*, - сказав так, Мылахов быстро шагая, вышел’.

2. Говорящий и группа адресатов. Данное значение глагольной формы выражает отношение действия к отправителю речи совместно с адресатами, с группой партнеров: *Итинник табаарыстардаах буолан бараммыт санаабытын түһэрэ сыстыбыт дуо?* (АА ТА, 453) 'Имея таких товарищей *мы чуть не пали духом*?'. Такое значение реализуется также, как и предшествующее значение, специальными включениями в текст обращений, выраженных существительными во множественном числе и другими косвенными показателями множества партнеров отправителя речи. Особенно ясно это видно в формах 1-го лица множ. числа повелительного наклонения, в которых имеется специальный показатель множественности адресата действия – аффикс *-ыах(-ыҥ)*: *барыаҕыҥ* 'пойдемте', *ыллыаҕыҥ* 'споемте', *этиэҕиҥ* 'скажемте' и т.д.: - *Чэ, наһаа айдаарымыаҕыҥ. Чэйдиэҕиҥ, эбэккэбит бэрсээ ини* (О БДЭ, 251) *‘Не будем шуметь* слишком. *Сядемте* пить чай, матушка река поделится наверняка’; *Онон, сүбэ быһыытынан, ууруахта ылыныаҕыҥ* (О БДЭ,

173) ‘Таким образом, сообща, *примемте* решение’. Такая форма отличается от предыдущего значения императивных форм типа *барыах* 'давай пойдем мы с тобой', *ыллыах* 'давай споем мы с тобой', включающих в свой состав говорящего и исполнителя, и только их, расширенным составом участников ситуации. Ср. например: *Эдэр сааспытын ахта таарыйа, хата, ону ыллыах эрэ. Эн таһаар* (СД СТТ, 58) 'Вспоминая нашу молодость, давай *споем* ту песню. Ты начинай'; *Чэ, эрэ оҕолоор, арыый атыны кэпсэтиэххэйиҥ эрэ* (Д ХО, 82) 'Давайте ребята, о чем-нибудь другом *поговоримте*'.

3. Говорящий и неопределенно-обобщенный адресат. В данном значении, предполагающем неопределенность состава лиц, с которыми объединяет себя говорящий, в некоторой степени ослабляется роль говорящего. Такое значение реализуется с помощью прямых указаний на обобщенность адресата, например в письменной речи обращениями типа *күндү аабааччы* 'дорогой читатель', также императивными формами: *Чэ, манан биһиги «саҥа дьол» диэни илэ көрсүбүт дьону дьиэлэригэр бэйэлэрин эрэ хаалларыаҕыҥ уонна кинилэр тустарыгар бакаалла көтөҕүөҕүҥ* (С АСС, 221) 'Ну, на этом мы *оставим* вдвоем людей, по-настоящему обретших «новое счастье» и *поднимемте* за них бокал'; *Оскуоланы саҥа бүтэрбит көрүҥнээх икки уол эмиэ ити бэрэски-автобустан ыстанаат, автовокзал диэки супту хаамтылар. Ааттыаххайыҥ кинилэри судургутук, Костя уонна Миша диэн* (ДС В, 5) 'Два парня, с виду только окончившие школу, тоже выпрыгнув из этого автобуса-пирожка, направились в сторону автовокзала. *Назовемте* их по-простому, Костя и Миша'. Такие высказывания с позиции автора, отправителя речи, ориентированы на читающего, слушающего, при этом потенциально предполагается неопределенно-обобщенный круг адресатов.

4. Говорящий и конкретное лицо, лица, не участвующие в речи. Глагольная форма 1-го лица множ. числа здесь выражает общность говорящего с определенными не участниками речи, объектами, называемыми обычно «третьими» лицами. Например, в значении двойственного эксклюзива *мин+кини* 'я+он' т.е. 'я и еще кто-то один, но не ты', которое исключает

слушающего: − *Оо, кыра сылдьан паапабын кэтэһэрбин өйдүүбүн. Любушкабын сиэтэн хайаттан өрүһү көрөрбүт* (НЛ К, 83) ' – О, помню, как маленькой ждала папу. Взяв под ручку Любушку, с горы *смотрели* на реку'. Переменный компонент в составе совокупного субъекта реализуется в контексте употреблением, как и в первом значении, двойственно-собирательного местоимения *биһикки* с третьим лицом (т.е. я и он): *Били Ураанньык диэн көлөбүтүнэн оҕонньорум биһикки Харыйалаахпытыгар баран иһэбит* (СР З, 36) 'Мы со стариком на коне Уранник *едем* в Харыйалах'; *Фроҥҥа киирэрбитигэр сахаттан биһиги чааспытыгар Николаев эрэ биһикки хааллыбыт* (ТС ЕЧ, 12) ‘Когда вступали во фронт, в нашей части из якутов *остались* только *мы (вдвоем) с Николаевым*’. В значении множественного эксклюзива *мин+кинилэр* 'я+они' т.е. 'я и другие люди, но не ты' в предложении при помощи собирательного местоимения *бары* ‘все’ или связки *буолан* ‘будучи’ подчеркивается совокупность участников речи: *Биһиги бары үөрэбит-көтөбүт, бырааһынньыктыыбыт, арай эн эрэ кур бэйэҥ кубулуйбаккын* (НЛ М, 40) *'Мы все радуемся, празднуем*, только ты не меняешься' и имени с употреблением: *Мин Маша, Катя буолан бардыбыт* 'Я с Машей и Катей пошли'. Двойственный или множественный эксклюзив может быть эксплицирован также наличием в тексте сочетаний с именным компонентом в совместном падеже: *биһиги кинилиин* 'мы с ним', *биһиги доҕотторбутунуун* 'мы с друзьями', *биһиги ийэбиниин* 'мы с матерью'

5. Говорящий и обобщенная группа объектов речи. Говорящий объединяет себя с той или иной группой лиц, объединенных по социальным, профессиональным, возрастным, половым и т.д. признакам: *Билигин атын кэм уонна биһиги, саҥа дьон, барытын саҥалыы үлэлиибит, олоробут* (НЛ М, 4) 'Сейчас другое время, и *мы, новые люди*, по-новому *работаем, живем'*. Содержание этого значения раскрывается в контексте преимущественно лексическими средствами. Субъект должен быть назван конкретными лексемами, например, в приведенном примере − *саҥа дьон* 'новые люди'.

6. Помимо этих значений, глагольная форма 1-го л. множ. ч. может употребляться в обобщенно-личном значении. Здесь отправитель речи может называть все лица вообще, “в условиях темпоральной абстрактности и временной нелокализованности множественность лиц, которых объединяет с собой говорящий, расширяется до гипермножества “все люди вообще” [Химик, 1990: 160]: *Инньэ гынан ахсынньыга атыллаатыбыт* (В ОТК, 25) 'Итак, *перешагнули* в декабрь'; *Атын киһини толору өйдүүр ууустук. Дьиҥинэн ыллахха, үксүгэр быһаҕастаһан, чиэппэрдэһэн эрэ өйдөһөбүт эбээт* (НЛ М, 124) 'Понять другого человека трудно. По правду сказать, мы часто *понимаем* друг друга только отчасти'; *Биһиги олохпут эмиэ итини санатар: харса суох бэйэ-бэйэбитин үтүрүйсэ-үтүрүйсэ ыксыыбыт* (ДС ААА, 16) ‘Наша жизнь напоминает это явление: *спешим*, напролом толкая друг друга’. Абсолютная обобщенность субъекта высказывания нередко подчеркивается собирательными местоимениями *бары, бүттүүн* 'все'.

1.2.2. Значение личных форм 2-го лица ед. и множ. чисел

Форма 2 лица един. ч. оформляется словоизменительными аффиксами: *-ыҥ, -ҕын, -Ø, -аар*. Парадигматическим значением формы является отнесенность действия к единичному адресату. Выражение адресатности наиболее часто связано с ситуациями побуждения к действию или побуждения к речевой информации (вопрос), т.е., с побудительной модальностью: *Чэ, Сөдүөччүйэ, чаанньыккын таһаар* (АА СК, 91) ‘Ну, Федосия, *сними* чайник с огня’.

Основное значение глагольной формы 2 л. ед. ч. может иметь несколько семантических вариантов:

1. Выражение обобщенноличности. Обобщенно-личное значение этой формы, как и в других языках, в якутском языке типично для пословиц, поговорок, афоризмов: *Элбэҕи билиэҥ – эрдэ кырдьыаҥ* 'Много *будешь знать* – рано *состаришься*'. *Ыстаабыккын эрэнимэ, ыйыстыбыккын эрэн* (СФ, 124)

'Не верь тому, что *ты сжевал*, а верь тому, что проглотил'. Такое употребление обусловлено специфичностью контекста, уточняющего семантику формы как вторичную, обобщенную. Основной причиной обобщения высказываний является их «употребление в контексте временных и модальных значений высказывания в целом, с помощью которых создается общий смысл отвлеченности и объективности сообщаемого» [Химик, 1990: 54].

Обобщенно-расширенное употребление характерно для формы 2-го л. ед. ч., когда оно выступает в функции указания на любого адресата как на потенциального участника выражаемой ситуации. Такое употребление основано на идентификации говорящего (его опыта, знаний, убеждений) с любым потенциальным лицом, что приводит к выражению объективной типичности обозначаемой ситуации. При этом сохраняется адресатная функция – это любой слушающий или читающий: *Ыйытыкка ыктардаххына эрэ үүт-хайаҕас була сатаан булумахтанаҕын* (В ӨТК, 24) 'Только если задаешься вопросом, *пытаешься* найти выход'.

Форма 2-го лица ед. ч. также может иметь обобщенно-личное значение с включением говорящего лица, которое может выявиться из контекста. Обобщенноличность может распространяться и на говорящего, если выражается обычное, повторяющееся действие без временной локализованности: *Эн үлэлиир симиэнэҕэр кэлбитиҥ, массыынаҥ эстибэт* (ТН ОТ, 168) 'Ты *приходишь* на рабочую смену, а машина твоя не заводится'; *Элбэхтик эрэйдэнэн баран эрэ, учуутал буолуунукпун диэн чахчы итэҕэйэ санааччыгын* (СД СТТ 223) ‘Только испытав немало мук, по-настоящему *веришь*, что станешь учителем’.

Форма 2 лица множ. ч. оформляется словоизменительными аффиксами: *-ҕыт, -гыт, -ыҥ*. Парадигматическим значением формы является выражение действия, исполнителем которого является множество лиц, одним из которых выступает адресат (адресаты) и лицо (лица), не участвующие в речи.

Исполнителями действия во 2-м лице множ. числа могут быть:

1. Определенная группа лиц, где каждый субъект может в равной степени воспринимать себя адресатом сообщения: *Соҕуруу дойду хаара халыҥа сүрдээх, эһиги ону билбэккит* (Д ХО, 81) 'Слой снега южных стран очень толст, вы этого *не знаете*'; *Билигин биһиги дэриэбинэбитигэр кэлээриҥ эрэ. Букатын билиэххит суоҕа* (О БДЭ, 259) ‘Сейчас *приезжайте* в нашу деревню. Совсем *не узнаете* ее’; *Бастаан бу уол саҕа тугу тоҕо көппүккүтүн кэпсээн үөрдүҥ* (О БДЭ, 263) ‘Сначала *расскажите, порадуйте*, как вы чего-либо добились подобно этому парню’. Здесь форма представляет собой результат простой плюрализации.

2. Определенная группа адресатов и конкретный адресат, к которому реально обращается говорящий. В этом случае конкретный состав субъектов-адресатов выражается уточнениями к содержанию личного субъекта: *эһиги кинилиин* 'вы с ним', *эһиги иккиэн* 'вы вдвоем', *эһиги доҕотторгутунуун* 'вы с друзьями' и т.д., а также двойственно-собирательным местоимением *эһикки* 'ты с кем-либо' в сочетании с местоимением 3-го лица ед. числа и с существительными (*кини эһикки* 'он с тобой', *ийэҥ эһикки* 'ты с матерью' и т.д.): *Эн да миигиттэн ырааппатыҥ ини. Юра даҕаны, скорее, почетнай архитекторгыт буолбат дуо? Мин куорат аҥарын тутустум. Оттон эһиги тугу гынныгытый, дьон оҥорбут бырайыактарын илии баттаан бигэргэттигит эрэ дуо?* (НЛ М, 90) 'И ты не дальше ушел чем я. Юра тоже, ведь вы скорее почетные архитекторы. Я участвовал в строительстве половины города. А *вы что сделали*, только подписав, *подтвердили* проекты, которые сделали другие люди?'; *Кэлин улааттаххытына, сурдьуҥ эһикки эмиэ уйаҕытыттан көтүөххүт* (НЛ К, 222) 'Когда вырастете, *вы с братом* тоже *вылетите* из своего гнезда'.

3. Единичный адресат. Употребление форм множественного числа вместо единственного числа в якутском языке для выражения вежливости, почтительности, официальности заимствовано из русского языка. Говорящий в той или иной мере коммуникативно отдален от адресата в силу разных социальных и психологических причин: – *Бээ эрэ, эһиги ханнык боппуруоска*

кэллигит? – диэтэ сахсаҕар баттахтаах курбуу курдук синньигэс кыыс. – Ханнык даа? Наада баар. Бэйэм киэнэ. Улахан, – оҕонньор соһуйда (НЛ М, 56) 'Так, *вы* по какому вопросу *пришли*? – сказала стройная девушка с взъерошенными волосами. – По какому? Есть надобность. Своя. Большая, – старик удивился'.

4. Определенный адресат и обобщенная группа лиц. Как отмечает В.В. Виноградов, в самом категориальном содержании глагольной формы 2-го лица множ. ч. иногда отмечается семантическая «неопределенность и растяжимость» [Виноградов, 1972: 365]. Такое употребление подразумевает определенного адресата, объединенного с неопределенным множеством обобщенных лиц. В контексте высказывания может быть прямо указано общее свойство, характерное для неопределенных лиц, например, *эһиги эдэр дьон* 'вы, молодые люди', *эһиги көлүөнэ* 'ваше поколение' и т.д.: *Оттон эһиги, кырдьаҕас көлүөнэ, олоххут түмүгүн билэҕит* (НЛ М, 104). 'Вы, *старшее поколение, знаете* итог своей жизни'.

6. Неопределенно-обобщенный адресат. Здесь адресатом может быть всякое воспринимающее лицо, читающий, слушающий: *Мин үлэлиэхпин, олоруохпун баҕарабын. Ону көҥүллээҥ... ол кумааҕы оннугар ылыҥ мин ыра санаабын, кырдьыктаах тылбын* (С АСС, 165) ‘Я хочу работать, жить! *Позвольте* мне это…вместо этой бумаги *возьмите* мою мечту, мое честное слово’.

Глагольные формы 2 лица всегда выражают отнесенность действия к лицу, поэтому в этих формах не могут употребляться глаголы, выражающие явления природы, действия предметов, животных и т.д. Но, употребляясь в переносном значении, эти глаголы могут персонифицироваться и стоять в форме 2 лица: *Оо дьоллоох Дьокуускай эбэ хотун! Эн эмиэ мүччү туппуккун кэмсинэ-кэмиринэ тураҕын дуо?!* (НЛ М, 171) ‘О, счастливый Якутск! Ты тоже *стоишь, жалея* об упущенном?!’.

1.2.3. Значение личных форм 3-го лица ед. и множ. чисел

Форма 3-го лица оформляется аффиксами при ед. числе *-Ø, -а, -тын*, при множественном числе *-лара (-лар), -лар, -тын-нар*. Основным коммуникативным содержанием глагольных форм 3-го лица является выражение связи действия с его субъектом, не участвующим в коммуникативном акте. Форма 3-го лица противопоставлена формам двух первых лиц как относящаяся к любому, кроме говорящего и адресата, субъекту действия, а также как форма выражения действия, изображаемого «безлично».

Предметное 3-е лицо, т.е. одна из возможных функций 3-го лица (предметный дейксис), по семантике противопоставлена собственно лицам – говорящему, адресату и не участнику акта речи, и обозначает неодушевленные предметы, выступающие в роли субъекта и таким образом выходит за рамки понятия «лицо, персона»: *Долбуурга күндү сылабаардар, көмүс таңаралар туралла<u>р</u>* (АА СК) ʻНа полке *стоят* дорогие самовары, золотые изображения богов’. В этом случае выявляется частичная асимметрия членения «центр-периферия»: 3-е лицо как «собственно лицо» и как предмет («не-лицо) – разные сущности с точки зрения одушевленности/неодушевленности, но вместе с тем, рассматриваемые сущности объединяются по синтаксическому признаку соотнесенности предиката с субъектом, что подтверждается тождественностью грамматических показателей. Таким образом, предметное 3-е лицо «втягивается в систему лиц» [А. В. Бондарко, 1991: 36] и входит в объем содержания понятия субъекта – носителя предикативного признака, но имеет выраженный периферийный характер в системе форм лица.

В структуре предикативной основы предложения глагольные формы 3-го лица согласуются не только с соответствующими местоимениями *кини* 'он', *кинилэр* ʻони’, но и с существительными или словосочетаниями с субстантивной личной, предметной или абстрактной семантикой: *<u>Кини</u> ыбыс ыарахан икки пакеты мин илиибэр аан боруогун атыллаат <u>туттарбыта</u>* (ДС ААА, 5) 'Она, переступив порог, *вручила* мне два тяжелых пакета'. Формы 3 л. ед.ч. имеют также значение отнесенности действия к «не-лицу» – к

абстрактным явлениям, предметам, а также стихийным природным явлениям и т.д.: *Сүгэ кыайбатаҕын сүбэ кыайар* (СФ, 124) 'То, что не под силу топору, *побеждает* совет'; *Уол көхсүн тымныы хаарыйталаата* (АА СК, 111) ΄Спину мальчика *обдало* холодом΄ (букв. Спину мальчика холод пронизывал).

Форма 3 л. ед. числа может выступать в значении 3 л. множ. числа, т.е. относить действие к множеству лиц, не участвующих в речи, или к множеству предметов. Такое употребление осуществляется при наличии в предложении различных лексических средств выражения множественности:

1) Имен числительных, прилагательных со значением неопределенного количества субъектов, неопределенных местоимений: *Үс оҕо үөрэнэ кэлбэтэх* ‘Три ученика *не пришли* учиться’ (букв. *Три* ученика не пришел учиться); *Били Бүөтүрүүс “сыарҕалаах матасыыкылын” элбэх киһи наймылаһан от-мас араастын тиэммитэ* (О БДЭ, 257) ‘Наняв тот самый “мотоцикл с санями” Петра, *много людей свозило* себе сено-дрова’; *Массыына иһиттэн хас да эр киһи ыстанан түстэ* (Д ХО, 61) 'Из машины *вышли несколько мужчин*' (букв. *вышло* несколько мужчин);

2) Исчисляемых существительных в обобщенном и собирательном значениях, которые выражают множественность посредством одного представителя данного класса: *Тайах, таба күрэнэн хаалар* (АА СК, 103) 'Сохатый, олень пропадает прочь'; *Саллаат итинник сонуннары хата истээччи* (ТС ЕЧ, 13) ‘*Солдат* обычно слышит такие вести’;

3) Собирательных имен существительных (*дьон* ‘люди’, *ыччат* ‘молодежь’, *студент аймах* ‘студенчество’ и т.д.), обозначающих группу, объединенность кого-, чего-либо: *Дьон аҕыйаата* ‘Людей стало мало’;

4) Неисчисляемых существительных обобщительного значения (*отон* ‘ягоды’, *туус* ‘соль’, *бурдук* ‘мука’ и т.д.): *Быйыл отон үүммүт* ‘В этом году много ягоды выросло’.

Неопределенное количество субъектов также может выражаться аналитически – примыканием к существительному частицы *бөҕө* ‘очень’, неопределенно-количественных имен *элбэх* ‘много’, *барыта* ‘все, весь’, *үгүс*

‘большинство’, *сорох* ‘некоторые’, *дэлэй* ‘много, изобильно’ и др.: *Таах даҕаны киһи барыта этэр* (СР З, 43) ‘Так то, *все люди говорят*’ (букв. Человек весь говорит).

Форма 3-го лица ед.ч. может иметь обобщенно-личное и неопределенно-личное значения. В этом случае исполнитель действия обязательно должен быть выражен существительным со значением обобщенной родовой референции, местоимением, имеющим в данном контексте обобщенно-личное или неопределенно-личное значение. Напр.: а) обобщенно-личное значение: *Билигин урукку курдук булчут айаҕын иитээри бултуур буолбатах* (Д ХО, 129) 'Сейчас *охотник не охотится* как раньше для того, чтобы прокормиться'; б) неопределенно-личное значение: *Оҕонньор эппитин ким да болҕойботоҕо* (СД СТТ, 1996, 15) *'Никто не вник* в то, что сказал старик'.

Парадигматическим значением глагольных форм 3 л. множ. ч. является соотнесенность действия с множеством (двух и более) лиц и предметов, не участвующих в речи: *Бары уларса сылдьан бакыаты көрдүлэр-иһиттилэр* (ААСК, 96) 'Все, передавая друг другу, *изучили* пакет'; *Субуруччу кураан дьыллар буолуталаатылар* (АА СК, 61) 'Подряд *были* засушливые годы'. Синтагматическими значениями формы 3 л. мн. ч., как и формы 3 л. ед. ч., являются неопределенно-личное и обобщенно-личное значения. При выражении соотнесенности действия с неопределенно-личным субъектом исполнитель действия лишь подразумевается: *Бэйэ, ити дьиэ кэннигэр тугу гыналларый? Ханапаакылыыллар дуу?* (СД СТТ, 105) 'Постойте, что это *делают* за домом? *Конопатят* что-ли?'; *Оруобуна сүүрбэ билиэтим хаалбытын кэннэ – латырыайатын харчытын аҕалан туттардын диэн илдьиттиллэр* (СР З, 40) 'После того, как у меня остались ровно двадцать билетов, *передали*, чтобы я сдал деньги за лотерею'. При обобщенно-личном значении обобщается субъект действия, исполнителями действия могут быть все лица, действие расценивается как объективное, закономерное и действительное для всех: *Биирдэм киһини холууллар бэдэр мүҥүр кутуругар* (А ИК, 332) ‘Одинокого человека *уподобляют* короткому рысьему хвосту’; *Билиҥҥи ыарыылара*

барыта ньиэрбэттэн дииллэр эбит ээ (С АСС, 125) ‘*Говорят*, что нынешние болезни все от нервов’; *Ыйаах диэн баар. Онон оонньооботтор* (О БДЭ, 249) ‘Есть судьба. Этим *не играют*’.

1.2. 4. Метафорические значения личных форм в якутском языке

От значений лица, рассмотренных выше: прямых (единичное, инклюзивное, эксклюзивное значение) и по типу персонального дейксиса (неопределенно-личное, обобщенно-личное значение) следует принципиально отличить употребление форм лица в переносном, метафорическом значении, т.е. употребление одной формы лица в значении другого лица. Замена основной грамматической формы другой формой “акцентирует внимание слушателя и создает ту выразительность значения, которую мы называем экспрессией” [Никитевич, 1963:213]. Переносное употребление форм лица помогает говорящему выразить эмоционально-экспрессивную окрашенность мысли и выступает как определенный стилистический прием.

Рассмотрим некоторые случаи переносного употребления личных форм в якутском языке. Форма 1-го лица множ. числа используется вместо 1-го л. ед. ч. в случаях выражения:

а) скромности, с некоторой долей уничижительности: – *Кэбис наһаа үгэргээмэ, доҕор. Биһиги, кыра дьон, наһаа улаханӈа тарбачыспаппыт* (НЛ М, 18). ‘ – Брось, не насмехайся, мы, люди маленькие, на большее *не претендуем’*;

б) утверждения «собственного достоинства»: − *Бу да киһи! Сэнээбиккиттэн тотуоҥ диэн өс хоһооно баар дии, биһиги даҕаны дьонтон туох итэҕэстээх үһүбүтүй? Аҕыйах уонча тыһыынчаны ааҕаа инибит*, - *диэн баран Босхо Төбө киһитин өтөрү көрдө* (ВБ Уо, 22). ‘- Ну ты и человек! Есть же поговорка «получишь сполна у того, кого ни во что не ставил», мы то чем хуже людей? Несколько десяток тысяч *сможем посчитать*, − сказал Незакрепленная Голова и уставился пронизывающим взглядом’; – *Һы, тахсыллыа даҕаны. Биһиги өссө ордугу булуохпут*, − *Василина соруйан*

кыһыылаахтык хардарда (УО А, 144) ‘И выйдем замуж. Мы *найдем* еще лучше, − Василина намеренно язвительно ответила’.

в) соотнесенности действия с говорящим лицом для выражения неодобрения, окрашенного своеобразной экспрессией обобщения: *Кини хайҕаабыта диэн суох, аҥардастыы куһаҕаны хасыһар. Онтон сүрдээҕин астынар курдук. Эрэйдээх табаарыс. Чэ, көрүөхпүт, төһө өр итинник сылдьар эбит…* (НЛ М, 6) ‘Нет того, чего бы он похвалил, только о плохом копает. Трудный товарищ. Ну, *посмотрим*, как долго он так будет поступать…’.

г) соотнесенности действия с адресатом для выражения участливости. Часто отмечается в «сочувствующих обращениях» или в обращениях к ребенку: - *Оо, Моруот! – диибин оҕо эрдэҕинээҕи аатынан. – Көрсүспэтэх ыраатта… Хайдах олордубут?* (СР З, 58) ‘ - О, Морот! – зову его детским именем. – Давно не встречались… Как *живем*?’. Такое же отнесение формы 1-го лица множ. ч. ко 2-му лицу ед. ч. возможно и при ироничном тоне речи с некоторой долей соучастия: – *Оо, кэм биһиги буоллахпыт, сыарҕабыт бытаарбыт, - уолаттар хаадьылаһан күлсэн ылаллар* (Ч, №4, 2013, 39). ‘– О, *мы*, разумеется, *являемся* такими, сани наши медлят, - парни дразня его, смеются’.

Формой 1-го лица множ. ч. с некоторой долей соучастия или неодобрительного, ироничного отношения со стороны говорящего также могут быть выражены действия неучастников акта речи: *Биир да саха уола күлүүс тыла оҥоро олорбот ээ. Аны туран, “Срочный ремонт обуви” эмиэ үлэлээбэппит* (ТУо, №11, 2011) ‘Ни один парень-якут не занят изготовлением ключей. И вот еще, в “Срочном ремонте обуви” тоже *не работаем*’.

Форма 2-го л. ед. ч. иногда употребляется для выражения соотнесенности действия с говорящим лицом. Заменяя форму 1 л. ед. ч. формой 2 л. ед. ч., говорящий намеренно исключает себя из акта речи для достижения объективности суждения о себе, это создает выразительность значения, экспрессию: *Бүттэ! Тиэтэйиэххэ наада. Чэ! Онтон-мантан санаа түһэн! Доҕор бырааһынньыгар хайдах олоруоҥуй?* (НЛ М, 37) 'Все! Нужно поторопиться. Ну! Подумаешь от всякого печалиться! Как *ты будешь сидеть*,

когда у друга праздник?'; *Аһаан бүттүм, туран хаамыталаатым. Биир өлбүт өстөөхтөн лаппаакыны буллум. ЫЛ, Чээрин, сэп хаалыа суоҕа* (ТС ЕЧ, 51) 'Я покушал, встал, походил. У одного мертвого врага нашел лопату. *Возьми*, Чярин, вещь не пропадет'. В данных примерах из контекста понятно, что автор обращается к самому себе в форме второго лица.

Иногда формой основы глагола, т.е. повелительного наклонения 2-го л. ед. ч., для выражения особой экспрессии обозначается действие, соотнесенное с 1 л. ед. ч.: *Биир пивнойга киирэн кэлбитим – арай Ганя турар, былыр биргэ үлэлээбит аҥаһым. Оо! – диэ, мин туран. Сколько лет, сколько зим! – диэ* (СР ЗЗ, 34)‘Зашел в пивную, а там стоит Ганя, с которым работал когда-то. Оо! – *скажи* я. Сколько лет, сколько зим! – *скажи*’; *Ону билбит курдук ньүөлүтэр ыарыыны балтараа күн тулуйан баран, өрөбүл сарсыарда итиитинэ диэн сэрэнэн, сытар балыыһаҕа сүбэлэтэ-көрдөрө сирилэтэн тиий* (О БДЭ, 153) ‘Как будто узнав это, потерпев ноющую боль полтора дня, пока не поздно, в воскресенье утром, я быстро *приехала* в стационар на осмотр’ (букв. быстро приезжай (я)); *Ити баар. Уонна оҕоҕор тылгын иһитиннэр* (О БДЭ, 93) ‘Ну вот. После этого *заставь слушаться* своего ребенка’.

Употребление формы 2-го л. ед. ч. в повелительном наклонении соотносится с действием говорящего или 3-го лица для выражения особой экспрессии, позитивной или негативной, при этом лицо деятеля действия определяется аффиксом принадлежности, прикрепленным к существительному: *Бүгүн кыыһа Буускункаҕа суох. Суотабайыгар эрий да эрий. Эппиэт да пирибиэт да мэлигир* (В ОТК, 53) ‘А сегодня *его девушки* в Пушкинке не оказалось. На сотовый ее *звони и звони*. Ни ответа, ни привета’ (т.е. он звонит).

Форма 2-го л. ед. ч. в повелительном наклонении может употребляться в значении модального слова: *Киһи барахсан диэн, көр, кыранан да дуоһуйар ээ* (НЛ М, 136) ‘Человек, *смотри*, довольствуется малым’; *Тоҕо эрэ эмискэ били бырааһынньык киэһэ Айдардыын кэпсэппитин өйдүү тустэ. Былаан туолар да, дьиҥнээх үлэ барбат диэбитэ дии. Бу эттээҕин иһит!* (НЛ М, 47) ‘Почему-то он вспомнил о том разговоре с Айдаром в праздничный вечер. Он (Айдар) сказал,

что план выполняется, но настоящей работы не проводится. *Услышьте*, как он сказал!'; *Оо, сордоох, хараара сытыйан баран эмиэ киэбирэ сыттаҕын көр!* (НЛ К, 143) ʻО, *смотри*, как он бедный, чернея, еще лежит, важничает!'. Переносное употребление 2 л. ед. ч. связано с возможностью достижения эффекта объективации сообщаемого, также потенциального отнесения события и к другим лицам.

Кроме своего основного значения форма, 3-е л. ед. ч. употребляется для выражения соотнесенности действия с другими участниками речи: а) говорящим и б) адресатом. Выражая свои действия или действия адресата формой 3 л. ед. ч., говорящий намеренно исключает себя или адресата из акта речи для достижения особой эмоциональности, скромности или объективности суждения: а) о себе или б) об адресате: а) *Оо, оннук эрэ буолбатын! Саргылаана адвокакка да, сымыйа хайҕалҕа да наадыйбат!* (СД СТТ, 221) 'О, только бы не было этого! Саргылана *не нуждается* ни в адвокате, ни в ложной хвале!'; *Айдар трубканы ууран баран хос иһигэр хаамыталыы сырытта. Тыый, бу аата тугуй, долгуйдаҕа дуу? Һа, киһи күлүөх, долгуйбут үһү* (НЛ М, 141) ʻАйдар, положив трубку, расхаживал по комнате. Ой, что это, *он разволновался* что ли? Ха, смешно, *он разволновался*'; б) *Хата батардым ээ, бэйэбэр үс эрэ билиэт хаалла! Киһи оонньоон кэпсээбитин кырдьыктанар, аныаха диэри өс киирбэҕиҥ баар буоллаҕа Бүөтүр!* (СР З, 42) 'Хорошо, что я продал, у самомого только три билета осталось! *Верит*, тому, что я пошутил, до сих пор ты наивный, Петр!'; *Бачча улаатан баран, букатын кыра оҕо курдук туттар ээ, - эбэм күлэ-күлэ миигин чэпчэкитик көтөҕөн ылан муостаҕа туруоран кэбиһэр* (НЛ К, 206) ʻВыросши таким большим, *ведет* себя совсем как маленький ребенок, - бабушка, смеясь, легко подняв меня, ставит на пол'.

1.3. Категория лица инфинитных глагольных форм

В якутском языке личные формы могут иметь и не финитные, открытые формы глагола – причастия и деепричастия. Предикативное склонение причастий и личное оформление деепричастий в якутском языке служит для образования синтетических моно- и полисубъектных полипредикативных конструкций. Наряду с конечными (закрытыми) глагольными формами, сказуемое простого предложения может также выражаться деепричастиями с аффиксами сказуемости и причастиями с аффиксами принадлежности, стоящими в падежной форме.

В других тюркских языках деепричастия считают неизменяемой формой. В якутском языке к деепричастиям в некоторых случаях присоединяются аффиксы сказуемости. Аффиксы сказуемости принимают деепричастия на *-ан, -а, -бакка, -мына, -бакка, -аары (-ымаары)*. Например:

Ед. ч.		Мн. ч.	
1-е л.	*бар-ам-мын*	*бар-ам-мыт*	ʻмы придяʼ
2-е л.	*бар-аң-ңын*	*бар-аң-ңыт*	ʻвы придяʼ
3-е л.	*бар-ан*	*бар-ан-нар*	ʻони придяʼ

Когда деепричастия выступают в качестве второстепенного сказуемого придаточного предложения, их личное оформление бывает факультативным или обязательным.

Деепричастные формы не оформляются или факультативно могут оформляться личным аффиксом: а) в моносубъектных полипредикативных и б) в простых предложениях. Причиной этого является определенность лица производителя действия, выраженного финитной формой глагола в главной части полипредикативных моносубъектных предложений. Таким образом, отпадает необходимость определить лицо субъекта, выраженного формой деепричастия в зависимой части, аффиксом сказуемости. Ср.: *Маҕаһыыҥҥа тахсан килиэп ыллым*. (полипредикативное моносубъектное предложение).

Маҕаһыыҥҥа тахсаммын килиэп ыллым (полипредикативное моносубъектное предложение) ʻ*Выйдя* в магазин, я купил хлеба’; Наличие личного местоимения, а также аффиксов лица, прикрепленных к частицам *бөҕө, аҕай, бэрт* в простых предложениях, тоже может служить причиной отсутствия личного оформления деепричастия: *Мин күлэн бөҕө. Күлэн бөҕөбүн* (простые предложения) ʻЯ посмеялся сильно’.

В моносубъектных полипредикативных предложениях, например: *Эн кэлэн оонньууну ыстыҥ* ʻ*Ты пришел* и сорвал игру’ (букв. *Ты придя* сорвал игру), где деепричастие не снабжено аффиксом лица, смысл предложения не меняется от отсутствия аффикса лица у деепричастия. В этом предложении формой 2-го лица ед. ч. финитного глагола *ыстыҥ* ʻты сорвал’ в главной части предложения определяется лицо производителя действия, выраженного деепричастной формой в зависимой части сложного предложения. При употреблении деепричастий в качестве предиката зависимой части сложного предложения аффиксы лица используются в усилительной функции, когда говорящий хочет особо подчеркнуть действие, выраженное в форме деепричастия: *Дэлби тоҥоммун ыксаан, кыратык итии киллэринэн өрүһүннүм* (УО А, 75) ʻСильно *замерзнув+я,* немножко попив горячего, отошел’; *Мин билиэппэр эрэ харчы буламмын, кумааһынньыгым кураанах этэ* (ДС ААА, 159). ʻ*Найдя+я* деньги только на билет, в бумажнике моем было пусто’. В этих примерах деепричастия с личным аффиксом *тоҥоммун* ʻзамерзнув+я’, *буламмын* ʻнайдя+я’ выражают причину последующего действия, и логическое ударение падает на деепричастие.

Деепричастие на *-а/-ыы* в редупликативном виде обычно принимает аффиксы сказуемости: *бара-барабын* ʻпойдя-пойдя+я’, *көрө-көрөбүн* ʻсмотря-смотря+я’. Если деепричастие снабжено аффиксом сказуемости, то больше акцентируется действие, выраженное деепричастием с аффиксом лица, нежели действие, обозначенное финитным глаголом: *Хас да киһи хос аанын өҥөйөн, остуол кураанаҕын көрө-көрөлөр төттөрү ньимис гынаттаатылар* (АИС ТА, 62) ʻНесколько человек, заглянув в дверь кабинета, *увидев* пустой стол, тотчас

же исчезали обратно’. Если бы акцент был на финитном глаголе, то деепричастие могло бы не и принимать аффикс лица: *Ону* <u>*билэ-билэ*</u> *эппэтэххин* ‘*Ты зная* это не сказал’. Так мы можем объяснить снабжение аффиксом сказуемости деепричастия в моносубъектных полипредикативных предложениях.

А в составе сложного сказуемого с деепричастным составляющим деепричастие никогда не имеет аффиксов лица: Эн *кэлэн бардыҥ* ‘Ты *заходил’* (букв. Ты *придя ушел*), так как они семантически тесно связаны с конечными глагольными формами, часто образуя с ними составные, аналитические глагольные формы.

Аффиксы сказуемости обязательно прикрепляются к деепричастию по причине того, что необходимо указать лицо одного из участников полисубъектных полипредикативных предложений, если даже лицо указано личным местоимением в первой зависимой части предложения. Ср.: <u>*Кини кэлэн*</u>*, мин киинэҕэ бардым* ‘*Она пришла*, поэтому я пошла в кино’ (букв. Она придя); *Эн* <u>*кэлэҥҥин*</u>*, отоннуу бардыбыт* ‘Ты *пришел*, поэтому мы пошли по ягоды’ (букв. ты придя+ты). Не принято говорить: <u>*Кэлэн*</u> *отоннуу бардыбыт* ‘Придя мы пошли по ягоды’. Лицо субъекта действия, выраженного деепричастной формой, должно быть определено аффиксом сказуемости, прикрепленным к деепричастию или личным местоимением в зависимой части.

В некоторых случаях, в зависимости от лексического значения глагола, в предложении, где лицо выражено не личным оформлением деепричастия, а личным местоимением, содержание высказывания немного притупляется. Сравним, например, предложения: 1) *Эн* <u>*кэлэҥҥин*</u> *оонньуубут таҕыста* ‘Ты пришел, поэтому игра наша пошла хорошо’ (букв. Ты *придя+ты* наша игра пошла хорошо); 2) *Эн* <u>*кэлэн*</u> *оонньуубут таҕыста* ‘Ты пришел, поэтому игра наша пошла хорошо’ (букв. Ты придя наша игра пошла хорошо).

Е. И. Коркиной были установлены следующие случаи обязательного снабжения деепричастий аффиксами сказуемости для выражения действующего лица:

1) Деепричастие на *-аат*, как уже было сказано, принимает аффикс лица только в случае его сочетания с послелогами *кытта* и *кытары*, где оно принимает форму винительного падежа лично-притяжательного склонения и выражает лицо [Коркина, 1985: 60]. Таким способом выражается действие, которое произошло сразу после действия одного из субъектов полипредикативного предложения: *Кини мин <u>барааппын кытта</u> кэллэ* ‘Он пришел сразу *после моего ухода’*. Но встречаются предложения и без сочетания с послелогом: *Саха сиригэр <u>кэлээтин</u> кинини төрөөбүт оройуонугар анаабыттара* (О БДЭ, 206) ‘*Сразу после его приезда* в Якутию, его назначили работать в родной район’.

2) Редупликационная форма деепричастия на *-а* от бытийного глагола *буол-*, следующая после финитных форм прошедшего времени и способная принимать аффиксы сказуемости, может употребляться в позиции финитного сказуемого. Такое употребление носит довольно ограниченный характер – имеет место в предложениях с ярко выраженным экспрессивным, модально-эмоциональным содержанием [Коркина, 1985:88]: *Сирэйдээх киһи саатар суола, күн иэстээбит <u>буола-буолаҕыт</u>!* (ХС, 1975, №8, 88) ‘Для всякого человека постыдная вещь, *вы еще требуете* оплаты дней!’ (букв. Еще требующий становясь-становясь+вы оплаты дней); *Өссө үөхпүт <u>буола-буолалар</u>...* (О БДЭ, 309) ‘Они еще и бранят’ (букв. Еще бранящий становясь-становясь+они).

3) Деепричастия на *-ымына* и *-бакка*, принимая аффиксы лица, хотя и ограниченно, могут употребляться в функции независимого сказуемого, выражая во временном плане отнесенность действия как к прошлому, так и настоящему времени [Коркина, 1985: 102]: *Мааҕыан, Бойуот барыах диэбитигэр <u>баран хаалымынабын</u>* (РКС, 42) ‘Недавно, когда Бойот предложил уйти, *зря не пошел’* (букв. Зря не *пойдя+я*); *Үйбаанҥа бэрдэрбит сурукпун Сырбайтан бүгүн үчүгэй аҕайдык <u>көрдөөн көрбөккөбүн</u>* (АА ПУо, 67) ‘*Попросить бы мне* сегодня как следует у Сырбая письмо, которое ты передал для Ивана’ (букв. *попрося+я* бы сегодня) (примеры взяты из работы Е. И.

Коркиной [Коркина, 1985: 102]). – *Табылыннын! Баар! Туй-сиэ! Эрдэ* «*ыппаккабын*»! (Ч, 2013, 41) ʻТы ранен! Есть! Тьфу! *Зря* я пораньше не «*выстрелил*» !’ (букв. Зря не стреляя+я). Отнесенность действия к прошедшему времени подчеркивается также присоединением к форме на -*ымына* служебного слова *баара*, содержащего в себе семантику совершенности действия, поскольку оно, по предположению якутоведов, состоит из имени наличия *баар* ʻесть’ и формы прошедшего категорического времени вспомогательного глагола э- ʻбыть’ [Коркина 1985: 99]: *Маарынҥыттан чэйбитин сылыппаккабыт баара* (ВЯ ОК, 16). ʻ*Нам надо было* заранее *подогреть* чай’. Приведенные примеры показывают, что личными формами деепричастий в них выражено сожаление говорящего по поводу совершения или несовершения действия.

4) Деепричастие на -*ымына* также, употребляясь в позиции сказуемого, как осложненное аффиксами лица, так и без них, может выражать несомненную уверенность в совершении действия [Коркина, 1985]: *барымынабын* ʻконечно, пойду’, *барымынаҕын* ʻконечно, пойдешь’.

Нами было отмечено, что деепричастие на -*аат* при сочетании со словом *утаа* также обязательно принимает аффикс принадлежности и имеет временное значение: *Кэлээтим утаа бастаан тэһийбэтэҕим* ʻСперва, по прибытию, мне было скучно’ (букв. *Приехав+мое* сперва я скучал).

Деепричастие на -*ан* также может выступать в роли независимого сказуемого и принимать аффиксы сказуемости при эмоционально окрашенных предложениях в диалоге: *Hahaa дии, ону-маны оҥорон көрөн саҥараҥҥын* (ЛМ А, 120) ʻЭто же слишком, всякое выдумывая, *говоришь же ты такое*’ (букв. Представляя говоря+ты).

Причастия, принимая аффиксы лица и склоняясь по падежам, выполняют множество функций. Эти функции были детально исследованы в трудах по якутскому языку [Убрятова, 1976; Филиппов, 1989; 1999; Попова, 1992; Ефремов, 1998]. Предикативным склонением признается «склонение предикативного словосочетания, сказуемое в котором обозначает признак,

состояние, свойство субъекта, а также выраженное словом, способным передать отношение субъекта к данному явлению» [Филиппов, 1999: 36]. В якутском языке предикативное склонение имеет два вида: безличное и личное. Личное притяжательное склонение, по мнению исследователей, образовалось от «форм простого склонения указательных местоимений через формирование лично-притяжательного местоимения» [Филиппов, 1999: 38]. Личное предикативное склонение причастий, употребляясь как зависимый предикативный член, используется в качестве зависимого сказуемого придаточного предложения в сложноподчиненном предложении, определяя лицо деятеля зависимого действия. Как отмечает Е. И. Убрятова, «так как сказуемое зависимого предложения в якутском языке за редким исключением согласуется в лице со своим подлежащим, падежные аффиксы, выражающие синтаксические отношения к главному предложению, имеют форму лично-притяжательного склонения» [Убрятова, 1976: 102-103]. Причастно-падежные конструкции «характеризуются базовой атрибутивной функцией, которая способна преобразоваться в функцию самостоятельного (независимого) предложения» [Ефремов, 1998: 53].

В тюркологии эта функция причастий в падежном притяжательном склонении называется по-разному. Н.З. Гаджиева называет это явление «трансформацией логически зависимого сказуемого» [Гаджиева, 1973: 231-235] и считает такие конструкции исторически самостоятельными предложениями, но либо адъективировавшимися, либо субстантивировавшимися. Зависимый предикативный член в виде притяжательного причастия в падежном склонении М.И. Черемисина определяет как «инфинитный, зависимый предикат» [Черемисина, 1984: 31], В. Г. Гузев в таких формах усматривает случаи «вторичной репрезентации». Авторы, специально занимающиеся исследованием этого вопроса, определяют формы притяжательного падежного склонения причастий моносубъектными и бисубъектными предикативными членами [Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем, 1986: 231] и т.д.

Предикативное склонение причастий определяет зависимое действие при: а) моносубъектных полипредикативных предложениях: *Бу сырыыга уол манан кэлбит+ин кэмсинэ санаата* (Д ХУТ, 9) ‘На этот раз парень пожалел *о том, что пришел* этой дорогой’; *Тиийбит эрэ киһи диэн иннигин кэтэнэр+г+иттэн ордубаккын* (В ТК, 6) ‘Не можешь отойти от мысли *следить* за дорогой вперед, чтобы поскорей дойти’; б) разно(поли)субъектных полипредикативных предложениях: *Эн абыраабатах+х+ына, ким биһигини абырыай*! (ПАО ТА, 15) ‘Если ты нам *не поможешь*, то кто нам поможет!’; *Егор Килович мин кэлбип+п+ин билэр этэ* (НЛ М, 6) ‘Егор Килович знал *о том, что я пришел*’; *Мин тугу кэпсиир+б+ин истиэххин баҕараҕын дуо?* (К ТЫ, 6) ‘Ты хочешь послушать, *о чем я расскажу*?’. Зависимый предикативный член может иметь различные значения: а) значение субъекта; б) значение объекта; в) значение времени; г) обстоятельства.

Неоднозначное определение дается тюркологами по поводу зависимых предикативных членов, выраженных причастием с притяжательным аффиксом со значением субъекта. Предикативные члены со значением субъекта Е.И. Убрятова назвала подлежащными зависимыми предикативными единицами, которые в составе полипредикативной конструкции выступают в роли подлежащего по отношению к сказуемому главной части [Убрятова, 1976]. В роли подлежащего выступает действие (или состояние), которое производит (или в котором находится) субъект зависимого предложения-подлежащего, выраженного причастием с аффиксом притяжательности без падежного склонения. Таким образом, помимо того, что аффикс принадлежности выражает лицо производителя действия в зависимой части сложноподчиненного предложения, одновременно выступает способом связи зависимого и главного предложений: *Биһиги оҕолорбут кыра эрдэхтэриттэн нуучча тылын үөрэтэл+лэрэ – кинилэр улуу дьоллоро* (СД СТТ, 225) ‘*То, что* наши дети с детства *учат* русский язык – это их великое счастье’ (букв. Наши дети с детства русский язык *изучающий+их* – их великое счастье); *Эн кэлбит+иҥ үчүгэй даҕаны* (ХС,1979, №2, 28) ‘Как хорошо, *что ты пришел*’

(букв. Пришедший твой хорошо); *Ол сайын <u>ааспыт+а</u> ыраатта* (ЭЭ ТАІ, 84) ‘Давно *прошло* то лето’ (букв. *То, что прошло* то лето, было давно); *Туораттан көрдөххө, Айдар чэпчэкитик үлэлиир. Үлэлиринээҕэр мэнээх <u>хаама сылдьара</u>, түннүгүнэн ону-маны <u>кыҥастаһара</u>, бэл кинигэ <u>ааҕара</u> үгүс* (НЛ М, 45) ‘Если смотреть со стороны, Айдар работает легко. Его *хождение* просто так, его долгое *всматривание* через окно на что-либо, даже его *чтение* книг многочисленней, чем его занятость работой’;

Это явление другие тюркологи (Н.З. Гаджиева, Н.А. Баскаков, С.Н. Иванов, Б.А. Серебренников и др.) связывают с субстантивностью причастий и называют зависимый предикативный член в виде притяжательного причастия разными терминами: «трансформа», «развернутый оборот», «развернутый член» и т.д.

Г. Г. Филиппов в подобных предложениях аффикс принадлежности не считает аффиксом принадлежности в подлинном смысле этого слова, а придерживается мнения, что здесь функционирует личный аффикс как признак согласования между субъектом и предикатом [Филиппов, 1989: 35]. Из этого следует, что нельзя считать подобные зависимые предикативные члены развернутым членом предложения, так как зависимый предикативный член в виде причастия с аффиксом принадлежности не теряет своего предикативного значения и обозначает действие, состояние субъекта зависимого предложения.

Таким образом, исследователи якутского языка, придерживаясь мнения Е.И. Убрятовой, далее развивают ее точку зрения в своих работах. О том, что падежное склонение причастий несет иную функцию по сравнению с падежным склонением имен, писал И.П. Винокуров [Винокуров, 1977], временное значение падежных форм причастий исследовал Н.Н. Ефремов [Ефремов, 1984], сравнительное значение этих форм изучил Ю.И. Васильев [Васильев, 1986], комплексное исследование предикативного падежного склонения проводил Г.Г. Филиппов (1989), собственно-синтетические причастно-падежные полипредикативные конструкции с предикативно-соотносительным членом в форме падежей (винительного, дательного,

исходного, орудного, совместного, сравнительного) исследовал Н.Н. Ефремов (1998). О значениях падежей при предикативном склонении причастий в алтайских языках писали последователи М.И. Черемисиной в книге «Предикативное склонение причастий в алтайских языках» (1984).

В вопросительных и восклицательных предложениях личное предикативное склонение причастий может использоваться в качестве сказуемого простого предложения: *Дьэ кэлэн билэн соһуйдах+п+ыный* (ЛМ А, 167) ‘*Удивляться ли мне*, как будто только теперь узнала’ (букв. удивившегося+же+моего); *Эс, эмиэ тоҕо таайа сатыы турдах+п+ыный*? (ИТ ДьХУИ, 100) ‘Ну почему же я стою *разгадываю*?’ или ‘Зачем же *мне* стоять *разгадывать’*; *Баһылай эрэйдээх оччотооҕуга хараастыбыт+ы+н*! (НЛ М, 144) ‘Тогда бедный Василий так *расстроился*!’ (букв. Бедный Василий тогда расстроившегося+его). В последнем предложении угадывается опущение глагола *көр-* ‘смотри’ в повелительном наклонении в значении модального слова: *Баһылай эрэйдээх оччотоооҕуга хараастыбыт+ы+н көр*! ‘*Смотри*, как тогда бедный Василий *расстроился*!’.

Личное предикативное склонение причастий также может образовать независимое сказуемое с напутствующей семантикой: *Кырдьык, доҕор, уолгун көрө барыах+х+ыный* (ЛМ А, 95) ‘И правда, друг, *ты бы мог поехать* повидаться с сыном’; *Ыалдьан хаалыаҥ, иһирдьэ киириэх+х+ин*! (УО А, 85) ‘Ты можешь заболеть, *ты бы мог зайти* внутрь!’; – *Ол баар дии, оҕоҕунуун ньир бааччы олоруох+х+ун*... (О БДЭ, 158) ‘Ну вот же, *ты бы мог* спокойно *жить* со своим ребенком’.

1.4. Категория лица в аналитических глагольных конструкциях

Кроме финитной формы глагола, а также предикативного склонения причастий и деепричастий с личными аффиксами в роли независимого сказуемого в монопредикативном простом предложении, в якутском языке

предикативные отношения могут выражаться рядом сложных аналитических конструкций. Сложные (аналитические) лично-отнесенные модальные конструкции образуются из двух и более полнозначных слов, а также выражаются сочетанием полнозначного слова со служебным словом, где один из компонентов обязательно принимает аффиксы сказуемости или принадлежности.Таким образом, такие сложные конструкции мы можем считать морфолого-синтаксическим способом выражения категории лица.

В функции составного сказуемого выступают лексические сочетания слов “имя (или образная, звукоподражательная основа) + глагол во вспомогательной функции”: *бас бил-* ‘владеть’, *тылгыттан мат-* ‘потерять речь, замолчать’, *санааҕа түс-* ‘призадуматься’, *пас гын-* ‘резко хлопнуть’, *чыып диэ-* ‘чирикать’, *сылыпыс гын-* ‘юркнуть’ и т.д.

Деепричастия на *-а/-ыы* и *-ан* в якутском языке широко употребляются в составе разного рода аналитических конструкций. Как установил Л. Н. Харитонов, сочетанием деепричастия на *-а/-ыы* и *-ан* и глаголов функционально-служебной группы создаются аналитические формы, служащие для выражения временных и видовых значений глагола [Харитонов, 1960]. Например, они могут обозначать начало действия: *Оҕо оонньоон барда* ‘Ребенок *начал играть’*; завершенность: *Оҕо оонньоон бүттэ* ‘Ребенок *кончил играть’*; мгновенность, внезапность: *Көрө түстүм* ‘*Я* внезапно *посмотрел’*; *Дьиэҕэ көтөн түстүм* ‘*Я* внезапно *ворвался* в дом’; одновременность действия: *Аһыы олоробун* ‘Сижу кушаю’; *Көрөн турабын* ‘Стою и смотрю’ и т.д.

Такие аналитические конструкции, принимая личные показатели к основе вспомогательного глагола, могут употребляться в качестве конечного сказуемого в форме любого времени и наклонения: *Кини быйыл үөрэҕин бүтэрэн кэлиэхтээх* ‘Он в этом году *окончив* учебу, *должен приехать’*; *Хаарбын ыраастаан киириһибин* ‘*Я смогу войти, вычистив* снег’.

Деепричастие на *-ан* в нулевой форме (в форме 3-го л. ед. ч.) в сочетании с частицами *бөҕө, аҕай, бэрт* с аффиксами сказуемости или без аффиксов сказуемости, используется также в роли финитной формы: *Биһиги онно баран*

бэрпит ʻМы туда *идти не хотим’*. В сочетании с частицами *бөҕө, аҕай* выражается значение большей интенсивности действия, а также удовлетворение от совершения действия: *Дьэ көрөн бөҕөбүт* ʻА как же, *мы посмотрели’*.

Е.И. Коркиной были описаны 4 способа образования многочисленных глагольных лично-отнесенных модальных конструкций [Коркина, 1979]:

1. Перифрастические формы глагола с модальными значениями в сочетании с причастными формами. Это причастные формы *-ар/-быт, -ыах* + вспомогательный глагол *буол-* в форме основных времен изъявительного наклонения: *барар, барыах буолабын* (*буоллум, буолбуппун* и т.д.) ʻЯ намереваюсь пойти’, ʻЯ решился поехать’, ʻЯ, оказывается, согласился пойти’ и т.д., а также в форме повелительного, утвердительного, условного наклонения: *сылдьар буол-* ʻты ходи’*, кэлбэт буоллаххына* ʻесли не придешь’*, көрдөрүнэр буолууһубун* ʻотныне я намереваюсь проходить обследование’ т.д.

2. Конструкции, состоящие из падежно-причастной формы *-ыах* (*пын, -хын, -н* и т.д.) в сочетании с группой глаголов, которых целесообразно называть функционально-модальными, образуют аналитическую конструкцию, единую сложную форму, выражающую модальное значение. Например: 1. а) причастие на *-ыах* (*-ымыах, -ыа суох*)+личный аффикс притяжательного типа+винительный падеж в сочетании с глаголами в наст. времени *баҕарабын* ʻхочу’, *саныыбын* ʻдумаю’ и т.д. образуют форму желательности: *барыахпын баҕарабын* ʻхочу пойти’, *киинэҕэ сылдьыахпын толкуйдуубун* ʻдумаю над тем как пойти в кино’; *барыаххын сатаммат* ʻты не должен идти’; б) причастие на *-мах*+афф. принадлежности+локативный падеж в сочетании с причастиями *сатанар, табыллар* и т.д. образуют конструкции долженствовательного действия: *ыллаххына табыллар* ʻты обязательно должен взять’, *иһиттэхпинэ сатанар* ʻя должен слушаться’и т.д.

3. Конструкции, состоящие из причастий *-ыах, -ар, -мах, -быт* и модальных частиц. Причастия с притяжательными аффиксами и предикативное личное склонение причастия сочетается с различными модальными частицами,

служебными и функционально модальными глаголами (*сөп, син, наада, сөптөөх, турар, турдаҕа, буоллаҕа, кэрэх, суох, баар, сатаммат, табыллыбат*). Например, а) причастие на *-ыах* (*-ымыах, -ыа суох*)+личный аффикс притяжательного типа+падеж в сочетании с частицами *сөп, син* ʻможно’ образуют форму желательного, возможного, долженствовательного действия: *көрүөхпүн сөп* ʻмогу увидеть’; б) причастие на *-ыах*+дательный падеж в сочетании с модальным словом *айылаах*+афф. сказуемости: *кэпсиэххэ айылаахпын, киириэххэ айылаахтар*;

4. Свободные сочетания причастных форм с модальными частицами (*курдук, дылы, айылаах, быһыылаах, бэйэ, муҥа, куолу, үһү, быһыылаах, майгыннаах, бадахтаах, былааннаах, ини*). При этом аффиксы сказуемости или аффиксы принадлежности присоединяются либо к причастию, либо к частице (*барыам үһү* ʻя должен идти’, *барар үһүбүн* ʻя должен идти’, *барыах баҕайым дуу* ʻидти ли мне придется’, *барбыккын быһыылаах* ʻты кажется, ушел’, *барбыт быһыылааххын* ʻты кажется, ушел’): *Һы, биллэн турар, ким кинини ылар үһүнүй*? (ДС ААА, 56) ʻПонятное дело, кто же ее *возьмет замуж*?’; *Бэйэҥ туох эрэ уопсастыбаннай үлэнэн дьарыктанар быһыылааххын* дуу? (ЕН ЭК уо Дь, 54) ʻТы сам, *кажется, занимаешься* какой-то общественной работой?’; *Мин эйигин хамнастаан олоробун, эн буоллаҕына миигиттэн үгүһү кистиир эбиккин* (ДС ААА, 88) ʻЯ обеспечиваю тебя работой, а ты, *оказывается*, от меня многое *скрываешь’* (букв. скрывающий оказывается+ты); *Варвара, эн хайдах эрэ уларыйбыт курдуккун, тупсубуккун* (ДС ААА, 29) ʻВарвара, *ты как будто изменилась*, похорошела’; *– Оо дьэ, ону тоҕо баччаанҥа диэри миэхэ эппэтэх бэйэҕиний*? (ЕН ЭК уо Дь, 114) ʻ − О, почему же *ты* до сих пор об этом мне *не сказала*?’; *Тыый бу да киһи?! Хаһан халлаантан түһүөх мунҥунуй*? (КК, 7) ʻТы что?! Когда же *ты спустишься* с небес?’.

В якутском языке немногочисленные лексемы, означающие части тела человека: *сүрэх* ʻсердце’, *эт* ʻтело’, *куйаха* ʻкожа головы’, *тыл* ʻязык’ и лексемы *санаа* ʻмысль’, *өй* ʻум’ и т.д. в сочетании с глаголами в 3-л. ед. числа в настоящем неопределенном времени могут образовать устойчивые

конструкции, выражающие состояние действующего лица. Лицо, к которому относится состояние, выявляется через притяжательные аффиксы: *Этим* (*-ҥ, -э, -пит, -кит, -тэрэ*) *тардар, салаһар* ‘Мне (тебе, ему, нам, вам, им) страшно, боязно, не хватает духу’ или ‘Я (ты, он, мы, вы, они) боюсь (боишься, боится, боимся, боитесь, боятся)’ (букв. Тело+мое передергивает): *Окуопаҕар умса түһүөххүн этиҥ тардар* (ХС, 1965, №3, 3) ‘*Тебе не хватает духу* пасть ничком в окоп’; *Санаам* (*-ҥ, -та, -быт, ҕыт, -лара*) *буолбат, кэлбэт*; *сүрэҕим* (*-ҥ, -э, -пит, -хит, -тэрэ*) *тэппэт, буолбат* ‘Мне (тебе, ему, нам, вам, им) не хочется, не желается’ или ‘У меня (у тебя…) нет желания, настроения, охоты’ или ‘Я (ты, он…) не желаю (не желаешь, не желает…)’ (букв. Мысль+моя не может, сердце+мое не бьется): *Мин сордоно сыттахпына утуйа сытыаҕын санаата кэлбэт үһү* (ХС, 1965, №2, 37) ‘Когда я мучаюсь в тяжелом труде, он говорит, не может спокойно спать’; *Хантан ылан ити идэбин талбыппын отой өйүм хоппот* (КК, 135) ‘*Я не могу* (или мне трудно) *понять* откуда и как я выбрал эту свою профессию’; *Устүүнньэҕэ этиэхпин тылым тахсыбат* (ДТ ТА, 130) ‘*Я не могу* (мне трудно) сказать (об этом) Устинье’; *Барыскыай: Куттанан сүрэҕим хайда сыспыта, - диэн ахтааччы* (КК, 53) ‘Прасковья бывает, вспоминает: *У меня* чуть *сердце не разбилось* от испуга’; *– Чэ, дьиэбитигэр тиийдэххэ сиһилии кэпсиэм, манна киһи кыайан санарбат, тыным хаайтарар* (ЕН ЭК уо Дь, 49) ‘Ну, когда придем домой расскажу, здесь невозможно говорить, *дыхание мое перехватывает’.*

Такое же значение имеют устойчивые фразеологические сочетания типа *таала кырыыламмыт* ‘он очень недоволен’, *көхсө кыараабыт* ‘у него лопнуло терпение’, *хайа охсубут анара хаалбыт* ‘осталась половина его прежнего’ и т.д., употребляемые в качестве составного сказуемого. Лицо, испытывающее состояние, также выявляется с помощью аффикса принадлежности, прикрепленного к имени существительному в составе фразеологизма.

По мнению Е.И. Коркиной, список свободных сочетаний причастных форм с модальными частицами имеет тенденцию к дальнейшему пополнению за счет создания новых типов и моделей сочетаний с модальным значением по

мере развития языка [Коркина, 1979: 79]. В современном языке по нашим наблюдениям могут быть созданы следующие модели аналитических личных конструкций:

1. Причастие+имя сущ. с посессивным афф.+глагол *кэл-* приходить в форме 3-го л. ед. ч.): *Кини барытын билиниэх санаата кэллэ* ‘*К нему пришла мысль* (или он захотел) во всем *признаться*’;

2. Причастия+имена сущ. с афф. посессивности (*быһыы, дьүһүн*): *Тургэнник быһаардыннар диэбит быһыым* (ЛМ А, 106) ‘Это *я таким образом сказала*, чтобы быстро решили (букв. мой образ говорения)’;

3. Причастие+афф. посессивности+глагол в 3-м лице ед. ч.: *Кореец дуу, японец дуу эбитим буоллар, туох эрэ экзотическай үүнээйини ааттыырым хааллаҕа* (Ч, №3, 2013, 42) ‘Если бы я был корейцем или японцом, то *назвал бы* какое-нибудь экзотическое растение’ (букв. называющий+мой остался); *Аны кэлэн, хаарыйдаргын да, майгым уларыйбата биллэр* (ЛМ А, 107) ‘Сейчас то, хоть и высмеешь, *понятно*, что *не изменится* мой характер’ (букв. неизменяющийся+его понятно);

4. Причастие+афф. посессивности в дательном падеже+глагол *тиий-* ‘добираться’, *күһэлин* ‘быть вынужденным’ в финитной форме: −*Мантан арахсарбытыгар тиийэбит, мин туоруубун, - хаңас диэки тыаҕа киирэн сүтэр суол диэки даллах гынна* (ЕН ЭК уо Дь, 149) ‘−С этого места *нам придется расстаться*, я перехожу дорогу, −он помахал на дорогу с левой стороны, исчезающую в лес’ (букв. расстающемуся нашему придем); *Мин мантан барарбар куһэлинним* ‘*Я был вынужден* отсюда *уехать’* (букв. уходящему моему я был вынужден);

5. Причастие+афф. посессивности+прилагательное: *Дьыала ис биэтэһин дьиҥнээҕин билбэккэ эрэ, сөптөөх уураабы ыларыҥ ууcтук* (Д ХУТ, 112) ‘Не зная изнанку дела, *тебе сложно принять* верное решение’ (букв. возмущий+твой трудно); – *Чэ, аны ол ылбыттарын саҕаттан өрөбөлүүссүйэ да оҥордоххуна төннөрөрүҥ саарбах* (ЕН ЭК уо Дь, 65) ‘−Ну, даже если и устроишь революцию с того момента, когда они взяли, сомнительно, что *ты*

вернешь’; *Дьаһаныах иннинэ сыта-тура толкуйдуур наадатын умнубатыҥ ордук* (Кыым, 2009, №44) ‘*Тебе предпочтительнее не забывать* о том, что нужно думать, прежде чем принять решение’ (незабывающий+твой лучше);

6. Причастие+лексема *киһи*+афф. сказуемости+афф. вопросительности -*ый*: *Хайдах буолуох киһибиний*? ‘Как *мне быть*?’; *Бүгүн ханна барыах киһибиний*? ‘Сегодня куда же *мне идти*?’; *Нохоо, бу хаһан өйдөнүөх киһигиний*? (ИТ ДьХУИ, 66) ‘Парень, когда же ты *образумишься*?’(букв. предстоящий образумиться человек ли ты);

7. Причастие+имя+аффиксы сказуемости: *Мин манна үлэлиир киһибин* ‘Я *человек*, *работающий* здесь’; – *Дьэ, абыраммыт киһигин* (КК, 45) ‘- Ну, *ты человек, которому повезло’*;

8. Имена от глагола+частица *бөҕө* с посессивным афф. или без него+афф. сказуемости: *Уҥуохтуун үрдээбит курдук буолбут, «бөх дьааһыгын хаһарын хаһыҥ да, таһыгар мээнэ ыһыманҥ-тоҕуманҥ” диэн дьаһалымсыйыы бөҕөтө* (ИТ ДьХУИ, 4) ‘Он как будто бы и ростом вырос, *сильно распоряжается*: «Ящик для мусора можете раскопать, но наружу сильно не разбрасывайтесь»’ (букв. распоряжение много);

9. Причастие+имя существительное с аффиксом обладания на -*лаах*+аффикс сказуемости: *Мин күрэстэһэн көрүөх санаалаахпын* (АА ТА4, 359) ‘Я *намереваюсь посостязаться’*; *Илии баттаттым да тахсан барар санаалаахпын* (Н ДьАА, 60) ‘Как только подпишут, *намереваюсь выйти’* (букв. выходящий имею намерение); *Билигин, хайыам баарай, сытар киһи ону эрэ толкуйдуур кыахтаахпын* (ДС ААА, 109) ‘Сейчас, что же мне делать, лежачий человек, только об этом и *могу думать’* (букв. думающий имею силу).

10. Причастие+афф. притяж.+вопросительная частица *дуу*: - *Аата үчүгэйин. Киэһэ ыалдьыттыы тиийэрим дуу*?! (КК, 177) ‘Как хорошо! *Не прийти ли мне* вечером к вам в гости?’ (букв. ; *Хаһыат ааҕарым дуу*? ‘*Не почитать ли мне* газету?’. Благодаря наличии вопросительной частицы *дуу* ‘ли’ образуется значение намерения.

11. Причастие+имя сущ.+притяжательный аффикс+частица отрицания *суох*: *Мин билигин ыал буолар санаам суох уонна эйигин үчүгэйдик эмиэ билбэппин ээ* (ЕН ЭК уо Дь, 33) *'У меня* сейчас *нет намерения* выйти замуж, и к тому же я тебя еще плохо знаю'; *Мин Туйааратттан арахсар баҕам суоҕа* (Н ДьАА, 135) *'У меня не было желания* расставаться с Туярой'; *Мин кини дьолун хайдах да ылынар кыаҕым суоҕа, оттон кини – мин эрэйбин* (ДС ААА, 8) *'Я никак не могла принять* его счастье, а он – мое страдание';

12. Причастия+посессивный афф.+глагол *кэл* в будущем времени и вопросительная частица *дуо*: *Биир үбүлүөй оҕотун оҥорбото кэлиэ дуо* (Ч, 2013, №3, 21) *'Как же ему не сделать* один маленький юбилей!';

13. При эмоциональных предложениях деепричастие на *-ан* также может употребляться с аффиксом сказуемости: *Эн айгыстан тұһэҥҥин!* 'Ты так *задерживаешься*!' (букв. Задерживаясь+ты!). Здесь два деепричастия образуют составное сказуемое, последний из деепричастных форм, принимая аффикс лица, определяет лицо деятеля действия. Так как деепричастие является инфинитной, незаконченной формой, в подобных предложениях угадывается опущение завершающего члена предложения, оформленного именным сказуемым. Таким образом, это предложение могло быть в следующей форме: *Айгыстан тұһэҥҥин дьэ киһигин*! 'Ну, ты и человек, задерживаешься!'

Сложные аналитические конструкции могут содержать и более трех компонентов: *Дүлүҥ буолан хаалбатах абаккам эбит* (Ч, 2013, №1, 24) *'Моя горькая досада, что не превратился* в обрубок бревна! (досл. Не превратиться в обрубок бревна досада+моя ведь)' и т.д.

В таких сложных конструкциях притяжательный аффикс, прикрепленный к причастию, имени и т.д., в якутском языке имеет такую же функцию, какое имеет в русском языке личное местоимение в качестве подлежащего предложения, а также в косвенных падежах в функции объекта, определяя лицо субъекта действия, состояния. Ср.: *Барыах санаам кэллэ 'Мне* захотелось уйти'; *Барарыҥ баар 'Ты* должен идти'; *Барарыгар тиийдэ 'Ему* пришлось уйти' и т.д.

§ 2. Именная категория сказуемости

В лингвистике утвердилось мнение о том, что категория лица присуща исключительно глаголу. Однако в описательных грамматиках отдельных языков подтверждается, что категория лица присуща и имени. В чукотско-корякских, самодийских и тюркских языках наблюдается принятие глаголами и именами одного и того же личного показателя в настоящем (неопределенном) времени, что превращает имена в предикаты, которые в предложении функционируют только как сказуемое. Именная категория лица не всегда выделяется как самостоятельная грамматическая категория имени в силу того, что она не обязательна для именных частей речи, в отличие от категории лица глагола. Однако необязательный характер той ли иной категории не выводит ее из разряда грамматических категорий и можем сказать, что в этих языках категория лица имени существует и определяется исследователями как именная категория сказуемости.

По справедливому утверждению тюркологов [Дмитриев,1950: 55; Киекбаев, 2001: 67; Гузев, 1976: 246; и др.], именная категория сказуемости, присущая тюркским языкам, является морфолого-синтаксической категорией, представляющей собой средство выражения субъектно-предикатной формы мышления.

Материал якутского языка показывает, что именные части речи имеют категорию сказуемости и представляют тем самым “совершенно определенную форму мышления, имеющую субъектно-предикатную структуру” [Гузев, 1976: 240]. Сказуемость имени выражается с помощью аффиксов сказуемости и аффиксов принадлежности, выполняющих функции аффиксов сказуемости, которые представляют субъект в виде какого-либо конкретного лица единственного или множественного числа, и в этом смысле они являются личными формами. Сказуемость имен в якутском языке выражается следующими аффиксами в ед. и множ. числах с фонетическими вариантами: 1-е

л. -*бын* (ед. ч.), -*быт* (множ. ч.); 2-е л. -*ҕын* (ед. ч.), -*ҕыт* (множ. ч.); 3-е л. *Ø* (ед. ч.), -*ла*р (множ. ч.). 3-е л. ед. ч. сказуемости в якутском языке в отличие от некоторых других тюркских языков имеет нулевой аффикс. А в других тюркских языках, как указывает М. В. Зайнуллин – в узбекском, гагаузском, азербайджанском, туркменском и др. – данное лицо обычно формируется посредством аффиксов -*дыр/-дер, -ды/-де* и их фонетических вариантов: узб. *ишчи-дир* ‘он рабочий’, гагауз. *ушак-тыр* ‘он рабочий’, турк. *авторы-дыр* ‘он автор’ [Зайнуллин, 2000: 23].

В некоторых тюркских языках, например, в тувинском личные местоимения, выполняющие функцию сказуемого, в морфематическом отношении до сих пор не перешли в разряд аффиксов. Они сохранили за собой стабильный звуковой состав и не имеют никаких фонетических вариантов: *Мен студент мен* ‘Я студент’ [Исхаков, Пальмбах, 1961: 222; Гаджиахмедов, 1998: 29; Абдуллина, 2008: 84].

Аффиксы сказуемости могут принимать любые именные части речи: существительные, прилагательные, местоимения, числительные, а также наречия, служебные части речи: частицы, послелоги и т.д. Именное сказуемое в якутском языке выражается тремя способами: синтетическим, синтетико-аналитическим и синтаксическим.

Сказуемое, выражаемое именными частями речи в том случае, когда оно не выражает ни временных, ни модальных значений, имеет однообразное личное оформление, согласуясь в лице с подлежащим с помощью аффиксов сказуемости и представляет собой синтетический способ образования сказуемого. Например: *Эр киһибин, тулуйуохтаахпын, ийэлээх бырааппар хайаан да дьон баар сирин булларыам* (ЕН ЭК уо Дь, 144) *‘Я – мужчина*, должен вынести, обязательно приведу мать с братом к людной местности’ (сказуемое – существительное); *Эн бачча эдэр эрээригин, туох ааттаах улаатымсыккыный?* (ДС ААА, 82) ‘*Ты*, несмотря на то, что совсем *молод*, почему такой *заносчивый*?’ (сказуемое – прилагательное); ... *сирэйэ-хараҕа суох албыны чэпчэкитик итэҕэйбиппэр буруйдаахпын* (О БДЭ, 195) *‘Я виновата* в

том, что легко поверила в жестокую ложь’ (букв. виновная+я) (сказуемое-прилагательное); – *Наһаа да билиилээххин, Алена, −диэн уол хайҕаата* (ЕН ЭК уо Дь, 124) ‘ – *У тебя* столько *знаний*, Алена, −парень похвалил’ (букв. со знаниями+ты) (сказуемое – прилагательное); – *Олус үчүгэй, − дии тустэ онуоха кыыс, − ээ, арба, биһиги эмиэ иккиэбит* (ЕН ЭК уо Дь, 89) ‘ − Очень хорошо, − сказала сразу девушка, − кстати, *нас* тоже *двое*’ (букв. двое+мы) (сказуемое – числительное); *Киһи хааман саллырҕайдаан кэлэн ыйытта: − Кимнээххитий?* (ЕН ЭК уо ДЬ, 38) ‘Человек, шлепая, пришел и спросил: − *Кто вы*?’. В роли сказуемого выступают преимущественно вопросительные местоимения. Личные местоимения, кроме местоимения 3-го лица, не имеют формы сказуемости, но они сами являются аналитическими средствами выражения лица и выполняют функцию сказуемого: *Буруйдаах – мин* ‘Виновный – я’. Сказуемые, выраженные личными местоимением 3-го лица с аффиксом сказуемости, встречаются в речи крайне редко: *Ээ, кинибин* (СО С, 54) ‘Э, (я) – она самая’.

При отглагольных именах с посессивными аффиксами *-лаах* именное сказуемое имеет не столько значение “что имеющий”, а определяет само действие: *Онньойо сытыйан, киһи күлүүлээххин баҕастаахһын*! (АА ТА III, с. 181) ‘У самого лицо кривоватое, да еще над человеком *насмехаешься*!’ (букв. Ты еще имеешь насмешку); *Хабырылла сириилээххит эһиги өссө*! (АФ ТА II, 22) ‘*Вам* еще и Гаврила *не нравится*!’ (букв. Вы еще имеете отвержение).

Именное сказуемое в якутском языке очень часто выражается целым словосочетанием, построенным на: а) примыкании, где примыкающим словом могут быть любые части речи (прилагательные, существительные, причастия, числительные и т.д.): *Эн эдэр киһигин* ‘Ты молодой человек’; б) изафете: *Мин кини кыыһынабын*‘Я его дочь’.

В сказуемых-существительных субъект выступает в качестве предмета, в сказуемых-прилагательных - носителя признака, представленного в качестве предиката, в сказуемых-местоимениях может выступать и признаком и предметом. Таким образом, именной предикат выражает понятие, отражающее

«вещь или ее статическое качество» [Колшанский, 1965: 145]. Отсюда следует, что именные финитные формы «способны передавать в качестве смыслов некоторые отношения между элементами внеязыковой реальности, отличные от тех отношений, которые передают глагольные формы, что связано с объективной природой этих элементов» [Гузев, 1976: 242]. Ср.: *Мин үлэһиппин* ʻЯ рабочийʼ и *Мин үлэлиибин* ʻЯ работаюʼ.

Если глагольное сказуемое выражает время и модальность самой формой глагола, то сказуемые, выраженные другими частями речи, этого не имеют. Поэтому при них «временные и многие модальные оттенки выражает связка» [Убрятова, 2006: 99], т.е. содержание предиката раскрывается с помощью присвязочной части. Связку, выполняющую важную роль для подчеркивания временных и других модальных значений, представляют так называемые недостаточные или вспомогательные глаголы, а также вспомогательные части речи, которые в своем составе принимают аффиксы сказуемости или аффиксы принадлежности (выступающие в роли аффиксов сказуемости). Например, в турецком языке элемент *i-* (восходящий к древнему глаголу *ar-/er/-ir*) в показателях *idi-, imiš-, isä-* выступает как: а) компонент составного именного сказуемого, т.е. в роли связки; б) компонент сложных глагольных временных форм. А показатель *irän-* оформляет именные и глагольные обстоятельственно-временные формы [Гузев, 1976: 235-238]. В тюркологии для обозначения этого элемента обычно используются названия: «вспомогательный глагол», «служебный глагол», «неправильный глагол», «связка». А. Ходжиев, анализируя каждый из этих терминов, наиболее подходящим признает термин «недостаточный глагол», поскольку он «позволяет дифференцировать глагол э- от всех других глаголов, выражающих грамматическое значения, либо выполняющих иные вспомогательные функции» [Ходжиев, 1968: 4-8].

В якутском языке в качестве связки для передачи понятия времени используются недостаточные глаголы *э-* ʻбытьʼ и *эр-* ʻбыть чем-либо занятымʼ, а также вспомогательный глагол *буол-* ʻстановиться, делатьсяʼ. Настоящее или неопределенное время может выражаться без какой-либо связки, лишь с

помощью аффикса сказуемости. Но также как вариант может использоваться вспомогательный глагол *буол-* в настоящем времени: *Мин киһи буолабын* ʻЯ являюсь человекомʼ. Личное оформление связки зависит от того, какое время требуется передать. Ср.:

Будущее время: *Мин учууутал буолуом* (имя+вспомог. глагол буол-+*уох* (афф. буд. времени)+афф. принадлежности) ʻЯ стану учителемʼ;

Настоящее незавершенное время: *Мин учууутал буолан эрэбин* (имя+буол+афф. деепр. на *-ан*+недост. глагол *эр*-+афф. сказуемости) ʻЯ становлюсь учителемʼ.

Прошедшее время: *Мин учууутал этим* (имя+недостаточный глагол э-+ элемент формы прошедшего времени *-т* + афф. принадлежности в роли аффикса сказуемости) ʻЯ был учителемʼ;

Такие имена, как *баар* ʻналичный, наличиеʼ и *суох* ʻотсутствующийʼ, имена на *-лаах* (со значением «имеющий что»), а также некоторые имена существительные обладают свойством выражать прошедшее время формой, возникшей в результате фонетического стяжения: *Мин оччолорго учууталым* < *Мин оччолорго учууутал этим* ʻЯ тогда был учителемʼ; *Мин баарым* < *Мин баар этим* ʻЯ былʼ (букв. Я был наличествующим); *Мин суоҕум* < *Мин суох этим* ʻМеня не былоʼ (букв. Я был отсутствующим); *Мин аҕалааҕым* < *Мин аҕалаах этим* ʻЯ имел отцаʼ. Личное окончание формы *этим*, присоединяясь в первому компоненту сочетания, образует одну слитную основу, которая внешне выглядит как существительное+афф. принадлежности. По мнению Е.И. Коркиной, при слиянии «элемент *эт-* выпадает, а гласный переднего ряда и в силу действия гармонии гласных преобразуется в гласный заднего ряда *ы*» [Коркина, 1970: 117], и мы наблюдаем, что из *учууутал этим* ʻя был учителемʼ получается *учууталым* ʻя был учитетемʼ.

Такое слияние происходит, по мнению исследователей [Филиппов, 1989: 120], в результате выпадения предикативного члена в виде связки или определяемого. Тогда определяющее слово становится сказуемым. Например:

Киһи элбэх этэ – Киһи элбэҕэ ‘Людей было много – Людей было много’; *Эн улахан киһигин – Эн улаханҥын* ‘Ты большой человек – Ты большой’.

В зависимости от смысла предложения, недостаточный глагол э-, кроме указания на прошедшее время, может содержать информацию с точки зрения наблюдателя, и мы видим именное сказуемое в значении «быть, являться, иметь место»: *Омос көрдөххө, дьиэҕэ Кисиэнньэ муҥур хотун этэ* (ЛМ А, с. 157) ‘Если смотреть со стороны, то Ксения *являлась* в доме полновластной *хозяйкой*’.

В отрицательных именных сказуемых наличие связки обязательно, так как отрицание выражает только вспомогательный глагол *буол-* в отрицательной форме: *Учуутал буолбатахпын* ‘Я не учитель’.

Неглагольные сказуемые очень часто сочетаются с различными служебными словами, которые «придают сказуемому особые оттенки значения, выражающие отношение говорящего к сообщаемому (указание на достоверность, сходство и т. д.)» [Убрятова, 2006: 100] и принимают на себя личные показатели. Итак, формы субъективной модальности образуются с помощью:

1) служебной частицы *эбит* + аффикса сказуемости (в 1-м и 2-м лицах ед. и множ. числа тот же, что и в формах настоящего изъявительной модальности, в 3-м лице ед. ч. – нулевая форма, в 3-м лице множ. числа аффикс множественного числа -лар). Например: *Мин учуутал эбиппин* (имя+служебная частица *эбит* оказывается+афф. сказуемости) ‘Я, оказывается, учитель’;

2) частицы *үһү*+аффикса сказуемости: *Мин учуутал үһүбүн* (имя+частица *үһү*+афф. сказуемости) ‘Я, говорят, учитель’;

3) послелогов с аффиксами сказуемости: *Мин учуутал курдукпун* (имя+послелог+афф. сказуемости) ‘Я похож на учителя’.

Субъективная модальность представляет собой указание на то, что «говорящий сообщает о факте, о котором он узнал от другого лица, или что сообщение является результатом неожиданного узнавания, внезапного умозаключения» [Гузев, 1976: 242]. В якутском языке послелоги и частицы

способны принимать аффиксы лица и функционировать в составе именного сказуемого, выражая субъективную модальность: *Түргэн туттунуулаах киһи эбиккин, хайыы- үйэ ас бэлэм!* (ЕН ЭК уо Дь, с. 29) *'Ты, оказывается, человек расторопный*, еда уже готова!'. Послелоги, выражающие сравнение, сопоставление, уподобление, сходство, тождество: *дылы* ʻподобно', *курдук* ʻкак, подобно', *кэриэтэ* ʻсловно, вроде', а также отглагольный послелог *тахса* ʻсвыше', принимая аффиксы лица, выражают признак лица предиката: *Эн кун курдуккун* (ДС ААА,125) ʻТы похожа на солнце'; *Биһиги уонтан тахсабыт* ʻНас есть свыше десяти человек'.

Редко послелоги могут принимать аффиксы сказуемости лишь из-за опущения предыдущего слова в целях языковой экономии. Например: *Кини того үрүҥнэр диэкиний?* (ИН ОИО, 177) ʻПочему *он на стороне* белых?'. В этом примере, по мнению Н.Е. Петрова, послелог диэки «к, на стороне» снабжен вопросительным аффиксом *-ний,* принадлежавшим опущенному слову *киһи* человек или *санаалаах* имеющий мнение с вопросительным аффиксом [Грамматика современного якутского..., 1982: 416]. Отглагольный послелог *кытары* ʻс, вместе с', например, в высказывании *Мин кинилэри кытарыбын* ʻЯ с ними' способен принимать аффикс лица, наверное, в связи с тем, что здесь возможно опущение глагола *сырыт-* с аффиксом сказуемости. Ср.: *Кинилэри кытары сылдьабын. Кинилэри кытарыбын* ʻЯ с ними (нахожусь)'.

Именные сказуемые при помощи вспомогательного глагола *буол-* и недостаточного глагола э- также могут передавать условную и сослагательную модальность: *Учуутал буоллахпына* ʻЕсли я стану учителем'; *Учуутал буолуох эбиппин* ʻЯ бы стал учителем'.

Итак, как показывает материал, связка в виде недостаточных глаголов и вспомогательных частей речи, принимая аффиксы лица, играет очень важную роль, выражая лицо, время и модальность предложения.

В якутском языке в функции сказуемого имена выступают, в основном, только в форме основного падежа. Очень редко могут встречаться именные сказуемые в форме дательного падежа: *Мин дьиэҕэбин* ʻЯ дома нахожусь' (букв.

Я в доме+я). А в некоторых тюркских языках, например, в узбекском языке, формы сказуемости могут сочетаться с аффиксами любого косвенного падежа, кроме винительного [Кононов, 1960: 349], в кумыкском языке аффиксы сказуемости могут принимать имена в местном, исходном, дательном падежах [Гаджиахмедов, 1998: 22], а в башкирском – в формах пространственных (исходного и местно-временного) падежах [Абдуллина, 2008: 84].

Показатели сказуемости могут сочетаться с аффиксами принадлежности, в результате образуя сложную морфологическую форму. Дж.Г. Киекбаев назвал ее «формой принадлежности-сказуемости» или «определительной формой сказуемости» [Киекбаев, 2001: 73]. Например: *Бүлүү сүнньүн олохтооҕобун, онтон эн хантан сылдьаҕын?* (Д ХО, 34) *'Я житель вилюйского русла*, а ты откуда родом?'.

Парадигму этой формы в якутском языке можно представить следующим образом на примере 2-го лица именного сказуемого:

Единственное число принадлежности, ед.ч. сказуемости:

1-е л. принадлежности, 2-е л. сказуемости – *кырам буолаҕын* ʻТы являешься моим маленькимʼ

2-е л. принадл., 2-е л. сказуем. – ----------

3-е л. принадл., 2-е л. сказуем. – *кырата буолаҕын* или *кыратаҕын* ʻТы его маленькийʼ

Множ. ч. принадлежности, ед. ч. сказуемости:

1-е л. принадл., 2-е л. сказуем. – *кырабыт буолаҕын* ʻТы являешься у нас маленькимʼ

2-е л. принадл., 2-е л. сказуем. – ----------

3-е л. принадл., 2-е л. сказуем. – *кыралара буолаҕын* или *кыралараҕын* ʻТы их маленькийʼ

Ед. ч. принадл., множ. сказуемости:

1-е л. принадл., 2-е л. сказуем. – *үчүгэйим буолаҕыт* ‘вы являетесь моим хорошим’

2-е л. принадл., 2-е л. сказуем. – ----------

3-е л. принадл., 2-е л. сказуем. – *үчүгэйэ буолаҕыт* или *үчүгэйдэрэҕит* ‘Вы являетесь его хорошим’

Множ. ч. принадлежности, множ. ч. сказуемости:

1-е л. принадл., 2-е л. сказуем. – *үчүгэйбит буолаҕыт* ‘Вы являетесь нашим хорошим’

2-е л. 1-е л. принадл., 2-е л. сказуем. – ----------

3-е л. 1-е л. принадл., 2-е л. сказуем. – *үчүгэйдэрэ буолаҕыт* или *үчүгэйдэрэҕит* ‘Вы являетесь их хорошим’.

Как видно из парадигмы, в синтетическом виде форма притяжательного именного сказуемого прослеживается только в 3-м лице, в 1-м и 2-м лицах она образуется только синтетико-аналитическим путем, с помощью вспомогательного глагола *буол-* ‘быть’ с аффиксом сказуемости. Поскольку мы взяли в качестве примера 2-е лицо именного сказуемого, видно, что употребление одновременно форм 1-го и 2-го лиц того же лица и принадлежности, и сказуемости в речи невозможно. Невозможно говорить: *Үчүгэйиҥ буолаҕын* ‘Являешься твоим хорошим’, *Үчүгэйим буолабын* ‘Являюсь моим хорошим’. В случае с 3-м лицом такое употребление возможно: *Үчүгэйэ буолар* ‘Является его хорошим’, *Үчүгэйдэрэ буолаллар* ‘Являются его (их) хорошими’.

§. 3. Личные и лично-возвратные местоимения как средства выражения персональности

3.1. Личные местоимения

Наряду с личными глагольными формами личные и лично-возвратные местоимения в функции подлежащего образуют ядро, центр функционально-семантической категории персональности. По мнению исследователей, глагольно-местоименный грамматический центр со сложной бинарной структурой представляет в целом грамматическую категорию лица [Бондарко, 1991 б: 5]. Таким образом, категория лица глаголов выражается формами, а категория лица на лексическом уровне – личными местоимениями.

Личные местоимения в якутском языке, как и в других тюркских языках, тесно связаны с категорией лица глагола. Многие исследователи тюркских языков предполагают, что они исторически могут быть прародителями личных аффиксов сказуемости [Бетлингк, 1990; Гузев, 1987; Меметов, 2004; Севортян 1956; Дмитриев, 1956; Щербак, 1981 и др.]. Например, О.Н. Бетлингк исходил из того, что «предикат и мыслимый в зависимости предмет обозначены так, что они спереди и сзади охвачены местоимением, оказывающимся в иерархическом отношении» [Бетлингк, 1990: 373]. Таким образом, по его мнению, например, из *мин аҕа мин* ʻя отец я’ возникло *мин аҕабын* ʻя отец’, из *мин ылар мин* ʻя возмущий я’ возникло *мин ылабын* ʻя беру’. По мнению Н.К. Дмитриева, «*я беру* в тюркских языках возникло из категории сказуемости ʻя есмь берущий’, *я возьму* ʻя есмь тот, который возьмет’. Этим, во-первых, выясняется именной характер тюркского спряжения» [Дмитриев, 1956: 15]. Также интересен тот факт, что в тувинском языке личные местоимения при именных сказуемых до сих пор не перешли в разряд аффиксов и сохранили за собой звуковой состав,

не имеют никаких фонетических вариантов. Ср.: *Мен студент мен* ʻЯ студентʼ [Гаджиахмедов, 1998: 29].

Личные местоимения в современном якутском языке являются первичными, исконными местоимениями и характеризуются как обозначающие предмет «путем указания лица» [Харитонов, 1947; Грамматика современного якутского …, 1982]. Замена названия путем указания на лицо – главное отличие личных местоимений от других [Данилова, 1991: 29]. Они указывают на участников речевого акта: *мин* ʻяʼ, обозначают говорящего, *биһиги* ʻмыʼ - группу лиц, в составе которого находится говорящий, *эн* ʻтыʼ - собеседника или адресата, *эһиги* ʻвыʼ - адресатов, *кини* ʻонʼ, *кинилэр* ʻониʼ - не участника и не участников акта речи. Местоимения 1-го и 2-го лица, как и в других языках, используются только при указании на людей, за исключением случаев персонофикации неодушевленных предметов, абстрактных понятий. Местоимения 3-го лица грамматически противопоставляются местоимениям первых двух лиц, что в языковедческой литературе отмечалось издавна. Они по содержанию более разнообразны, поскольку, обладая заместительной функцией, могут содержать в себе различные понятия, названия. Кроме обозначения людей, личные местоимения 3-го л. иногда указывают на названия неодушевленных предметов, абстрактных понятий, т.е. на «не-лица»: *Глазунья дии, кини итинник оҥоһуллар,−официант быһааран көрөр* (КК, 50) ʻЭто ведь глазунья, *она* делается такʼ. Предметное значение местоимения 3-го лица находится в периферии центра грамматической категории лица, так как оно противопоставлено «миру лиц» (включая третьи лица). Таким образом, личные местоимения являются основными дейктическими элементами поля персональности. В них может кодироваться разнообразная информация, способствующая идентификации референтов предложения.

Различают «единственное число», «двойственное число» и «множественное число» личных местоимений. Единственное число местоимений, кроме того, что выражает единичность участника речи, может выражать и обобщенное лицо: *Эн уон да улуу арыйыыны оҥор – туоһуҥ суох,*

туһата суох (В ОТК, 67) ‘Даже если *ты* сделаешь десять великих открытий – без доказательств нет пользы’; *Эн, чопчу эн баар буолбутуҥ сүдү, дьикти, хатыламмат* (В ОТК, 158) ‘Чудно, неповторимо то, что *ты*, именно *ты* родился на свет’; *Икки оҕолоннуҥ да Биэчинэскэ хардыылаабыт курдук сананыаххын сөп үһү. Геҥҥын 50 бырыһыан хатылаабыккын да, ылаадына. Эстэпиэтэ салҕаныа. Мин курдук оҕо, ол оҕото эмиэ мин курдук. Мин хайдаҕым үйэттэн үйэҕэ бэриллиэ турдаҕа* (В ОТК. 59) ‘Если родишь двух детей, можешь считать, что перешагнул в Вечность. Повторил свои гены в 50 процентов, и ладно. Эстафета продолжится. Ребенок как *я*, его ребенок тоже как *я*. Каков *я* – это будет передаваться через века’. В таком употреблении «языковое содержание «я» отделяется от его коммуникативной реализации в речи и застывает, идиоматизируется в качестве книжного терминологизированного знака для выражения абстрактного понятия. Местоимение переходит в существительное и выражает не прагматическое значение субъективности, а объективированное понятие» [Химик, 1990:35]. Характерно, что такое употребление носит стилистически ограниченный характер, встречается преимущественно в специализированном применении, например, для логико-философских рассуждений.

Двойственное число представляют в якутском языке специальные двойственно-собирательные местоимения, которые являются производными формами и образуются путем сочетания местоимений 1-го и 2-го лица мн. ч. и числительного *икки* ‘два’ – *биһикки* ‘мы вдвоем’, *эһикки* ‘вы вдвоем’. Они употребляются в сочетании с местоимениями 2-го и 3-го лица и существительными: *эн биһикки* ‘мы с тобой’, *кини биһикки* ‘он со мной’, *ийэҥ эһикки* ‘ты с матерью’ и т.д.: *Мантан саҕалаан Сэмэн биһикки олох, политика, дойдуга буола турар быһыы-майгы туһунан кэпсэппиппит* (ТИН ДьХУИ, 73) ‘С этого момента *мы с Семеном* начали разговаривать о жизни, политике, положении в стране’. Местоимение 3-го лица не имеет двойственно-собирательной формы. Эти местоимения могут иметь следующие комбинации: 1-е лицо, двойственный инклюзив, т.е. «я+ты»; 1-е лицо, двойственный

эксклюзив, т.е. «я+он, но не ты»; 2-е лицо, двойственный инклюзив, т.е. «ты+он, но не я». Кроме употребления двойственно-собирательных местоимений, значение двойственного числа может достигаться и посредством личных местоимений в сочетании с именами в совместном падеже, с союзами *уонна, буолан* ʻи, также’.

Множественное число личных местоимений обозначает некоторую совокупность референтов (касается 1-го лица, и отчасти 2-го лица) и множественность референтов (касается 3-го лица и отчасти 2-го лица). Такое разграничение исходит из того, что «значение несингулярных личных местоимений может быть несимметричным: оно устроено не по принципу «X в количестве n», а по принципу «группа из лица X и других лиц в количестве n» [Плунгян, 2003: 256]. Поэтому исследователи в местоимениях 1-го и 2-го лица множ. числа не видят множественность в подлинном смысле слова, так как они не обозначают совокупность ряда однородных, повторяемых представлений. В якутоведении также сложилось мнение о том, что формы *биһиги* ʻмы’, *эһиги* ʻвы’ не являются грамматической формой множественности. О. Н. Бетлингк отметил, что считать *-з* показателем множественности необоснованно, поскольку «*мы* ни в коем случае не есть множество *я»* [Бетлингк, 1990: 288]. Грамматическому значению числа соответствует лишь местоимение 3-го лица: *кинилэр* ʻони’ означает всегда только *кини+кини+кини+*… ʻон+он+он…’. Что касается 2-го числа, то оно в некоторых контекстах вполне может соответствовать стандартному значению множественного числа *эһиги* ʻвы’ = *эн+эн+эн*… ʻты+ты+ты…’. Таким образом, личные местоимения 1-го и 2-го чисел множ. числа референциально не однородны.

В связи с тем, что личные местоимения в качестве самостоятельного разряда лексем рассмотрены во всех грамматиках якутского языка, а также в работе Н.И. Даниловой [Данилова, 1991] с точки зрения их этимологии, истории происхождения, образования падежных форм, синтаксических функций, в настоящей работе, не касаясь этих вопросов, мы будем выявлять ранее не исследованные функции и семантику личных и лично-возвратных

местоимений. Необходимость более подробного представления дейктических функций, референциальных характеристик этих местоимений в якутском языке объясняет актуальность рассмотрения функционально-семантических особенностей употребления этих лексем (и их производных) в различных синтаксических структурах и контекстах на материале якутского языка.

В якутском языке в большинстве высказываний лицо эксплицировано в глагольной форме, в силу этого, в таких случаях личные местоимения употребляются факультативно и не несут функциональной нагрузки с грамматической точки зрения, например, как в русском языке. А в русском языке в многочисленных исследованиях семантики и функций местоимений (З.М. Мурыгина (1970), Е.В. Падучева (1985), М.А. Шелякин (2001), О.Н. Селиверстова (2004) и др.) выдвигают тенденцию о не менее значительной, чем у личных форм глагола, роли местоимений в выражении лица. Это обусловлено тем, что в русском языке личные местоимения в грамматической трактовке признают полностью «грамматикализованными лексемами, образующими замкнутый класс» [Плунгян, 2003: 255]. Такое определение объясняется тем, что в современном русском языке грамматическая структура категории лица складывается из простых (синтетических) и сложных (аналитических) форм [Никитевич, 1961:204].

С одной стороны, на отношение к лицу указывает специальный аффикс (*вед-у*, *вед-ешь*, *вед-ет*, *вед-е-м*, *вед-е-те*, *вед-ут*), с другой, личное местоимение, которое здесь выступает уже как служебная морфема – «личный префикс» (*я* вел, *ты* вел, *вы* вели). С этой точки зрения, местоимение *мы* в формах лица прошедшего времени (*мы* вели) функционально не отличается от окончания *-м* в формах настоящего времени *веде-м*.

Таким образом, личные местоимения в сочетании с глаголами в прошедшем времени «*я* (*ты, он*) сделал», глаголом в сослагательном наклонении «*я* (*ты, он*) сделал бы», причастиями «*я* сделавший», именами «виноватый *я*» и т.д. имеют в русском языке ядерное содержание в выражении категории лица, определяющего субъект данных высказываний. А в якутском

языке если действие, состояние выражено финитной формой глагола, то личные местоимения используются в высказывании для логического подчеркивания лица действия или состояния, а также в стилистически окрашенных высказываниях. Но, личное местоимение способно вступать «в синтагматическое координативное соединение» [Химик, 1990, 28] с широким классом слов − с именами, причастиями, деепричастиями, частицами и т.д. И в таких случаях, когда личное местомение употребляется в предложении, где лицо не выражено морфологически, оно так же как в русском языке, служит ядерным средством выражения категории лица. Ср.: *Дьэ мин эмтэнии бөҕө* (КК, 45) ‘Ну, *я* и сильно начал лечиться’ (букв. Ну, *я* лечение много).

Рассмотрим случаи, когда употребление личного местоимения обязательно с грамматической точки зрения. Грамматическое употребление носит обязательный характер, поскольку оно является «единственным синтаксическим средством отнесения предиката к определенному грамматическому лицу, когда оно не имеет морфологического выражения лица» [Шелякин, 2001: 60]:

1. В качестве именного сказуемого 3-го лица: *Оҕолортон эрэ мара таҥастаахтара кини, оҕолортон эрэ үөрэҕэр мөлтөх кини* (Ч, №3, 2013, 46) ‘Из детей плохо одетая и плохо учащаяся – *она*’; *Ол иһин бу сэлиэнньэҕэ хайҕаллаах ыал – кинилэр* (О БДЭ, 150) ‘Поэтому, в этом селе похвальная семья – *они’*; *Эн биһикки тапталбытын уорбут, кистээбит уонна умулларбыт буруйдаах дьиҥ иһигэр кини* (О БДЭ, 196) ‘На самом деле тот, кто украл, спрятал нашу с тобой любовь – *он’*. При предложениях с именным сказуемым наличие местоимения тоже может быть обязательным. Так как личные аффиксы сказуемости при именных сказуемых присутствуют только в 1-м и 2-м лицах ед. и множ. числах, например, *учууталбын* ‘я учитель’, *учууталгын* ‘ты учитель’, то в третьем лице в виду отсутствия аффикса сказуемости, только местоимения 3-го лица *кини* ‘он’, *кинилэр* ‘они’ определяют лицо деятеля: *кини учуутал* ‘он учитель’. В этих случаях личное местоимение выполняет роль аналитического способа выражения лица.

2. При деепричастии на *-ан* в сочетании с частицами *бөҕө, аҕай, ахан* без аффиксов лица, для выражения большей интенсивности действия или с частицей *бэрт* ʻочень’ в позиции составного сказуемого со значением полного отсутствия у субъекта желания совершить действие лицо передают личные местоимения: *Сарсыныгар кини кэпсээн да бэрт* (О БДЭ, 184) ʻНаутро откуда *она расскажет’*; *Мин аны эйигин кытта барсан бэрт* (ХС 1975, №10, 18) ʻТеперь ни за что *не пойду* с тобой’.

3. При употреблении деепричастия на *-ымына, -бакка* без аффикса сказуемости в позиции сказуемого простого предложения значение лица может передаваться только посредством употребления личного местоимения 3-го лица *кини* ʻон’. А в первых двух лицах для определения субъекта действия либо к деепричастию могут присоединиться аффиксы сказуемости, либо могут употребляться личные местоимения при деепричастии без аффикса лица: *Кини таах сибиэ барбакка* ʻЗря он не пошел’ (букв. Он зря не пойдя); *Таах сибиэ барбаккабын* ʻЗря я не пошла’ (букв. Зря не пойдя+я); *Мин таах сибиэ барбакка* ʻЗря я не пошла’ (букв. Я зря не пойдя).

4. При употреблении с отглагольными именами в сочетании с частицами: *Дьэ мин сэргэхсийии бөҕө, - диэн астыммытын биллэрбитэ* (О БДЭ, 84) ʻ*Я* сильно *взбодрился*, - так он выражал свое удовлетворение’ (букв. *Я оживление* сильно).

5. При своеобразных сочетаниях деепричастия на *-ан* и глагола, стоящего лишь в форме повелительного наклонения 2-го лица ед. числа, которое выражено нулевым аффиксом: *Мин дьиэҕэ көтөн түс* ʻ*Я ворвался* в дом’ (букв. *Я* в дом влетя спустись).

6. При противопоставлении действия субъекта с действием других участников речи. Например: *Мин буолбатах, эн барыахтаахха* ʻНе *я*, а *ты* должен идти’. Несмотря на наличие личной формы глагола, без употребления личного местоимения вторая часть сложного предложения не кажется полным, самодостаточным: *Эн хаалаҕын, барабын* ʻТы остаешься, пойду’. Поэтому

наличие личного местоимения представляется обязательным: *Эн хаалаҕын, мин барабын* ‘Ты остаешься, а *я пойду’*.

Рассмотрим некоторые случаи, когда присутствие в высказывании личных местоимений преследует разные стилистические цели при наличии тождественных личных форм глагола. Итак, личные местоимения употребляются:

1) с целью особого выделения субъекта действия. В таких случаях в предложении обычно личное местоимение употребляется несколько раз: *Баһын иһинээҕитинэн эрэ олорор батаанньык үһү дуо кини, кини аны биллэр-көстөр киһи* (В ӨТК, 91) ‘Разве *он* ботаник, живущий в своем мире, *он* теперь известный человек’; *Мин? Мин… мин бастаан биирдээххэ, онтон биэстээххэ барыам* (О БДЭ, 9) ‘*Я? Я... я* сначала на один километр, потом на пять километров пойду’; *Эрдэттэн биллэри, көстөрү көрбөтөх-билбэтэх эн эрэ бааргын* (О БДЭ, 303). ‘Только *ты* являешься тем, кто не узнал о заранее известном деле’;

2) в эмоционально окрашенном предложении, когда говорящий отзывается о собеседнике в третьем лице с негативной окраской. Это значение свойственно разговорной речи и вносит в предложение элемент резкости и пренебрежительности тона: *Аньыы даҕаны, хата, бэйэҥ үүнэ-тэһиинэ суох тыллаһан бардыҥ дии. Халдьаайылаах ээ, кини өссө* (ЛМ А, 107) ‘Ой, не говори так, ты сама начала говорить всякую чушь. *Она* еще говорит о южном склоне (букв. Есть южный склон у нее она еще)’;

3) с целью объективации своей личности. Такое употребление встречается при переносном употреблении местоимения 3-го л. ед. ч. по отношению к самому говорящему: *Өскөтө Саргылаана ол мүччүргэннээх күннэригэр Мария Ивановна, Всеволод Николаевич өйөбүл-тирэх буоллар кини билигин ханна-ханна эрэ тиийбит-түгэммит буолар этэ*! (СД СТТ, 224) ‘Если в те трудные дни Саргыланы ее не поддержали Мария Ивановна и Всеволод Николаевич, где бы *она* была сейчас!’;

4) в диалоге, когда говорящий обращается к собеседнику, отвечая на его реплики, противопоставляя его действия своим действиям. В этом случае обращение всегда носит резкий и пренебрежительный характер: *Бүт эрэ, эн да холоонҥун, ханна баарый Кириисэҥ?* (Ч, №4, 41) ‘Перестань, и *ты* тоже хорош, где твой Григорий?’. При этом в интонации произношения предложения ударение падает на личное местоимение.

5) когда местоимение *кини* ‘он’ функционирует в качестве субстантива с экспрессивными лексическими значениями: враг, возлюбленный и т.д.: *Итинник хорсун санаалаах, итинник үтүө сүрэхтээх буолуохтаах этэ кини… - Нина, бэйэтигэр бэйэтэ кэпсиир курдук уоһун иһигэр* (СД СТТ, 135) ‘Вот таким должен быть смелым, добрым *он*…- пробормотала про себя Нина’; *Оо, онтунан кытта кэрэ ээ, кини*! (О БДЭ, 15) ‘О, и даже этим хороша *она*!’;

Личные местоимения в якутском языке имеют производные формы, которые образуются присоединением словообразующих аффиксов к падежной основе местоимений: *миигинньик, эйигинньик, биһигинньик, эһигинньик.* Формы на *-ник* в основном имеют уничижительное значение [Данилова, 1991:40], передают снисходительное отношение говорящего к себе или адресату и нередко употребляются в сочетании с глагольными формами в 3-лице ед. и множ. ч.: *Миигинньиктэр Сири быыһыыһылар дуу, Күнү көмүскэһиилэр дуу* (В ОТК, 59) ‘*Подобные мне* не спасут Землю, не защитят Солнце’. Но они могут принимать и уподобительный оттенок: *Эйигинньик улуу ойуун санаатын уурдар эрэ – чолбону тоҕо кыайан кэппэт буолуоҕай! – диэн көрдөһө олорбута эбитэ үһү* (ПО ТА, 18) ‘*Подобный тебе* великий шаман, если приложит старания – почему бы не смог бы разрубить полярную звезду! – так он просил (шамана)’. При уничижительной семантике говорящий объективирует свои действия для создания особой экспрессии. При уподобительном употреблении говорящий дистанцируется от адресата по причине, того, что адресат может превосходить его в чем-либо. В этом случае используются производные местоимения, и глагол ставится в 3-м лице в некатегориальной функции. Так как в таких высказываниях действие субъекта выражено глагольной формой 3-

го лица, отнесенность действия к 1-му или 2-му лицу определяется с помощью производного личного местоимения. Таким образом, эти местоимения в таком употреблении тоже являются аналитическим средством выражения лица.

3.2. Лично-возвратные местоимения

Лично-возвратные местоимения входят в разряд вторичных местоимений, которые перешли из других частей речи. Они представлены лексемами *бэйэм* ʻя сам, мой собственный', *бэйэҥ* ʻты сам, твой собственный', *бэйэбит* ʹмы сами, наш собственный', *бэйэҕит* ʻвы сами, ваш собственный', *бэйэтэ* ʹон сам', *бэйэлэрэ* ʻони сами'. Эти местоимения состоят из основы *бэйэ*, восходящей к монгольской *бие* ʻтело, организм, особа, личность, рост, сам', с аффиксами принадлежности [Грамматика современного якутского …, 1982: 203] *-м, -ҥ, -тэ, -бит, -ҕит, -лэрэ* и замещают участников речи – говорящего, собеседника и 3-е лицо. В них притяжательные аффиксы превратились в показатель лица, что и отражено в их названии [Там же: 203]. Множественное число в них выражено притяжательными аффиксами *-бит* (1-е л. множ. ч.), *-ҕит* (2-е л. множ. ч.), *-лэрэ* (3-е лицо множ. ч.). Таким образом, они обладают теми же функциями, что и личные местоимения и имеют те же характеристики. В возвратном значении данные местоимения выступают в форме косвенных падежей и сочетаются с возвратным залогом, указывают на отношение действия к самому производителю действия, который является одновременно и субъектом и объектом, соответствуя русскому возвратному местоимению *себя*.

Имея в своей семантике понятие возвратности, лично-возвратные местоимения употребляются в речи всегда с особыми модальными оттенками значения и характеризуются богатством частных значений. Рассмотрим некоторые значения из них в различных контекстах. Итак, лично-возвратное местоимение употребляется в следующих значениях:

1) вместе с частицей *тус* или с числительным *биир* ʻодин' в значении «сам лично», «в частности» т.е. с целью передачи отношения субъекта к

данному действию со своей точки зрения: *Биир бэйэм туох да куһаҕаны оҥорботоҕум, мин да табаарыстарым иэдээни оҥорбуттара буолуо дии санаабаппын* (Д ХО, 34) ‘*Я сам лично* не сделал ничего плохого, не думаю, что и мои товарищи натворили беду’;

2) совершения какого-либо действия без посторонней помощи, самостоятельно: *Кинилэри кытта эн бэйэҥ билис, кинилэр хайдахтарын-туохтарын эйиэхэ бэйэлэрэ көрдөрдүннэр* (СД СТТ, 21) ‘*Ты* с ними *сам* познакомься, *они сами* покажут тебе кто они’; *Оҕолор бэйэлэрэ аһаатыннар* (СД СТТ, 8) ‘Пусть дети *сами* покушают’;

3) вместе с частицей *да* при выражении действия, которое субъект не в состоянии знать, понимать и т.д.: *Кини туохтан хараҕа суох буолбутун бэйэтэ да билбэт* (ПО ТА, 169) ‘*Он* даже *сам* не знает, отчего ослеп’;

4) в значении «реально сам», «собственной персоной» относительно лица, о котором идет речь. В этом случае лично-возвратное местоимение принимает посессивный аффикс и стоит в орудном падеже: *Афоня дьик гынна – баарыан Чочур Мырааҥҥа олимпийскай чемпионкаҕа ситтэрбэтэх Туйаара илэ бэйэтинэн!* (ЕН ЭК уо Дь, 162) ‘Афоню передернуло – перед ним *сама* Туяра, которую недавно в Чочур Мыране не обогнала олимпийская чемпионка’; *Хата эргиллэ биэрбитэ, бэркэ билэр киһитэ, Кириил бэтэринээр илэ бэйэтинэн буолла* (О БДЭ, 49) ‘Когда он оглянулся, оказалось, это был ветеринар Кирилл *собственной персоной’*;

5) при выражении действия, которое всегда совершалось или никогда не совершалось данным субъектом, а также состояния или качества, присущего данному лицу: *Мин хаһан да суолга дьону мээнэ олордубат бэйэм, тоҕо эрэ аһара түһэн баран, оргууй аҕай төннөн, аммын аспытым* (ДС ААА, 144) ‘*Я сам*, который в дороге обычно никогда не сажал людей, проехав, но потом, почему-то вернувшись, открыл дверь’; *Коллонтай, аҕыйах саҥалаах бэйэтэ, кыргыттартан кыбыстан, эбии саҥатыттан маппыт* (КК, 51) ‘Коллонтай, который *сам* молчаливый, постеснявшись девушек, еще пуще стал молчалив’.

Как и личные местоимения, лично-возвратные местоимения могут использоваться во вторичных или переносных значениях. Например, лично-возвратные местоимения 2-го и 3-го лица могут соотноситься с говорящим лицом или с лицом, от имени которого ведется рассуждение: *Бу иһэн, бэйэҥ да билбэккинэн, санааҥ төрөөбүт Дьокуускайгар тиийэ охсон хаалар* (НЛ М, 7) ‘Вот так идя, и *сам* не замечая, твои мысли доходят до родного Якутска’; *Кэлиҥҥинэн бэйэтэ да бутуллан барда. Били, массыына саахалыгар тубэһиэҕиттэн хас-хас эпэрээссийэни ааста этэй?* (Кыым, 2009, 8) ‘В последнее время *он* (т.е. я) *сам* запутался. Сколько операций перенес после аварии?’

В обобщенно-личном значении лично-возвратное местоимение *бэйэтэ* ‘он сам’ при сочетании с лексемой *киһи* ‘человек’ в обобщенном понимании может соотносить действие к каждому: *Киһи арыт бэйэтин бэйэтэ сэнэнэр, итэҕэммэт мүнүүтэлэрэ баар буолаллар* (СД СТТ, 95) ‘Бывают минуты, когда *человек сам* себе не верит, пренебрегает собою’.

Лично-возвратные местоимения в якутском языке употребляются также как модальные частицы. В этой функции они превращаются в часть составного сказуемого, утрачивая свою местоименную функцию, но сохраняя способность представлять собою один из способов выражения персональности. При таком сложном аналитическом сказуемом действие или состояние выражается причастием, а лицо деятеля определяется с помощью притяжательных аффиксов в составе этих лексем. Они употребляются в речи в следующих значениях: 1) означают, что действие, о котором идет речь, всегда совершалось или никогда не совершалось данным субъектом: *Манныктан хаһан да куттаммматах бэйэм* ‘*Я* такого никогда не боялся’; 2) в сочетании причастий с частицами *буолла, буоллаҕа, дуу, ини*, а также с аффиксом вопросительности *-ый* в вопросительных предложениях выражают недоумение, затруднение, нерешительность, сожаление: *Уһугуннарыах бэйэм дуу*? ‘Разбудить *мне* его, что ли?’; *Барыах бэйэҥ буоллаҕа* ‘Придется *тебе* идти’; *Тугу гыныах бэйэм буолла*? ‘Что же мне делать?’; *Ылыах бэйэтэ ини ылымыах бэйэтэ ини* ‘Взять ему, или

не взять’ (ЯРС, 98). При употреблении лично-возвратных местоимений как модальных частиц используется также уменьшительный аффикс -*кэ*: *бэйэкэм, бэйэкэҥ, бэйэкэтэ, бэйэкэбит, бэйэкэҕит, бэйэкэлэрэ*. Они выражают непонимание, недоумение с острым желанием узнать, выведать о действиях субъекта: *Ээ, кэбис, доҕор! «Бэйи, оонньоомуум эрэ» диэн санаабат бэйэкэҥ дуу?* (АА, СК, 26). ‘- Э, брось, друг! Не думаешь ли *ты сам* «Ну, не буду-ка я так шутить»?’

Выводы по II главе

Анализ теоретической литературы и фактического материала, извлеченного из литературных произведений современного якутского языка, показал, что на уровне высказывания из центральных средств выражения категории персональности приоритетное место занимают морфологические средства – аффиксы лица. Показатели лица, выражающие согласование сказуемого с подлежащим в лице и числе, и при отсутствии подлежащего способные самостоятельно представлять лицо-число производителя действия, в якутском языке бывают трех типов: 1) личные аффиксы сказуемости, образующие финитные формы глагола, способные также прикрепляться к деепричастиям, и входящие в состав сложных лично-отнесенных модальных конструкций, участвующие при образовании именного сказуемого, присоединяясь к именам, частицам, модальным словам; 2) аффиксы принадлежности в составе финитных форм глагола, сложных лично-отнесенных модальных конструкций и участвующие в образовании именного сказуемого в прошедшем времени; 3) особые личные аффиксы повелительного наклонения.

Морфологическая категория лица глагола, как и в других тюркских языках, участвует в образовании финитной формы глагола, объединяющей важнейшие категории глагола, составляющие предикативность предложения – категории наклонения, времени, лица и числа. Независимая, ведущая роль в этом принадлежит категории лица. Особенностью аффиксов лица является их свойство “отдельности” от время-модальных показателей. Аффиксами лица образуются некоторые наклонения, времена глагола, категория числа глагола отображена в личных аффиксах, при этом только 3-е лицо имеет раздельно выраженный морфологический показатель множественного числа.

Так как категория лица составляет основу сказуемости, а также предопределяет типы простого предложения (определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные и безличные), она выступает как синтаксически ориентированная категория. Морфологический характер данной категории проявляется в том, что она составляет парадигму спряжения глагола.

Динамическая полифункциональная природа глагольных личных форм обуславливает универсальность и гибкость системы. Анализ категориальных и вторичных значений, а также ряд употреблений, которые характерны для определенных контекстов, позволяет делать вывод, что грамматические формы лица якутского языка имеют богатый семантический потенциал. Исследование категории лица в направлении от формы к значению выявило многозначность личных форм и, наоборот, выражение того или иного личного значения множеством форм.

Общие, т.е. парадигматические личные значения противопоставляются на нерасчлененные (ед. ч.) и расчлененные (множ. ч. и двойств.). Множественность действующих лиц может достигаться, кроме личных форм множ. числа, формой 3-го лица ед. числа, двойственное число – формой 1-го лица множ. и двойственного числа. При формах 1-го и 2-го лиц множ. числа во многих случаях необходимо более точно охарактеризовать состав лиц с помощью двойственно-собирательных местоимений и других лексических средств.

Кроме своего прямого определенно-личного значения, формы лица также имеют вторичные значения – обобщенно-личное и неопределенно-личное, а также часто употребляются в речи в переносном значении. Обобщенноличность, которая всегда приводит к снятию денотативной конкретности высказывания, объективации сообщаемого, выражается формами 1-го лица множ. числа, 2-го лица ед. числа, 3-го лица ед. и множ. чисел. Выражение неопределенноличности, которая приводит к неизвестности, несущественности субъектов, или известности субъектов говорящему как класс лиц, может достигаться формами 3-го лица ед. и множ. чисел.

Личные формы глагола в переносном, метафорическом значении, т.е. в значении другого лица, обогащают прагмасемантический потенциал личных форм. Они, заменяя определенно-личные значения, могут соотнести факт сообщения к адресанту, адресату и лицу, не участвующему в акте речи. Действия говорящего могут выражаться формами 2-го лица ед. числа и 3-го лица ед. ч. с целью объективированного представления говорящего о себе самом со стороны; адресат может быть выражен формой 3-го лица ед. числа для выражения негативной экспрессии по отношению к партнеру по общению; не участник акта речи 1-м лицом множественного числа выражается с некоторой долей соучастия со стороны говорящего. Такое употребление форм всегда осуществляется с целью выражения различных экспрессивных наращений содержания предложения.

Оформление личными показателями инфинитных форм глагола имеет полифункциональный характер. Личное предикативное склонение причастий и личное оформление деепричастий в якутском языке служат для образования зависимой части синтетических моно- и полисубъектных полипредикативных конструкций, а также образуют простые сказуемые, выраженные этими глагольными формами.

Выяснилось, что личное спряжение деепричастий в якутском языке имеет свои обоснованные причины: 1) Аффиксы сказуемости прикрепляются к деепричастию для установления лица деятеля действия в зависимой части сложного предложения, выраженного деепричастной формой при полисубъектных полипредикативных предложениях. Напр: *Эн кэлэҥҥин, оонньуубут таҕыста* ‘Поскольку ты пришел, игра у нас удалась’; 2) Если деепричастие употребляется в функции независимого сказуемого в простом предложении. Напр.: *Баран хаалымынабын* ‘Зря не ушел’.

Сложные аналитические личные конструкции делятся на конструкции с деепричастным и причастным составляющим с различными вспомогательными элементами в виде глаголов во вспомогательной функции, перифрастических глаголов, глаголов с модальным значением, модальных частиц, модальных

слов, а также имен. В таких конструкциях лицо деятеля эксплицировано в аффиксах сказуемости и принадлежности, прикрепляемых к одному из этих компонентов. В причастиях с аффиксом посессивности глагольное значение ослабляется, так как оно сочетается со значением предметности.

Именная категория сказуемости наряду с глагольной категорией сказуемости представляет собой морфологическое средство выражения категории персональности. Внутри данной категории выявляются изъявительная (настоящее неопределенное время, будущее время, прошедшее время) и субъективная модальность (эвиденциальная и уподобительная семантика).

Личные и лично-возвратные местоимения являются аналитическим средством выражения категории лица. В связи с тем, что в большинстве высказываний лицо эксплицировано аффиксами лица в глагольных формах, личные местоимения выступают как дополнительные средства выражения лица и употребляются факультативно. Но в случаях, если в предложении сказуемое не выражено финитной формой (именной, глагольной) или деепричастием с личным аффиксом, личное местоимение в якутском языке, так же как и в русском языке, служит аналитическим ядерным средством выражения категории лица. Нами определены 6 случаев обязательного с грамматической точки зрения употребления личных местоимений в подобных предложениях. Рассмотрены 5 случаев, когда присутствие в высказывании личных местоимений преследует разные стилистические цели при наличии тождественных личных форм глагола. Лично-возвратные местоимения имеют частные значения, реализуемые в контексте или в определенной речевой ситуации. Нами выявлены 5 из множества частных значений лично-возвратных местоимений при их употреблении в сочетании с личными формами глагола.

Глава III. ПЕРИФЕРИЙНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

§ 1. Формы принадлежности

К важнейшим периферийным средствам выражения персональности относятся морфологические средства. Морфологическими средствами, представляющими ближнюю периферию категории персональности в якутском языке, выступают формы принадлежности в трех лицах ед. и множ. ч.: 1-е л. ед. -*м*, 2-е л. ед. ч. -*н*, 3-е л. ед. ч. -*а, -та*; 1-е л. множ. ч. -*быт*, 2-е л. множ. ч. -*гыт*, 3-е л. множ. ч. -*лара.*

Категория принадлежности в якутском языке получила освещение в работах по грамматике якутского языка (Л.Н. Харитонов (1947), Е.И. Убрятова (1950), Грамматика современного якутского… (1982) и др.), стала объектом специального исследования в диссертационной работе Д.И. Чиркоевой (1998).

Главным значением грамматической категории принадлежности является значение реальной принадлежности. Однако, выражение реальной принадлежности не является единственным значением данной категории. Формы категории принадлежности выступают как морфологическое средство передачи самых разнообразных предметных связей. Помимо того, что притяжательные аффиксы выражают отнесенность предмета к какому-либо лицу, в якутском языке, как и в других тюркских языках, они могут указывать на соотнесенность, принадлежность какого-либо действия, состояния, факта к лицу. В качестве предмета в таких отношениях могут выступать вещи, явления, не обозначающие материальную, юридическую принадлежность. Таким образом, аффиксы принадлежности могут обозначать и относительную принадлежность.

При большей отвлеченности значений имени существительного, как указывает С.Н. Иванов, категория принадлежности «почти полностью

утрачивает связь с реальной семантикой принадлежности и выступает как показатель отношения к лицу» [Иванов, 1969: 101]: *кутталым* ‘мой страх’, *сэрэйиибит* ‘наше предположение’, *кырдьыга* ‘его правда’ и т.д. Например: *О, бу <u>сорбутун</u>!* (АА ТА III, 16) ‘О *несчастье наше*!’; – *<u>Сымыйаҥ</u>, ааспыкка эмиэ инньэ диэбитиҥ*! (О БДЭ, 173) ‘- *Ты лжешь*, в тот раз тоже так говорил!’ (букв. неправда+твоя).

Притяжательными аффиксами может маркироваться положение участников ситуации в пространстве относительно говорящего, слушающего или 3-го лица. Это могут быть слова, характеризующие пространственное расположение объектов, такие как пространственные послелоги. Ср. парадигму личных форм пространственного послелога от основы *илин* ‘перед’ (даются формы дательного падежа, но возможны и формы остальных падежей):

	Ед. ч.	Множ. ч.
1-е л.	*иннибэр* ‘передо мной’	*иннибитигэр* ‘перед нами’
2-е л.	*иннигэр* ‘перед тобой’	*иннигитигэр* ‘перед вами’
3-е л.	*иннитигэр* ‘перед ним’	*иннилэригэр*‘ перед ними’

В неглагольных предложениях посредством притяжательного оформления послелога выражается принадлежность действия или события к какому-либо из трех лиц. Например, в сложном предложении: *Ол эрэн тыаттан саҥа киирдэххит, барыта – <u>иннигитигэр</u>* (ЕН ЭК уо Дь, 53) ‘Но вы недавно переехали из улуса, *у вас* все *впереди’* зависимая часть не имеет грамматически выраженного глагольного лица и личного местоимения, но из-за наличия в составе послелога притяжательного аффикса 2-го лица множ. числа -*гит* идентифицируется отношение предстоящего события, факта к адресату – 2-му лицу множ. числа.

Притяжательные аффиксы, прикрепленные к именам существительным, устанавливают субъект действия, если глагол стоит в повелительном наклонении 2-го лица ед. числа, который имеет нулевой аффикс, т.е. выражен основой глагола: *<u>Куоскам</u> сүтэн хаалбытын <u>көрдөө да көрдөө</u>*! (ДС, ААА, 71) ‘То, что *мой кот* пропал, *ищи* и *ищи*!’; *Дьэ, били туурбут тиистэрин оннун,*

хаалан хаалбыт хайаҕаспын хаһан тигэллэрин күүтэн кэкэйэн олор (О БДЭ, 155) ʻИтак, *сиди жди*, напряженно выпрямив шею, когда наложат шов на ту самую *щель+мою*, образовавшуюся после удаления зуба’. Например, в этих предложениях с помощью притяжательного аффикса 1-го лица ед. ч. *–м* прикрепленного к существительным *куоска* ʻкот’, *хайаҕас* ʻщель’, узнаем субъекта действия – говорящего, выраженного основой глагола *көрдөө* ʻискать’ и *күүтэн олор* ʻсиди жди’.

Употребление имен прилагательных с аффиксами принадлежности в безличных предложениях с частицами *баар, бэрт* выражает модальность, сопровождаемую эмоциями удивления, изумления, негодования, возмущения и т.д. относительно лица, выделенного аффиксом принадлежности: *Умнуганым да баара*! (ПТ ЧКК, 94) ʻКакой же *я забывчивый*!’ (букв. *Забывчивый+мой* есть!); *Акаарыҥ сүрүкэтин ньии, Сүөкүлээ*!..(АА СК, 351) ʻКак же *ты* чудовищно *глупа*, Фекла!’ (букв. *Глупасть+твоя* чудовищна). В подобных предложениях таким способом замещается именное сказуемое (ср. *Умнуганым да баара = Hahaa да умнугаммын*! ʻКакой же *я* забывчивый!’).

Аффиксы принадлежности могут служить в качестве показателя субъекта действия или состояния в субстантивах: субстантивированных причастиях и именах действия, “выражающих “опредмеченные” действия, т. е. действия, представленные как предмет” [Гузев, 1987: 75], которые сохраняют при этом свою глагольную природу. Широкое использование форм категории принадлежности в тюркской речи, по мнению исследователей, следует объяснить тем, что “мышление людей, говорящих на тюркских языках, истолковывает или представляет многие объективные явления как предмет” [Гузев, 1987: 76].

Субстантивированные причастия с притяжательными аффиксами представляют опредмеченные действия-состояния, принадлежащие лицу, определенному посессивным аффиксом: *Билэрим диэн – инним хоту барыы* ʻ*То, что я знаю* – идти прямо’ (букв. *Знающий+мой* – идти прямо); *Үөрэтэллэрэ билигин да элбэх* ʻ*У них* материала для изучения все еще достаточно’(букв.

Изучающий+их все еще достаточно); *Билбэтэҕэ-көрбөтөҕө диэн суох* ‘Нет *того, чего он не* знает’ (букв. *Не знавшего-не видевшего+его* нет). *Кэппитэ – сэлээппэтэ, туппута – торуоската* ‘*То, что он носит* – шляпа, *то, что держит* – трость’ (букв. *Надевший+его* – шляпа, *держащий+его* – трость).

При отглагольных именах, определяющих действие как процесс, персональность выражается по типу субстантивных причастий – к отглагольному имени прикрепляется притяжательный аффикс, определяя лицо носителя процесса: *Урут муус барарын көрбүтүҥ дуо? – Денис куолаһа кэннибиттэн иһиллибитэ. – Суох, бу маҥнайгы көрүүм* (ДС ААА, 15) ‘Раньше видела ледоход? – спросил Денис. – Нет, это *мое* первое *увидение*’ (= я впервые увидела); *Ити Наташа Андрей ийэтиниин аан бастакы кэпсэтиилэрэ этэ* (О БДЭ, 210) ‘Это был первый *разговор+их* Наташи и матери Андрея’ (=они впервые поговорили); *Оскуола оҕолоро тугу эрэ көрдөөн, былыр үйэҕэ бараттаан хаалбыт бэтэрээннэр хаартыскаларын эҥин ирдэһиилэригэр син биир Биэрэҕэ кэлбиттэрэ эрэ баар буолар* (О БДЭ, 254) ‘Школьники всегда приходят к Вере, при поиске чего-либо, например, при *их разыскивании* фотографий давно умерших ветеранов’ (=когда они разыскивают).

В причастных атрибутивных конструкциях лицо исполнителя действия может быть выражено аффиксами принадлежности при определяемом. Такие конструкции получили название «причастный изафет», они употребляются, «когда определение выражено целым предложением с самостоятельным подлежащим» [Убрятова, 2006: 49]. Здесь посессивный аффикс определяет лицо действующего субъекта при определяемом и прикрепляется к существительному. Подлежащее такого предложения-определения, наличное или подразумеваемое, не принадлежит определяемому: *Арай, буспут эт куһуоччугун үрдүгэр ханнык эрэ, урут көрбөтөх үүнээйим сэбирдэҕэ сытар* (Ч, №3, 2013, 43) ‘На кусочке вареного мяса лежит лист какого-то *растения, которое я ранее не видел*’ (букв. не увидевший растение+мое). Эта способность причастного оборота с аффиксом принадлежности выражать лицо исполнителя действия зависимым придаточным предложением была отмечена еще О.Н.

Бетлингком (1990). Она рассматривается также в работах других исследователей – Е.И. Убрятовой (1976), Н.И. Поповой (1992), Д.И. Чиркоевой (1998) – при описании синтаксических особенностей употребления причастий с аффиксом принадлежности.

Определительные конструкции могут быть сформированы причастиями на *-ар/-ыыр, -бат, -быт, -батах, -ыах*. Как отмечает Н. И. Попова, «причастные определительные конструкции представляют весьма разветвленную систему, в пределах которой они различаются по двум основным критериям: а) по значению опрелеляемого в его отношении к причастному определению и б) по внутренней структуре причастной конструкции» [Попова, 1992: 7].

Определяемое может быть словом, обозначающим объект действия, место действия и словом, обозначающим время действия. Например: *Биирдэ дьиэҕэ Андрей икки оҕото бэйэлэрэ олордохторуна, билбэт дьахтардара төлөпүөннээбитэ* (О БДЭ, 210) ‘Однажды, когда двое детей Андрея сидели дома одни, позвонила *незнакомая им женщина*’ (=женщина, которую они не знают) (объект действия); *Чэ, ити быһаарбат дьыалам* (ТИН ДьХУИ, 56) ‘Ну, это *дело*, которое *я не решаю’* (букв. это не решающее дело+мое) (объект действия); *Дьиэбит бөһүөлэк кытыытыгар турар буолан лыахтыыр хонуубут көстөн турар* (Ч, №3, 2013, 18) ‘Наш дом находится на окраине поселка, поэтому *то поле, где мы ловим бабочек*, видно’ (букв. бабочки ловящий поле+наше видно) (место действия); *Олохсутардыы бырахпыт сирдэрэ хайа тэллэҕэ туох да тутуута-хаххата суох аһаҕас сир этэ* (Ч, №4, 2013, 53) ‘*Место*, где *оставили* обосновываться, оказалось подножием горы, открытым местом без какого-либо укрытия’ (букв. оставивший место+их) (место действия); *Онон бүгүн киниэхэ үлэтин түмүгүн көрөр күнэ* (Ч, №1, 27) ‘Таким образом, для него сегодня *тот день, когда он увидит* результат своей работы’ (букв. видящий день+его результат работы) (время действия).

Некоторые такие причастные конструкции с переходными глаголами в современном якутском языке могут иметь пассивную семантику, т.к. “агенс в

них указывается притяжательной формой имени, которое обозначает актант-объект действия” [Данилова 2014, Рукопись]: *Тэпсибит буорум* ‘Вытоптанная мною земля’; *Көрбүт киинэм* ‘Увиденное мною кино’; *Астаабыт аһым* ‘Приготовленная мною еда’ и т.д.. А атрибутивные обороты, показывающие время и место совершения действия, не могут иметь пассивную семантику. Таким образом, семантико-синтаксические свойства глагольной основы обуславливают разнообразие возможных типов определяемых при причастном определении.

§ 2. Лексико-морфологические средства выражения персональности

К числу лексико-морфологических средств выражения семантики отношения к лицу, представляющих ближнюю периферию, относятся личные местоимения и имена существительные в косвенных падежах, выступающие в роли дополнений со значением объекта-субъекта. К периферии данного поля мы их относим на том основании, что они находятся вне позиции соотношения субъекта-подлежащего и предиката, т.е. являются элементами II ранга, хотя и имеют семантику логического субъекта: *Түөһэ холку, төбөтө сырдык, туох да кыһалҕа суох, киниэхэ барыта үчүгэй* (АА СК, 69) ‘В груди свободно, голова ясна, нет никаких проблем, *у него* все хорошо!’; *Миэхэ оннук өй киирбэтэҕэ* (Ч, №2, 2013, 14) ‘*Мне* в голову не пришла такая мысль’ (=Ол туһунан *толкуйдаабатаҕым* ‘Об этом *я не подумал*’); *Киниэхэ да киэҥ көҕүс кыараата* (СФ СС, 65) ‘В конце концов и *у него* лопнуло терпение’; *Урукку курдук бүгүн күн-дьыл хайдаҕый диэн халлаан уларыйыытын кэтиир миэхэ төрүт да наадата суох буолбута* (ДС ААА, 42) ‘*Мне* не понадобилось следить за погодой, как это бывало прежде’; ... *сүппүт сыһыаны төнүннэрэ сатыыр киниэхэ, урут наар ачаа аатырбыт эдэр дьахтарга, олус уустуга* (О БДЭ, 227) ‘*Ей*, раньше всегда избалованной молодой женщине, было трудно пытаться восстановить прежние отношения’; *Төһөтүн да иһин Валяҕа олус ыар*а (О БДЭ, 227) ‘Сколько бы то ни было, *Вале* было очень трудно’.

О таких предложениях А.А. Потебня писал: “Сказуемое означает здесь явление психологическое или физиологическое, происходящее в том, что означено дательным. Дательный здесь не *dativus commodi*, но среда действия, не безучастия к самому действию. Он синонимичен с именительным подлежащего: неможется мне = (я) не могу ся” [Потебня, 1968: 336]. В таких предложениях целостная актуализация высказывания происходит за счет непредикативного субъекта в косвенно-падежной форме, выраженного личным местоимением. Этот член предложения имеет субъектную семантику, так как выражает лицо, испытывающее состояние, названное в предикате, но в тоже время объектную форму (дательный падеж, зависимый от предиката).

Такие безличные предложения, где имя прилагательное, определяющее качество, употребляется в функции сказуемого, в якутском языке с точки зрения нормативности довольно типичны: *Миэхэ кытаанах (үчүгэй, ыарахан, эрэйдээх, сонумар* и т.д.) ‘*Мне* тяжело (хорошо, мучительно, неожиданно и т.д.)’. Но они используются только в тех случаях, когда посредством отсутствия предиката и замены именительного падежа дательным, вводится специфический «модусный смысл» [Белошапкова, Шмелева, 1985: 37], который представляет собой оценку ситуаций, не зависящих от усилий и воли субъекта. Такое употребление характерно в речи для обозначения физического и психического состояния человека, живых существ.

Признавая в подобных предложениях денотативно-понятийную субъектность, А.В. Бондарко подчеркивает, что “она сопряжена с интерпретационным элементом объектности, связанной со всей безличной конструкцией, включающей косвенное дополнение. Денотативно-понятийный субъект получает в данной конструкции объектную интерпретацию: обозначение безличного компонента предиката состояния соотносится с обозначением “того, кого оно касается” [Бондарко, 1991 а: 38].

В якутском языке лично-возвратное местоимение может иметь такую же функцию, как личное местоимение в косвенном падеже – денотативно-понятийную. Эти местоимения в косвенном падеже также выступают в роли

дополнений со значением объекта-субъекта: *Бэйэни дьиэлээх курдук сананар бэрт да эбит!* (НЛ К, 11) ʻКак хорошо, оказывается, почувствовать *себя* имеющим свой дом!ʼ

К лексико-морфологическим средствам выражения персональности также относятся лексические единицы с притяжательными аффиксами, которые в речи приобретают персональное значение и указывают на говорящего или на того, кто не участвует в речи. Они по своей семантике обычно имеют экспрессивную окраску.

Употребление в разговорной речи указательных местоимений *бу* ʻэтоʼ, *ити* ʻэтотʼ, *ол* ʻтотʼ, собственных имен и терминов родства, лексемы *киһи* ʻчеловекʼ и имени числительного *биир* ʻодинʼ с посессивными аффиксами замещает 3-е лицо, т.е. того, кто не участвует в речевом акте. В этом применении посессивные аффиксы выражают не принадлежность предмета или какого-либо лица к тому или иному лицу, а само лицо и имеют модальное значение. Модальность может быть положительного или негативного характера: *Буобукканы бутуйдахха? Итинтиҥ өс киирбэх* (В ӨТК, 135) ʻЕсли впутать Вовку? *Тот* ведь наивныйʼ (букв. Тот+твой наивный); *Көр эрэ, маладьыаһыҥ баара, провокацияҕа киирэн биэрбэтэ* (УО А, 39) ʻСмотри, какой *он молодец*, на провокацию не поддался!ʼ (букв. молодец+твой); *Көр, онтуларыҥ тахсааты кытта үүнэн турар маска илии суунары ыйаан тэйгэппиттэр* (О БДЭ, 258) ʻСмотри, *они* повесили рукомойник к дереву, растущему у выходаʼ (букв. те+твои); *Мантыбыт, сүрэҕэ суоҕун аһан, сымыйаччы ааттааҕа* (О БДЭ, 264) ʻ*Этот то наш*, сверх того, что лентяй, еще и большой лжецʼ; *Киһиҥ ааҕар эрэ үһү дуо, барытын бэлиэтэнэр* (В ӨТК, 47). *'Человек+твой* не только читает, но и делает заметкиʼ (=он не только читает); *Ол киһиҥ, ыраас харчынан олордон ылар буолан, биир күн байар, иккиһигэр дьадайар ааттаах* (О БДЭ, 264) ʻТот *человек+твой*, берет наличными, поэтому в один день богатеет, на другой день скудеетʼ (=он берет наличными); *Киһилэрэ суох да суох* (Ч, №1, 2013, 18) ʻА *человека их* нет и нетʼ (=его нет и нет); *Биирбит да баара, барытыгар сөп түбэһэн иһэн* (О БДЭ, 141) ʻА *одна+наша*

тоже, соглашается на все’ (=*она* ведь соглашается на все); *Ону* <u>*биирдэрэ*</u> *биэрбэтэх, харыһыйбыт аатырара иһиллэр* (О БДЭ, 254) ‘А *та* не отдала, поберегла называется’ (букв. *одна+их* не отдала)

В зависимости от контекста некоторые имена с притяжательными аффиксами могут соотноситься с 1-м лицом: <u>*Ийэҥ*</u> *билигин ас астыа*. ‘Твоя мать сейчас приготовит еду’ (=я приготовлю еду); – *Нокоо,* <u>*эдьиийиҥ*</u> *«отличник» буолла. Знакпын бэҕэһээ туттардылар* (КК, 168) ‘Эй, парень, *сестра твоя* стала «отличником». Знак мне вчера вручили (=я стала «отличником»)’; *Үөһэттэн охтон түҥкүнээтим. Түөһэйтим баараа: ол иһэн төлкөбүн дьүүллэнним бу* <u>*киһиҥ*</u>! (ПТ ХП 231) ‘Я сверху с шумом полетел! Но не выжил же я из ума: тут же сообразил как спастись. Вот *я* какой!’ (букв. сообразил как спастись этот *человек+твой* (т.е. я)). В подобных предложениях большое значение имеет контекст и ситуация речи. Говорящий самоустраняется по причине снисходительного отношения к адресату или объективирования своих действий.

Вопросительные местоимения с посессивными аффиксами, например, *киммит* в значении ‘кто-то’ (букв. кто из нас), *хайалара* в значении ‘кто-то’ (букв. который из них) и вопросительное местоимения *хайа* в сочетании с модальным словом *бэйэлээх* с аффиксом принадлежности могут указать на неопределенное лицо: *Ити* <u>*хайалара*</u> *буоллаҕай, тоҕо айах атан кэпсэппэтэ, саатар хайыһан да көрбөтө*? (КК, 19) ‘Это *кто же такая*, почему не заговорила со мной, даже не оглянулась?’; – *Хайаа, бу* <u>*хайа бэйэлээхпит*</u> *кэлэн мас хайытан күн-ый буолла* (КК, 170) ‘ – А это *кто же такой* порадовал нас, расколол дрова’.

Причастия в субстантивированном употреблении также могут заменять референта со значением 3-е лица: <u>*Кырбаммытым*</u> *эрэйдээх ханна эрэ хараҕа эрэ кылаҥныыр, миэхэ чугаһаан итини-маны ылан биэрэ сатыыр* (О БДЭ, 156) ‘Бедная *избитая моя* только сверкает глазами, приближаясь ко мне, подает мне какие-либо вещи’.

Указательные местоимения *бу* ‘это’, *ол* ‘тот’, *ити* ‘этот’, принимая аффикс множественности, могут замещать местоимения 3-го лица множ. числа *кинилэр* ‘они’, имея при этом оттенок пренебрежительности, просторечности: *Балар биһигинниин барсыбаттар* ‘*Эти* (они) с нами не идут’; *Олорго этэн да диэн* ‘*Тем* (им) зря сказала’; *Олор хайдах олороллоруй?* ‘*Те* (они) как живут?’

Такое употребление посессивных имен и указательных местоимений во множественном числе дает «аспективизированное представление актанта ситуации» [Селиверстова, 2004: 414] и может использоваться в случаях: а) когда речь идет о событии, так или иначе связанном с ситуацией беседы; б) если говорится о человеке, о котором уже было упомянуто, и слушатель (читатель) уже осведомлен об этом человеке.

§ 3. Лексические средства выражения персональности

К лексическим средствам выражения персональности, представляющим ближайшую периферию или, промежуточную область между центром и периферией, относятся имена существительные, обозначающие человека (лицо), активного субъекта-деятеля. Они указывают только на 3-е лицо, которое не является активным участником ситуации речи и противопоставляются 1-му и 2-му лицам, и, таким образом, их семантика имеет периферийные свойства.

Современный якутский язык располагает богатым набором грамматических и лексико-грамматических средств выражения категории лица в именах существительных, которые входят в особую группу личных существительных (по В.В. Виноградову – в субстантивной “категории”, в значении “класс” [Виноградов, 1972: 79-80]). В первую очередь, к ним относятся собственные имена существительные, которые представляют собой индивидуальное наименование отдельного лица. Сюда входят антропонимы – личные имена, отчества, фамилии, псевдонимы и прозвища людей, клички животных. Кроме вышеназванных имен существительных, это имена

существительные, обозначающие персону, человека: термины родства (*убай* ‘старший брат’, *аҕас* ‘старшая сестра’, *ийэ* ‘мать’, *күтүөт* ‘зять’ и т.д.), субстантивированные имена прилагательные, обозначающие носителя качества (*дьүлэй* ‘глухой’, *дьадаҥы* ‘бедняк’, *уус* ‘кузнец’, *өйдөөх* ‘умный’, *дьоллоох* ‘счастливый’ и т.д.), имена, образованные от существительных с помощью аффикса *-һыт* (*-сыт, -чыт, -дьыт, -ньыт*) (*балыксыт* ‘рыбак’, *ыанньыксыт* ‘доярка’, *айанньыт* ‘путешественник’, *сонордьут* ‘следопыт’, *ууһут* ‘пловец’ и т.д.), имена, образованные от глагола с помощью аффикса *-ааччы* (*суруйааччы* ‘писатель’, *үөрэнээччи* ‘ученик’, *буруйданааччы* ‘обвиняемый’, *салайааччы* ‘руководитель’ и т.д.), обозначающие имя деятеля, причастия в субстантивированном употреблении, выступающие в качестве субъекта действия в форме действительного залога: *Сылдьыбыт сыыһы булар, көрдөөбүт көмүһү булар* ‘*Ходивший* соринку находит, *поискавший* находит золото’.

Имена существительные, также как местоимения, могут выступать средством отнесения предиката к определенному грамматическому лицу, в данном случае к 3-му лицу, если в предложении отсутствует морфологически выраженный показатель лица, например: а) при составном сказуемом, выраженном отглагольным именем действия: *Өлөөнчүк кыыһа баҕа хоту, дуоспуруннаах быһыытын ыһыктыбакка этэҥҥэ үөрэҕин түмүктээн, дьиэтигэр айаннаан иһэрин истэн үөрүү бөҕө* (О БДЭ, 32) ‘*Еленчик*, услышав, что ее дочь, имея серьезный характер, хорошо завершив учебу, едет домой, очень обрадовалась’ (букв. Еленчик большая радость); б) при составном сказуемом, выраженном деепричастием на *-ан* в сочетании с частицей *бэрт* ‘очень’, передающей значение категорического отказа, нежелания совершения действия: *Саргылаана атаҕастатан бэрт* (ХС 1973, №3, 114) ‘*Саргылана* не позволит себя обидеть’.

К лексическим способам выражения неопределеннoличности в якутском языке являются:

1. Различные сочетания, специально образуемые для выражения данного значения. К таковым относятся: 1) вопросительное местоимение+частица *эрэ* с лексемой *киһи* ʻчеловекʼ: *ханнык эрэ киһи* ʻкакой-то человекʼ, *хайа эрэ киһи* ʻкакой-то человекʼ; 2) количественное числительное *биир* ʻодинʼ+лексема *киһи* ʻчеловекʼ: *биир киһи* ʻодин (незнакомый) человек, некий человекʼ;

2. Неопределенные местоимения, указывающие на неопределенность, невыясненность, неизвестность лиц: *ким эрэ* ʻкто-тоʼ, ʻкое-ктоʼ, ʻнектоʼ, *ким эмэ* ʻкто-нибудьʼ, *кимнээх эрэ* ʻнекоторыеʼ, *кимнээх эмэ* ʻкое-ктоʼ, *сорох* ʻнекоторыйʼ, *сорохтор* ʻнекоторыеʼ: − *Ким эрэ кэллэ,* − *мин трубканы кулгаахпар таҕайбытынан, аан диэки барбытым* (ДС ААА, 21) *ʻКто-то* пришел, - я, приложа трубку к уху, направилась к двериʼ;

Обобщение субъекта действия может выражаться с помощью лексических средств в сочетании с глагольной формой 3-го лица ед. ч. Специальными лексическими средствами выражения комбинации значений “обобщенность+личность” являются:

1. Обобщительные местоимения, указывающие на лицо как на обобщенного представителя вообще людей. Они образуются от «вопросительных местоимений при помощи постпозитивных частиц или путем потери вопросительной интонации» [Грамматика современного якутского литературного языка, 1982: 206]: *ким баҕарар* ʻлюбой, кто угодно, каждыйʼ, *ким барыта* ʻкаждый, всякий, любойʼ, *хас биирдии киһи* ʻкаждый человекʼ, *ханнык баҕарар киһи* ʻлюбой (человек)ʼ: *Кэнэҕэски курууттун биллибэт, онон кинини ким баҕарар дьиксинэ, сэрэхэдийэ кэтэһэр* (НЛ М, 135) ʻБудущее неопределенно, поэтому его *кто угодно* ждет с опаскойʼ;

2. Обобщительно-отрицательные местоимения при положительной форме глагола могут выступать при обозначении обобщенного субъекта. К ним относятся местоимения, образованные от вопросительных местоимений и частиц *да, даҕаны*: *ким да* ʻвсяк, любой человек, кто угодноʼ, *ханнык да (киһи)* ʻвсякий, любой, какой угодноʼ, *хайа да (киһи)* ʻлюбой, всякийʼ: *Ким да кэллин,*

киллэриҥ ‘Впустите его, *кто бы* ни пришел’; *Ханнык да киһи буоллун* ‘Кого угодно’;

3. Собирательные существительные, обладающие обобщенной семантикой: *оҕо аймах* ‘дети’, *ыччат* ‘молодежь’, *студент аймах* ‘студенчество’ и т.д.

Кроме этой лексической группы имен существительных, в якутском языке встречаются лексемы, относящиеся к собственно периферийным лексическим средствам персональности, которые в зависимости от контекста предложения имеют свойство наполняться содержанием семантики персональности. Их мы относим к периферийным лексическим средствам в силу того, что они персональное значение получают только в переносном употреблении. К таким словам можно отнести языковую единицу *киһи* ‘человек’ и в разговорной речи лексему *сорох* ‘некоторый, иной’. В зависимости от контекста предложения «возможна реализация обсуждаемым именем местоименной функции» [Ефремов, 1998: 21]: *Киһи сонуну биэрэр, оттон суруналыыстар тиэрэ суруйан таһааралар, − диир кини* (Кыым) ‘*Человек* (я) передает новости, а журналисты пишут совсем другое, − говорит он’; *Дьэ ити, киһи этэрин истибэтэҕиҥ* (КК, 98) ‘Ну вот, не слушался того, о чем *человек (я)* говорил’; *– Гитлер, хара ыт, бэрин! Өссө киһини чиччигинэн үөхпүт буола-буола* (Ч, №5, 2013, 10) ‘– Гитлер, собака, сдавайся! Еще *человека (меня)* бранит выродком’; *Тоҕо сүрүкэтэй, улаханай, сорох киһи уон солкуобайы сүүйтэрдэхпинэ хараҕым уута мөлбөрүс гына туһэр* (КК, 88) ‘Так внушительно, много, а если *я* (букв. некоторый человек) проигрываю даже десять рублей, то у меня слезы наворачиваются’; *Харчылара дэлэйэ бэрт буоллаҕа дуу. Сороххо уһун солкуобай өрүү күндү* (УО А, 81) ‘Денег у них, наверное, много. А *некоторому* (т.е. мне) деньги всегда в почете’. Говорящий замещает лексемами *киһи* ‘человек’ и *сорох* ‘некоторый, иной’ личное местоимение 1-го лица *мин* ‘я’ исключительно для создания добавочной экспрессии. Причиной такого самоустранения может стать особая форма языкового поведения говорящего, которая преследует цель повышения

значительности, важности сообщаемого и его автора. Говорящий представляет себя объектом мысли или речи, называя при этом такой объект не естественным *мин 'я'*, а лексемой *киһи* ʻчеловекʼ или *сорох* ʻнекоторыйʼ. Рассматриваемый вариант может квалифицироваться как “выражение промежуточной отстраненно-адресантной экспресивной ситуации” [Химик, 1990: 114].

Вопросительное местоимение *ким* ʻктоʼ также может заменять говорящего, если из контекста понятно, что речь не идет о третьем лице, а действие может относиться к 1-му лицу: *Ким эйиэхэ итинник диир*? ʻ*Кто* тебе такого говорил?ʼ (=Я тебе такого не говорила). Интересно, что вместо местоимения *кини* ʻонʼ в якутском языке редко может использоваться указательное местомение *ол* ʻтотʼ в значении *он*: *Итэҕэли кэспит киһи – буруйдаах ол* (СД СТТ, 137) ʻЧеловек, нарушивший доверие – виноватый *он*ʼ.

Указательные местоимения и наречия места, образованные от указательных местоимений, тоже можно отнести к периферийным лексическим средствам выражения персональности. Дж. Лайонз, говоря об английских указательных местоимениях типа *this* ʻэтот, эта, этоʼ, *that* ʻтот, та, тоʼ, пишет, что их следует отличать друг от друга с помощью категории «близости», которая в свою очередь «… фактически определяется через категорию лица. (…) Как *this* ʻэтот, эта, этоʼ, так и *here* ʻздесьʼ должны интерпретироваться таким образом, чтобы им приписывался признак «ближайший» по отношению к говорящему» [Лайонз, 1978: 294-295]. В якутском языке указательные местоимения *бу* ʻэтот, эта, этоʼ, *ити* ʻвон этот, вон этоʼ, *ол* ʻтот, та, тоʼ характеризуются как обозначающие «предмет как находящийся на определенном расстоянии от говорящего. Обязательное свойство указательных местоимений – указание, ориентированное от говорящего» [Данилова, 1991: 6]. При дейктическом указании данными местоимениями обозначается степень отдаленности объекта высказывания. Таким образом, *бу* ʻэтот, эта, этоʼ и *манна* ʻздесьʼ – производное от *бу* ʻэтоʼ путем склонения в местном и дательном падежах наречие места, могут являться «указательным местоимением 1-го лица» или “наречием 1-го лица», так как показывает близость к говорящему, а

двое других соответственно могут быть «указательными местоимениями 2-го и 3-го лиц» или «наречиями 2-го и 3-го лиц»: *ити* ʻэтот, тотʼ, *итиннэ* «там» показывает близость к слушающему, а *ол* ʻтот, та, тоʼ, онно «вон там» выражает удаленность от говорящего, так и слушающего. Например, в предложении: *Манна, уот кытыытыгар, үчүгэй да эбит* (АА А, 185) *Здесь*, у костра, как хорошо, оказывается» определяется окружающая среда, пространство, где находится говорящий.

В вышеупомянутых лексемах мы рассмотрели собственно периферийные лексические средства выражения определенноличности. Представляется необходимым также охарактеризовать периферийные лексические средства выражения неопределенноличности и обобщенноличности, так как они входят в круг обсуждаемой функционально-семантической категории персональности.

Некоторые лексемы с субстантивно-прономинальной семантикой могут приобрести обобщительное значение и функционировать при обозначении обобщенного субъекта:

1. Лексема *киһи* ʻчеловекʼ в значении ʻчеловек вообщеʼ (общее, собирательное значение): *Түҥ балай хараҥаҕа киһи киирдэҕинэ, тоҕо эрэ харабын быһа симэр идэлээх* (ДС ААА, 41) ʻКогда *человек* входит в темное пространство, то почему-то обычно зажмуривает глазаʼ; *Киһи баҕа санаатын ситиһээри олох олорор* (ТУо, 07.11. 2009) ʻ*Человек* живет, чтобы осуществить свои стремленияʼ. Лексема *киһи* ʻчеловекʼ также может употребляться в обобщенно-личном значении с включением говорящего, так как говорящий может манифестировать личную причастность к генерализованному субъекту абстрактного действия: *Сэргээй, олох төһө даҕаны итиинэн-тымныынан хаарыйдар, киһи кэһэйбэт эбит* (СД СТТ,129) ʻСергей, оказывается, несмотря на то что жизнь испытывает человека, *человек* все равно не получает урокʼ.

2. Вопросительное местоимение *ким* ʻктоʼ в случае употребления без вопроса тоже может соотносить действие с обобщенным лицом: *Ким үлэлиир, ол аһыыр* ʻ*Кто* работает, тот естʼ.

3. Исчисляемые имена существительные в форме ед. числа, которые в некоторых случаях в контексте приобретают “собирательно-обобщенное значение и обозначают предмет как совокупное единство, как целый класс и род предметов” [Грамматика современного якутского …, 1982: 127], такие как: *булчут* ‘охотник’, *атыыһыт* ‘торговец’, *ааҕааччы* ‘читатель’, *истээччи* ‘слушатель’ и т.д.: *Атыыһыт* хаһан даҕаны дьон санаатын табар, кинини көмүскэһэр туһунан санаабат, кини санаата барыс эрэ (Ч, №1, 2013, 12) ‘*Торговец никогда не думает о том, чтобы угодить людям, действовать в их интересах, его мысли только о прибыли*’; *Ааҕааччы санаата оннук* ‘Таково мнение *читателя*’.

Периферийными лексическими средствами выражения неопределенноличности в зависимости от контекста могут быть:

1. Субстантивированные причастия на *-ар, -бат, -ааччы*: *Бааһырдахтарына, билиэҥҥэ түбэспэттии, төгүрүйэн кэлбиттэри бэйэлэрин кытары дэлби тэптэрэллэрэ* (Ч, № 4, 53) ‘Если получали ранение, чтобы не попасть в плен, *окруживших* самих взрывали вместе с собой’; – *Оннук-оннук, кинилэрэ да суох ыстарааптааччы дэлэй этэ* (ЛМ А, 105) ‘−Да-да, и без них *штрафующих* много’; *...тыа сиригэр баҕас кирэдьиит эҥин ылан, бэйэ туспа эргиэнин эргитиэххэ, бизнес бэрдин бэрийиэххэ сөп диэн өй угааччы үгүс* (О БДЭ, 253) ‘... *советующих* много на счет того, что в сельской местности можно заняться бизнесом, оформив, например, кредит’.

2. Вопросительное местоимение *ким* ‘кто’ в редупликативном виде: *Ким хахыйах, ким эрэбиинэ олордуммута, үһүс иирэни сөбүлээбитэ* (О БДЭ, 257) ‘*Кто* березку, *кто* рябину посадил, третьему ива понравилась’.

К периферии функционально-семантического поля категории персональности мы относим эти лексемы в силу того, что они не имеют конкретного персонального дейксиса, какое имеют личные местоимения. Эти лексемы, в зависимости о контекста предложения, наполняясь различным лексико-грамматическим содержанием,употребляются в переносном значении.

Значение субъекта: говорящего, адресата и 3-го лица, обобщенного и неопределенного лица – здесь всегда определяется исходя из ситуации речи.

§ 4. Синтаксические средства выражения персональности

Персональность может быть выражена и имплицитно. Определенная актуализация высказывания без опоры на грамматические средства выражения персональности связана с особой ролью некоторых синтаксических структур, предполагающих позицию субъекта, которая может быть замещена только личным местоимением 1-го лица. Некоторые конструкции предполагают отнесенность высказывания к адресату, а также к обобщенному или неопределенному лицу, которая выявляется в большинстве случаев из контекста.

К синтаксическим средствам выражения персональности относятся различные конструкции без граммемы лица. Понятие персональности в таких предложениях передается различными безличными конструкциями, страдательным залогом, инфинитивом, контекстуально-интонационными средствами.

Исследователи тюркских языков отмечают наличие безличных форм желательного наклонения, где, несмотря на отсутствие указания на субъект, выражается желание говорящего [Неустроев, 1972: 20-21]. В число таких средств мы включаем безличные конструкции, передающие мечту или желание говорящего без грамматического уточнения лица, к которому они относятся. Как заметил А.А. Юлдашев, «хотя в этом случае и не видно обычной связи желаемого действия с действующим лицом, действие, тем не менее, всегда относится к говорящему лицу» [Юлдашев: 1965: 213]. В якутском языке к таким безличным предложениям относятся предложения, сказуемое которых выражено сочетанием причастия на *-быт* с лексемой *киһи* ʻчеловекʼ, которая в этих случаях употребляется как модальная частица. Это сочетание образует составное сказуемое с безличным значением и соотносится с говорящим, т.е.

выражает желание, исходящее от 1 л. ед. ч.: *ылбыт киһи* ‘взять бы (мне)’, *утуйбут киһи* ‘поспать бы (мне)’, *көрбүт киһи* ‘увидеть бы (мне)’: *Түргэнник тиийэ охсубут киһи-и…Аҕаа, өссө төһө уһуннук айанныырбыт хаалла?* (ДС ВДьУ, 188) ‘Поскорей *бы дойти (нам)*… Папа, сколько нам еще ехать?’; *Инньэ да гынан көрбүт киһи* (Ч, №4, 51) ‘Можно и *попытаться сделать* так’. Также к таким предложениям относятся безличные предложения, сказуемое которых выражено сочетанием имени обладания на *-лаах* с частицей *киһи* ‘человек’: *О, хайыһардаах киһи*! (АА А, 77) ‘О, *иметь бы (мне) лыжи*!’ (досл. О, лыжи+имеющий человек!). Имя обладания на *-лаах* обозначает то, чего желает говорящий. Такое же значение страстного желания совершить то или иное действие может обозначать употребление в речи данной безличной конструкции с именем наличия *баар* ‘есть’ и частицей *ини*: *Кинилэр олохторун олохтоммут киһи баар ини* (СД МЭК, 123) ‘Жить *бы* (мне) их жизнью!’.

Причастия без личного оформления в отрицательной форме или с частицей отрицания *суох* ‘нет’ обозначают действие, состояние, которое обычно относится именно к 1-му лицу ед. ч.: - *Эчи, үчүгэйин, эттээх дьиэ бэрэскитин сиэбэтэх ыраатта* (Ч, №4, 2013, 31)‘ − Как хорошо, давно (*я) не ела* домашние пирожки с мясом (букв. Давно не евший)’; *Онно сылдьыбатах ыраатта* ‘Давно туда (я) не ходил’ (букв. Давно туда не ходивший). При таких предложениях отрицательная семантика обязательна: *Таптал? Оттон баар ини. Ол туһунан эчи санаабыт да суох* (Н ККК, 25) ‘Любовь? Наверное, существует. Об этом и *не думается* (=не думаю)’ (букв. Об этом *думающего нет*). В данном предложении в форме причастия подразумевается состояние говорящего лица, т.к. из контекста ясно, что перед нами диалог, где говорящий отвечает на вопрос адресата.

Персональность часто выражается в форме страдательного залога, связанной с устранением указания на семантическое лицо деятеля. Актант – объект действия, формально выступает как подлежащее, «а маркированная пассивная глагольная форма свидетельствует о том, что в ситуации

присутствует немаркированный агенс, под воздействием которого производится действие» [Данилова, 2014. Рукопись].

Пассивные конструкции – один из наиболее частных способов выражения: а) неопределенноличности: *Араас анекдоттар да кэпсэнэн көрөллөр* (Д ХУТ, 80) ‘*Рассказываются* и разные анекдоты’ (=анекдоты рассказывают) и б) обобщенноличности: *Ырыа хаһан баҕарар ылланыахтаах* (АА ТА, 468) ‘Песня *должна петься’*.

В тюркологии конструкции с активным актантом-объектом называются неопределенно-личными. Они формируются на базе переходных глаголов, и в них реальный производитель действия мыслится как неопределенно-личный [Кононов, 1956: 199]: *Былаан толоруллубут* ‘План *выполнен*’ (= *Былааны толордулар* ‘План *выполнили*’); *Иванов директорынан анаммыт* ‘Иванов *назначен* директором’ (= *Иванову директорынан анаатылар* ‘Иванова *назначили* директором’); *Сыбаайбаҕа ыҥырылынным* ‘Я на свадьбу *приглашен*’ (=*Миигин сыбаайбаҕа ыҥырдылар* ‘Меня на свадьбу *пригласили*’).

Пассивная форма может принимать любые личные аффиксы, но немаркированный актант ситуации мыслится неопределенным: *Ол сылдьан үөҕүллэрим, кырбанарым, таҥаһым сыыһын былдьатарым* (Н ДьАА, 30) ‘Когда я так ходил, я бывал *обруган*, *избит*, у меня одежда бывала отнята (= ругали, избивали)’; *Тостар этилиннилэр, астар быһылыннылар, биилкэлэр, быһахтар тыаһаатылар, кэпсэтии саҕаланна* (ДС ААА, 166) ‘Тосты *сказаны*, еда *нарезана*, стал слышен звук вилок и ножей, разговор начался (=сказали, нарезали)’.

Неопределенноличность может также выражаться при неличном, т.е. в форме только 3-го лица в предметном значении, употреблении пассивного залога: *Туох да кэпсэтии ыытыллыбатаҕа* ‘Никаких бесед *не велось*’ (=*Туох да кэпсэтиини ыыппатахтара* ‘Никаких бесед *не вели*’); *Айдаан умнуллубута* ‘Скандал *забылся*’ (=*Айдаан туһунан умнубуттара* ‘Про скандал *забыли*’). Действие, выражаемое страдательным залогом в долженствовательном наклонении, не соотносительно ни с каким лицом, лишь констатируется

необходимость совершения действия: *Иэс <u>төннөрүллүөхтээх</u>, ону быһаарар наадата суох* (Д ХУТ, 155) ‘Долг *должен быть возвращен*, это объяснять не надо’ (=*Иэһи <u>төннөрүөхтээхтэр</u>* ‘Долг *должны возвратить*’).

Иное значение имеют <u>безлично-пассивные конструкции</u>, которые в тюркских языках формируются непереходными глаголами. Они безагентивны, и, как отметил А.Н. Кононов, в тюркских языках образуются «наиболее часто от глаголов движения и глаголов, обозначающих состояние, процесс или положение в пространстве» [Кононов, 1956: 198]. При выражении персональности глаголы в страдательном залоге в таких безлично-пассивных конструкциях формально имеют показатели 3-го лица ед. ч., но не соотносительны с ним, а могут выразить отнесенность факта сообщаемого к 1-му л. ед. ч. и обобщенному субъекту.

Глаголы в страдательном залоге прошедшего, настоящего и будущего времен: *утуйуллубута* ‘спалось’, *сылдьыллыбыта* ‘ходилось’, *сылдьыаҕы баҕарылла*р ‘хочется сходить’, *билиллэр* ‘знается’, *сылдьыллыа* ‘будет ходиться’, *көрөн иһиллиэ* ‘посмотрится’ и т.д. в якутском языке контекстуально относятся именно к действиям 1 лица ед. ч. В этом случае передается особая экспрессия и уверенность говорящего в сообщаемом, хотя глагол маркирован показателем 3-го лица ед. ч.: *Чэ, бээ, <u>көрөн иһиллиэ</u>, бэйэ киһитэ буоллаҕа. Миэхэ баҕас оонньоон суоһурҕанар ини* (ВБ Үө, 24) ‘Ну, *посмотрим (т.е. я посмотрю)*, он ведь свой человек. Он, наверное, на меня шутя сердится (досл. Ну, *посмотрится*, он ведь свой человек)’; *«Оҕо сүрэҕэ тааска» диллэрин урут <u>итэҕэйиллибэт буолуллара</u>, − Ксения убайыгар абатын-сататын тоҕо тэбээтэ* (Н ДьАА, 94) ‘Раньше (мне) *не верилось* тому, что говорят: «Сердце ребенка в камне», − Ксения пожаловалась брату’; *Оо, эн бэйэлээх тылгын толорбот буоллахпына ким тылын толоруомуй! Умнар диэн кэлиэ дуо, <u>умнуллуо суоҕа</u>*! (ПО ТА, 117) ‘О, чью же просьбу мне исполнить, если не твою! Забывать невозможно, *не забудется*! (=не забуду)’; *Тугу үһуннук <u>сулумаасы гыныллыай</u>, мас-от тиэнэ түһэн баран, солобуодунай буоллар эрэ <u>биэриллиэ</u>* (Т

КТ, 130) ‘Зачем долго *маяться*, загрузив дрова-сено, только став свободным, *будет даться* (=не буду маяться, дам)’.

Такие безлично-пассивные конструкции также могут служить средством выражения обобщенноличность: *Иһирдьэ маҥан халааттаах сиэстэрэ: Манна киирэр көҥүллэммэт! – диэн кыыһырбыттыы чаҕаара көрүстэ* (УО А, 118) ‘Внутрь сестра в белом халате встретила сердитым выкриком: Входить сюда *запрещено*!’. Глагол в страдательном залоге в настоящем неопределенном времени подчеркивает обычность, постоянность совершения действия обобщенным лицом, а также может иметь по своей семантике значение закона, предписания, не зависящего от точки зрения говорящего. В таких высказываниях как: *Үтүө киһи үтүөтүн үс үйэ тухары умнуллубат* (СФ, 126) ‘Доброта хорошего человека *не забывается* в течение трех веков’ соответствует семантике обобщенно-личных предложений с формой 3-го лица множ. числа. Ср.: *Үтүө киһи үтүөтүн умнубаттар* ‘Доброту хорошего человека *не забывают*’.

Употребление глаголов в страдательном залоге *биллэр* ‘известно’, *сэрэйиллэр* ‘угадывается’ и безличные предложения с непереходными глаголами в возвратном залоге без употребления носителя предикативного признака, выраженного местоимением или существительным в дательном падеже обычно «осмысливается в связи с Я говорящего» [Онипенко, 2013: 217]: - *Барыта өйдөннө, −сэбиэдиссэй саҥа үлэһит кэлбитин сөбүлээбэтэ эрээри, тойоно кыыһырбытын көрөн, буруйдаммыт курдук кумуччу тутунна* (УО А, 87) ‘−Все *понятно,* − заведующая, хоть и не обрадовалась приходу нового сотрудника, видя, что начальник рассержен, поджалась, как виноватая’.

Логический субъект в виде 3-го предметного лица в якутском языке также может быть обозначен в форме орудного падежа, действие выражено пассивной формой причастия на -*быт*: *Туманынан бүрүллүбүт куорат* ‘Город, *покрытый туманом*’; *Бэйэ илиитинэн оҥоһуллубут оонньуур* ‘Игрушка, *сделанная* своими *руками’*. Относительно нормативности таких конструкций в якутском языке П.А. Слепцов писал, что “в настоящее время страдательные

обороты с обозначением логического субъекта действия в орудном падеже – обычное, повсеместное явление.... промежуточные случаи, которые язык вполне допускает, и именно поэтому появляются многочисленные лексические и грамматические инновации, органически вплетенные в глубоко нормативные узуальные ресурсы языка” [Слепцов, 1990: 186].

В якутском языке в исходной основе некоторых глаголов, в большей степени в зависимости от лексической семантики, развиваются дополнительные значения, в том числе и значение неопределенноличности. Например, объектный актант с позиции прямого дополнения переходит на позицию подлежащего, сместив с нее субъектный актант, чем, по всей видимости, обуславливается развитие пассивно-возвратного значения [Курс якутской грамматики, 2004: 108]. Такие значения могут развиться при возвратном залоге: *Манна бурдук тохтубут* ‘Здесь *просыпалась* мука‘ (= Манна бурдук *тохпуттар* ‘Здесь *просыпали* муку’); *Табах син биир тарҕаммыт* (Ч, 2013, №3, 31) ‘Табак все равно *распространился*’ (= *Табаҕы тарҕаппыттар* ‘Табак *распространили*’).

Глаголы в побудительном залоге т.е. каузативе, совмещенном с пассивным значением, также могут служить средством выражения действия неопределенного субъекта. Например, в предложениях: *Таҥаспын былдьаттым* ‘У меня отняли одежду’ (букв. я допустил отнять у меня одежду); *Харчытын уордарда* ‘У него украли деньги’ (букв. Он допустил украсть у себя деньги); *Сүрэхпин көрдөрдүм* ‘Я прошел обследование сердце’ (Я заставил осмотреть сердце) и т.д. глаголы в побудительном залоге выражают действие, совершение которого не побуждается грамматическим субъектом, эксплицитно выраженным личным аффиксом при глаголе, а допускается им поневоле. Действие имеет для грамматического субъекта обычно отрицательный, нежелательный характер. Таким образом, в подобных предложениях логический субъект не получает словесного обозначения по причине неизвестности или неактуальности.

Периферийным средством персональности в якутском языке может выступать инфинитив. Инфинитив является предметом длительного интереса со стороны лингвистов. Но вопрос о специфике выражения субъекта действия, обозначенного инфинитивом, по мнению исследователей [Тупикова, 1998: 64; Золотова, 2004: 138; Степаненко, 2009 и др.], не получил однозначного и исчерпывающего освещения в научной литературе. Инфинитивные предложения располагают широтой и емкостью модальной семантики. Инфинитив как специализированное средство реализации разнообразных модальных значений [Виноградов, 1975:60-65] одновременно способствует созданию полисубъектности высказываний, при этом "обозначенное им действие может соотноситься с самим говорящим, адресатом, не участником речевого акта, а также указывать на сложную субъектную ситуацию» [Буралова, 1988: 10]. «Несмотря на отсутствие граммемы лица, - указывает Ю.А. Пупынин, - инфинитив в процессе функционирования при поддержке других компонентов способен имплицировать личную семантику» [Пупынин, 1996:52].

Анализ имеющегося в якутском языке фактического материала показывает, что наиболее часто связь между действием, выраженным инфинитивом и субъектом, имеющим имплицитный характер, выявляющимся из контекста, наблюдается при реализации значений возможности, необходимости, желательности.

Инфинитив I, который представляет собой дательный падеж безличного склонения причастия на *-ыах*, *-мыах* [Неустроев:1972, 30], может употребляться при соотнесенности действия, выраженного инфинитовом, к 1-му л. ед. ч. в монологе или при обращении говорящего к самому себе с желательной модальностью: *«Аһыы сорунан баран аһаабыттыы аһыахха» диэн санаа мин төбөбөр көтөн түстэ* (ТС ЕЧ, 51) ‘«Если собираюсь покушать, то *кушать надо* как следует», − такая мысль пришла мне в голову’; *Ээ, тоҕо төбөм эрэйдээҕи мунҥуу истэмий, хата, атыны толкуйдуохха* (ТС ЕЧ, 32) ‘Зачем мне ломать голову, про другое *подумаю-ка* (букв. про другое *подумать*)’. Такое

употребление инфинитива замещает повелительное наклонение 1-го лица ед. ч. и очень часто встречается в разговорной речи якутского языка. Инфинитив I может также употребляться в соотнесенности с группой лиц, включая говорящего, т.е. вместо формы 1-го лица множ. или двойств. чисел: - *Сардаанҕаа... – Коля төлөпүөннүүр. – Чэйиий, көрсүһүөххэ* ээ (О БДЭ, 305). ‘ - Сарданка… - звонит Коля. – Давай, *встретиться,* а’; *Чэ, тукаам, кэл, чэйбитин иһиэххэ, аны хайыахпытый?* (АА СК, 71) 'Ну, милый, иди сюда, давай *выпить* свой чай, что еще нам остается делать?'. Такое употребление обычно встречается в диалоге.

Инфинитив I в сочетании с именем наличия *баар* «есть» также может обозначать желание, мечтание, намерение говорящего: *Бээ, баран сэбиэттэртэн оройуон сэбиэтигэр төлөпүөннээн бу үөрэхтэрин бопторор туһунан уураах ылларыахха баар эбит* (КК, 31) ‘Ну-ка, нужно пойти позвонить с телефона администрации наслега в администрацию района и *заставить принять* указ о запрете этой учебы’. В других тюркских языках, например, в татарском и башкирском среди форм, предназначенных для обозначения такого же значения, выделяют две формы: на -(*а*)*рға иде* на -*асы* (-*эсе*) *иде* [Юлдашев, 1965:213].

Инфинитив III, или условный инфинитив - это форма дательного падежа безличного склонения причастия на *–тах* [Неустроев, 1972: 34]. Он может употребляться для выражения точки зрения говорящего и оценивается исследователями как модальное слово: *Бырастыы гын, Айдар Петрович, сүбэлии таарыйа эттэххэ маннык… Онон атыҥҥа ороһуо суох этиҥ* (НЛ М, 121) ‘Прости, Айдар Петрович, если *сказать* советуя… Ты бы не вмешивался в чужое дело’; *Сэрэйдэххэ, сорохтор итинниги тулуйбаккалар, чаастарын бырабыллара буолуо* (С ОББ, 31) ‘Если *догадаться*, некоторые не выдержав такого, сбегают от своей части’.

Сочетанием формы на -*ыахха*+модальные глагольные формы *сатаммат/сатанар, табыллыбат/табыллар* (нельзя/можно, невозможно/ возможно, недопустимо/допустимо) передается значение

недопустимости/допустимости, невозможности/возможности действия или несогласия/согласия с ним с точки зрения говорящего лица: *Кырдьык, киниттэн тэйиччи соҕус сырыттахха сатаныыһы, - Бориска бастаан кыһыйа санаабыта арыый уҕарыйарга дылы буолла*(Т КТ, 31) ‘Действительно, *надо держаться* подальше от него, - подумал Бориска и его гнев притупился’.

В безличных предложениях, сказуемое которых выражено сочетанием инфинитива I, который “представляет собой дательный падеж безличного склонения причастия на *-ыах, -мыах*” [Неустроев, 1972: 30] со словом *наада* надо может выражаться отношение действия к обобщенному субъекту. Сказуемое данной конструкции указывает на необходимость совершения (или не совершения) данного действия: *Кыыс оҕоҕо нарынык сыһыаннаһыахха наада* (Н ДьАА, 36) ‘К девушке *нужно относиться* нежно’.

Контекст и речевая ситуация являются решающими при выражении отношения к лицу в предложениях, образуемых деепричастиями. Как справедливо отмечали исследователи, деепричастия на *-ан, -ымына, -бакка* в диалогической речи, употребляясь без личного аффикса в позиции сказуемого, могут выражать несомненную уверенность в совершении действия говорящим лицом: *Хайыыгын Айдаар, сарсын баран көрөҕүн дуо? – Баран, баран, − уол өрө көрө түстэ* (КЭ АА, 16) ‘Ну что, Айдар, завтра пойдешь смотреть? – *Конечно, пойду*, − мальчик живо посмотрел (букв. Идя, идя)’; – *Ыйытымына. Эн курдук куттанан салыбырыы турбатым буолуо* (УО А, 242) ‘*Конечно, спрошу*. Не буду же подобно тебе, стоять, бояться (букв. Спрося)’.

В качестве периферийных средств исследователи рассматривают также и обращения [Сердюк, 2002; Степаненко, 2009]. Такому обоснованию способствует структурно-содержательная природа данного синтаксического явления. «Обращение – распространенный член предложения – имя в форме им. п., возможно – с зависящими от него словоформами, называющий того, кому адресована речь» [Русская грамматика, 1980, II: 163]. Обращениями служат имена людей, названия лиц по степени родства, по положению в обществе, занятиям, профессии, национальности, возрасту и т.д. В русском

языке обращения могут играть важную роль для интерпретации адресата, так как в некоторых наклонениях и прошедшем времени лицо не эксплицируется личной формой глагола. В таких случаях лишь название субъекта посредством личных местоимений или имени существительного может соотносить действие с каким-либо лицом: ‘*Наташа*, уроки сделала?’; ‘*Мама*, если я куплю билеты, сходила бы в кино?’. А в якутском языке обращения, если в предложении есть финитная форма глагола, имеют только усилительную роль: *Ийээ, эн олус айманыма эрэ*! (ПО ТА, 253) ‘*Мама, ты не волнуйся* же так!’.

Из интонационно-синтаксических средств нами отмечается соотнесенность действия ко 2-му лицу через интонацию и обращение, которая предполагает побудительную модальность (просьба, требование): *Сэмэн, инструмены*! ‘*Семен*, инструмент! (дай)’. Такое явление обусловлено тем, что в целях языковой экономии в предложении выпадает глагол в повелительном наклонении 2-го лица.

Если в предложении имеется побудительная модальность, безличное предикативное склонение причастия также может выражать отнесенность действия, состояния к говорящему. Например, в полипредикативном предложении с зависимой частью в форме безличного предикативного склонения причастия: *Истэн үөрүөҕү, этэ охсуҥ* (ВО КХ, 31) ‘Быстро скажите (мне), *обрадуйте* (букв. Услышав, *обрадоваться*, скажите быстро)’. Обращенность к адресату, выраженная повелительным наклонением, предполагает, что субъектом зависимой части этой конструкции может являться говорящий.

Следует обратить внимание на периферийные средства выражения неопределенноличности. Устранение лица деятеля также может достигаться и другим способом – номинализацией процесса [Гак, 1991: 78]. Использование отглагольного существительного без аффиксов принадлежности создает условия для устранения семантического субъекта и, следовательно, для выражения неопределенно-личного значения. Способом выражения неопределенноличности чаще является номинативное предложение или

предложение, в котором номинализованный элемент выполняет функцию сказуемого: *Төлөпүөн тыаһа*! ‘Звонок!’ (= *Эрийэллэр* ‘Звонят’); *Кини – биһиги оскуолабыт киэн туттуута* ‘Она – *гордость* нашей школы’ (= *Кининэн биһиги оскуолабытыгар киэн тутталлар* ‘Ею *гордятся* в нашей школе’); *Киниэхэ – эргиччи көмө* ‘Ей – повсюду *подмога*’ (= *Киниэхэ эргиччи көмөлөһөллөр* ‘Ей повсюду *помогают*’).

Неопределенность может выражаться и через субъектную номинализацию, при которой номинализованный элемент выполняет функцию подлежащего: *Оту уматыы түбэлтэлэрэ буолуталаабыттара* ‘Были случаи *поджога* сена’ (=*Оту уматалаабыттара* ‘*Поджигали* сено’); *Алҕас тахсыбыт* ‘Произошла *ошибка*’ (= *Алҕаһаабыттар* ‘Ошиблись’); *Үлэ бүттэ* ‘*Работа* закончилась’ (= *Үлэлээн бүттүлэ*р ‘*Кончили* работать’); *Этии киирдэ* ‘Поступило *предложение*’ (= *Ким эрэ этии киллэрдэ* ‘Кто-то внес предложение’).

Семантика неопределенности также может выражаться через объектную номинализацию, при которой номинализованный элемент, обозначающий процесс, синтаксически оформлен как второстепенный член предложения – дополнение или обстоятельство. Например: *Мин ыҥырыы туттум* ‘Я получил *приглашение*’ (= *Миигин ыҥырдылар* ‘Меня *пригласили*’); *Дьиэ кэтээн көрүүгэ турар* ‘Дом находится *под наблюдением*’ (= *Дьиэни кэтээн көрөллөр* ‘За домом *наблюдают*’). Существительное в таких номинализированных структурах всегда выражает антроморфный процесс (состояние), т.е. действие или состояние, свойственное живому существу. Таким образом, «на глубинном уровне неопределенноличность представляет собой сочетание антроморфного процесса с неопределенным субъектом» [Гак, 1991: 80].

§ 5. Крайняя периферия категории персональности

К крайней периферии ФСП персональности, опираясь на взгляды исследователей [Бондарко, 1991; Степаненко,2009 и др.], относим особые

значения 3-го лица – формы безличности – безличные, т.е. одноличные глаголы, а также глаголы определенного лексического значения и залоговой формы, выступающие в безличном значении. К таким глаголам можно отнести особые значения формы 3 л. ед. ч., которые выражают отсутствие соотнесенности с субъектом, т.е. выражение бессубъектного действия.

Вопрос о включении форм безличности, бессубъектности в круг решаемого вопроса имеет длительную историю изучения, но до сих пор остается в языкознании предметом дискуссий. Одни лингвисты исключают безличность из категории персональности на том основании, что, например, “безличные предложения с семантической точки зрения обозначают процессы, не связанные с представлением о субъекте” [Шишкова, Смирнова 2003: 32; Ružička 1967: 61-62]. По мнению Й. Ружички, безличные глаголы (например, словацк. *prší* ʻидет дождь, дождитʼ не имеют категорию лица, так как в форме *prší* речь идет о пустой конечной морфеме [см. Ružička 1967: 61-62]. Материалы разных языков позволяют дать разные выводы. Например, материал русского языка показывает, что глаголы могут употребляться в безличном значении в форме только 3-го л. ед. числа (От пирожного во рту *горчит*), а также когда они выражены неличными финитными формами среднего рода (*повеяло, засушило*). В таких случаях действие не может быть отнесено к участникам акта речи (говорящему, слушающему, третьему лицу и даже предметному 3-му лицу). Однако, большинство лингвистов рассматривают безличность в рамках категории лица [Пешковский, 1956; Потебня, 1958; Виноградов, 1986; Якобсон, 1972; Никитевич, 1963; Золотова, 1973; Бондарко, 1991 б, Тупикова, 1998 и др.]. Р.О. Якобсон определяет так называемые безличные глаголы непарными беспризнаковыми формами [Якобсон, 1985: 215]. Сходные суждения высказывает Е. Кржижкова, говоря о том, что беспризнаковость 3-го лица позволяют употребить эту форму как с личным, так и безличным значением [Křížková, 1967: 67].

Бессубъектное действие выражается в глаголах, обозначающих явления природы, стихийные явления, находящиеся вне сферы влияния субъекта и

«воспринимаемые языковым сознанием как бессубъектное состояние само по себе, не связываемое ни с каким носителем» [Золотова, 1973: 160]. Многие исследователи считают такие предложения абсолютно безличными т.е. бессубъектными [Золотова, 1969; Бабайцева, 1986; Тупикова, 1998; Химик, 1990; и др.]. А некоторые исследователи, не признавая абсолютную их безличность [Потебня, 1958; Бондарко, 1991; Степаненко, 2009 и др.], относят их к сфере семантики лица. По мнению А.А. Потебни, предложения типа *Светает* «неловко называть безличными, равно как и бессубъектными по двум причинам: глагол здесь имеет лицо, термин «бессубъектные» … содержит указание на неопределенный субъект: «светает» что? – неизвестно что, нечто" [Потебня, 1958:91]. По мнению А.В. Бондарко, тождество со значением 3-го лица отсутствует, так как «при безличности отсутствует указание на определенный предмет и какой бы то ни было субъект. Однако, общее указание на «внешний источник» предикативного признака («от природы», «от окружающей среды») вряд ли можно отрицать» [Бондарко, 1991: 24].

Некоторые исследователи тюркских языков глаголы, обозначающие явления природы, называют одноличными [Донидзе, 1957; Бектуров, 1966; Кононов, 1941]. Количество одноличных глаголов в якутском языке немного: *хаардаа-* ʻснежитьʼ, *хараҥар-* ʻтемнетьʼ, *сырдаа-* ʻсветатьʼ, *тыалыр-* ʻветренетьʼ, *ардаа-* ʻдождитьʼ, *хаһыҥнаа-* ʻзаморозитьʼ и т. д.. Такие глаголы имеют форму только одного – 3-г л. ед. ч. и обозначают бессубъектное действие, стихийные явления: *хаардыыр* ʻснежитʼ, *хараҥарда* ʻпотемнелоʼ, *сырдаата* ʻпосветлелоʼ, *тымныйбыт* ʻпохолодалоʼ, *кураанната* ʻзасушилоʼ, *сылыйбыт* ʻпотеплелоʼ и т.д. Если сравнить подобные глаголы с безличными глаголами русского языка данной группы, то они совпадают по структуре в рассматриваемых языках лишь частично. Якутские безличные глаголы могут иметь подлежащим слово *халлаан* ʻнебоʼ и редко *күн* ʻсолнцеʼ, употребление которых, носит факультативный характер: *Халлаан хараҥарбыт* (СД СТТ, 591) ʻ(Небо) стемнелоʼ; *Күн киэһэрдэ* ʻПовечерелоʼ (досл. День повечерел). По мнению Н.Н. Неустроева, "считать такие предложения безличными в данное

время невозможно, так как подлежащее лексически выражается или подразумевается» [Неустроев, 1972:81]. В русском языке подобного рода предложения всегда односоставны и подлежащее в них даже не угадывается.

В других тюркских языках также наблюдается параллельное употребление двусоставных предложений с грамматическим подлежащим. М. З. Закиев считает, что в татарском языке предложения, выражающие явления природы, «по своему историческому образованию представляют двусоставную конструкцию: *Таң ата* ‘Светает’; *Карангы төшон* ‘Смеркается’. Но в современном языке они не являются двусоставными, а передают идею цельного единого процесса, совершаемого без производителя» [Закиев, 1963: 48]. В башкирском языке также характерны подобные двусоставные конструкции, представляющие собой «предложения фразеологизированной структуры»: *Кис булды* (букв. Вечер настал); *Көн йылыта* (букв. День теплеет) [Закирьянов, 1985: 50]. В якутском языке тоже имеются подобного рода фразеологизированные структуры. Ср.; *Тыҥ хатар* ‘Светает’ (досл. Занялась заря); *Хараҥа түһэр* ‘Смеркается’ (досл. Темнота накрывает). Но по выражаемой ими идее процесса, совершаемого без производителя действия, подобные предложения по семантике соответствуют русским бессубъектным абсолютно безличным предложениям типа *Дождит; Похолодало; Морозит* и т.д.

Иное значение имеют те безличные предложения, где допускается представление о субъекте. «Большая часть «безличных» предложений, − отмечает Г.А. Золотова, - сообщает о признаке лица, человека; признак этот, психологический или физиологический, вне человека не существует, не осуществляется, и структурно-семантическое назначение этих предложений заключается в предикативном приписывании называемого признака лицу – его носителю» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 122]. Данное значение в якутском языке характерно для глаголов, выражающих физическое и душевное состояние человека. Например, глаголы в форме 3-го л. ед. числа побудительного залога: *титирэтэр* ‘знобит’, *утуктатар* ‘клонит ко сну’,

кычыгылатар ʻщекочет’, *аһытар* ʻщиплет’, *хотуолатар* ʻтошнит’, а также в конструкциях с пассивной семантикой типа: *Тымныынан саба ыста* ʻ*Обдало* холодом’ и т.д. выражают ощущение человека от воздействия стихийных сил и физиологических процессов. Действие таких глаголов может быть отнесено к любому лицу с помощью личных местоимений или имен существительных в винительном падеже: *Васяны титирэтэр* ʻВасю *знобит*’; *Миигин хотуолатта* ʻМеня *стошнило*’ и т. д. Предложения подобного рода в якутском языке встречаются не часто, предпочтение дается глаголу в форме основного залога: ср. *Миигин утуктатар* ʻМеня клонит в сон’ – *Утуктаатым* ʻЯ испытываю сонное состояние’; *Миигин титирэтэр* ʻМеня знобит’ - *Титириибин* ʻЯ дрожу (от холода)’ и т.д. В якутском языке отсутствуют безличные формы глагола, соответствующие русским, содержание таких предложений с такими глаголами передается двусоставными предложениями. Например: Мне *нездоровится* – *Мин ыарыйдым* ʻЯ заболел’; Старику *не спится – Оҕонньор уута кэлбэт* (букв. У старика не приходит сон); Мне *не работается – Үлэлиэх санаам кэлбэт* (букв. Работать мысль+моя не приходит); У меня *потемнело* в глазах – *Хараҕым хараҥарда* (букв. Глаза+мои потемнели).

В якутском языке, если субъект не выражен формой косвенного падежа, то действие обычно соотносится с предметным 3-м лицом, которое выполняет роль подлежащего, таким образом безличная конструкция превращается в двусоставную: *Туох эрэ кычыгылатар* ʻНечто *щекочет*’. Но с одной стороны, по мнению исследователей, в отличие от абсолютно безличных (бессубъектных) предложений, предложения, где сообщается о состоянии, признаке субъекта типа: *Аанньа ас киирбэт, куйааһа бэрт* ʻ*Не кушается*, слишком жарко’, «сообщают о состоянии говорящего лица, поэтому представляют синтаксическую категорию 1-го лица» [Золотова, 1973: 165]. Таким образом, утверждается, что если речь идет о состоянии косвенного лица, то это лицо должно быть названо в предложении.

Необходимо отметить, что некоторые безличные глаголы могут спрягаться по всем трем лицам, если они многозначны: *Уол бырааты саннын*

титирэттэ ‘Мальчик *потряс* плечи своего брата’; *Мин кинини кычыгылаттым* ‘*Я* его *пощекотала*’; *Оҕонньор сарсыарда кэлэн отун хаардаабыта* ‘Старик, приехав утром, стог+свой *очистил* от снега’.

Безличные предложения со сказуемым, выраженным сочетанием безличного возвратного глагола и инфинитива, переводятся на якутский язык также безличными предложениями. Например: Пришлось идти пешком – *Сатыы бараргa тиийиллибитэ*; Хочется уехать в город – *Куоракка барыаҕы баҕарыллар*. Они по своей семантике имеют отношение к первому лицу. Ср.: Пришлось идти пешком – *Сатыы бараргa тиийиллибитэ* = Мне (нам) пришлось идти пешком – *Сатыы бараргa тиийбитим (тиийбиппит).*

Итак, бессубъектные глаголы типа *хаардыыр* ‘снежит’ мы относим к семантике персональности только потому, что они имеют грамматическую форму 3-го лица, а также могут иметь подлежащим слово *халлаан* ‘небо’, которое может быть соотнесено к предметному 3-му лицу. Глаголы с особым лексическим значением и в определенной залоговой форме, которые выражают психологический или физиологический признак, вне человека не существующий, как было показано выше, имеют некоторые отличия, касающиеся их структуры и фактического соотнесения действия с лицом. Если соотнесенность с лицом не выражена личным местоимением или существительным в косвенном падеже, то действие, как правило, соотносится с говорящим.

Выводы по III главе

Периферийные средства выражения персональности в русистике и тюркологии еще не достаточно изучены. Опираясь на языковых фактах, мы попытались охарактеризовать периферийные средства выражения персональности в якутском языке. На основе полученных результатов можно сказать, что периферия данного поля представлена комплексом морфологических, лексических, лексико-морфологических, синтаксических средств выражения данной функционально-семантической категории.

Поскольку в предложениях с использованием периферийных средств независимый предикативный субъект, т.е. специализированный выразитель персональности устранен из предложения, речь в большинстве случаев может идти о предикативной бессубъектности или синтаксической безличности. Отнесенность содержания высказывания к какому-либо лицу выявляется при помощи различных актуализационных средств, среди которых в данной работе выделены морфологические и лексико-морфологические средства в функции объекта, безличные конструкции, лексическая семантика и др.

Установлено, что морфологические средства и часть лексико-морфологических средств якутского языка объединяются в единое пространство ближней периферии ФСП персональности. Здесь разные по структуре высказывания объединяются материально выраженной персональной актуализацией – личным местоимением в косвенном падеже и посессивными аффиксами, выражающими принадлежность, отнесенность действия, состояния, представленного как предмет, а также качества как сообщаемого факта по отношению к участникам ситуации речи, т.е. обладая дифференциальным признаком посессивности, и в то же время, обладая признаком лица, имеют непосредственное отношение к выражению значений лица.

Лексемы, обозначающие персону, человека и входящие в особую группу личных существительных, которые противопоставляются “не-лицам” (именам-зоонимам, всем иным предметным именам, а также метазнакам), относятся к лексическим средствам выражения персональности, также представляющих ближнюю периферию. В современном якутском языке достаточный набор лексических и лексико-грамматических средств выражения категории лица представлен в именах существительных. В особые группы существительных отнесены имена существительные, выражающие определенное, неопределенное и обобщенное лицо.

Как показывает языковой материал, кроме этих лексем, существуют также собственно периферийные лексические средства выражения персональности. К ним относятся некоторые лексические единицы с посессивными аффиксами, выражающие не притяжательное, а собственно персональное значение. Кроме того, сюда входят определенные лексические единицы, употребляющиеся в переносном значении. Они входят в периферийную область ФСП персональности в связи с тем, что не являются специализированными выразителями персональности. Персональное значение они получают только в определенных условиях, когда употребляются в переносном значении и замещают личные местоимения, указывая на субъекты речи: 1-е л. ед. ч., 3-е л. ед. ч., а также неопределенное и обобщенное лицо.

Синтаксические средства выражения персональности также отнесены к собственно периферийной сфере ФСП персональности, так как на синтаксическом уровне персональность проявляется в различных конструкциях без граммемы лица, где только предполагается позиция субъекта. В большинстве случаев действие, состояние приписываются 1-у лицу ед. ч., говорящий по ряду причин самоустраняется: в целях объективной оценки, экспрессивного наращения смысла сообщаемого факта и т.д. Также синтаксическим способом часто выражается неопределенный и обобщенный субъект.

Семантика 1-е лица ед. числа предполагается в следующих типах безличного предложения: 1) безличные предложения, сказуемое которых выражено сочетанием причастия на *-быт* с лексемой *киһи* ʻчеловекʼ (+имя наличия *баар* ʻестьʼ и частица *ини*); 2) безличные предложения, сказуемое которых выражено сочетанием имени обладания на *-лаах* с лексемой *киһи* ʻчеловекʼ; 3) безличные конструкции с причастием на *-быт* и *-батах* в сочетании с именем отрицания *суох* ʻнетʼ и наречия *ыраатта* ʻдавноʼ; 4) безличные предложения с непереходными глаголами в безлично-пассивной форме; 5) безличные предложения с непереходными глагола в возвратном залоге; 6) безличные предложения, сказуемое которых выражено инфинитивом; 7) безличные предложения, сказуемое которых выражено деепричастиями без личного оформления.

Адресат может быть выявлен с помощью обращений, интонации. Семантика неопределенноличности может быть передана с помощью пассивных конструкций, глаголов в возвратном и побудительном залоге с пассивной семантикой, при номинализации процесса. Обобщенное лицо может быть выражено пассивными конструкциями.

Расположение в функционально-семантическом поле персональности одноличных глаголов, некоторых глаголов в безличном употреблении в якутском языке такое же, как и в других языках. Соглашаясь с точкой зрения исследователей, допускаем включение глаголов в особом безличном или бессубъектном употреблении в рамки грамматической категории лица. Определяя безличные формы как сопоставимые с семантикой глаголов 3-го лица в его предметном значении по общему указанию «на внешний источник» предикативного признака [Бондарко, 1991 б: 24], а также признавая глаголы с особым лексическим значением, которое не может реализоваться вне человеческого состояния, считаем, что они относятся к крайней периферии в структуре функционально-семантического поля категории персональности в якутском языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Универсальная функционально-семантическая категория персональности, выполняющая важную роль в формировании предикативного ядра предложения, а также реализации коммуникативного потенциала отдельного высказывания и текста, заслуживает интерес со стороны современной лингвистики, в частности, функциональной грамматики, особенностью которой является многоуровневый подход к изучению грамматических явлений.

В данной работе на основе использования методов функциональной грамматики категория лица/персональности рассмотрена с точки зрения ее актуализации в системе функционально-семантического поля на уровне высказывания. Особенности категории персональности в якутском языке проявляются на всех уровнях грамматического строя – в морфологии, синтаксисе, лексике.

Из центральных средств выражения категории персональности приоритетное место занимают морфологические средства – аффиксы лица, выполняющие важную дейктическую функцию в предложении. Показатели лица в якутском языке могут иметь все глагольные формы и именные части речи. Они определяют соотношение субъекта-подлежащего и предиката, т.е. находятся в позиции синтаксического центра предложения.

Категория лица глагола, являясь одной из ведущих категорий глагола, имеет свое содержание, свою систему формальных показателей, выражающих различные отношения обозначаемого действия к его производителю. При наличии определенных условий контекста в значениях глагольных форм лица расширяется возможность функционального варьирования, что выражается в максимальной взаимозаменяемости всех трех лиц в ед. и множ. числах. Каждая из личных глагольных форм может принимать любое персональное содержание и, напротив каждое из типовых личных значений может реализоваться с помощью любой личной формы.

Личные формы глагола, кроме 6-ти общих парадигмообразующих значений, могут иметь расширенное и переносное значения. Расширенное значение категории лица глагола, т.е. вторичные значения личных форм, предопределяет типы односоставных предложений – обобщенно-личных и неопределеннoличных. В синтагматических значениях форм лица интерес представляют переносные значения форм, обогащающие стилистические и эмоционально-экспрессивные возможности грамматических форм якутского языка.

Обязательное снабжение личными аффиксами деепричастий в якутском языке происходит в таких случаях, когда в предложении лицо не эксплицировано личным местоимением или финитной формой. Это встречается в сложных полисубъектных полипредикативных предложениях, где личным аффиксом, прикрепленным к деепричастию, определяется лицо субъекта зависимого действия, а также в простых предложениях, где деепричастие с личным оформлением выступает в роли независимого сказуемого.

Аффиксы лица и принадлежности выполняют важную роль при образовании различных аналитических модальных конструкций. Аффиксы принадлежности, прикрепляясь к причастиям и причастиям с падежным склонением, именам, функционируют в той же роли, в которой функционируют личные местоимения в косвенных падежах в русском языке (*Барыахпын наада* ‘*Мне* нужно идти’*; Барарым баар* ‘*Мне* предстоит идти’ и т.д.). Личное оформление аффиксами сказуемости имен и различных служебных частей речи: послелогов, частиц, служебных глаголов, модальных слов также способствует образованию огромного количества сложных сказуемых. Кроме тех свободных сочетаний причастных форм с модальными частицами, отмеченными Е.И. Коркиной, нами были установлены еще 13 типов лично-отнесенных сочетаний с модальным значением, определяющих участников речи.

Слова именных частей речи, выступающие в функции сказуемого, представляют собой именную категорию сказуемости, являющейся

своеобразным грамматическим явлением в тюркских языках, в том числе и якутском языке. Именной предикат также включается в круг ядерных средств выражения персональности как и глагольное сказуемое, так как предикация именем осуществляется на основе категорий времени, модальности и лица. Слова именных групп в предикативном употреблении могут выражать изъявительную модальность (настоящее неопределенное, прошедшее и будущее время) и субъективную модальность (в сочетании с модальными частицами: *курдук, үһү, эбит*). Время и модальность в них выражаются с помощью связок с обязательным личным оформлением. Лицо в связке выполняет чисто синтаксические фукции, указывая на соотнесенность признака, содержащегося в именной части сказуемого, с опрелеленным лицом. В отличие от глагольного сказуемого, именной предикат представляет самого носителя признака, свойства, вещь в статичном качестве.

В центр поля персональности входят также ядерные лексические средства средства выражения персональности – личные и лично-возвратные местоимения. Употребление личных местоимений при наличии личных форм является факультативным, их отсутствие не влияет на грамматический смысл предложения, но они могут придать ту или иную окраску высказыванию, в различных контекстах они могут приобрести особые экспрессивные оттенки значения. В предложениях, где лицо деятеля не маркировано личными аффиксами, их употребление носит обязательный характер с грамматической точки зрения и служит аналитическим средством выражения персональности предложения. Присутствие в предложении лично-возвратных местоимений носит обязательный характер, если лично-возвратное местоимение употребляется в предложении с особым модальным оттенком значения, так как данные местоимения в определенных контекстах могут иметь различные частные значения.

Как выяснилось из фактов якутского языка, периферия анализируемого поля распадается на ближнюю периферию (морфологические, лексико-морфологические, лексические средства); собственно периферийную сферу

(лексико-морфологические, лексические, синтаксические средства); крайнюю периферию (бессубъектность, одноличные глаголы).

Ближняя периферия характеризуется тем, что аффиксы принадлежности и местоимения в косвенных падежах как маркер лица соответствуют именно трем лицам: говорящему, слушающему и 3-му лицу, а имена существительные, субстантивы, обозначающие лицо, персону, соотносящиеся с семантикой 3-го лица, являются специализированными средствами выражения определенноличности, неопределенноличности и обобщенноличности. Эти средства грамматически выражают лицо субъекта в прямом, определенном значении, и таким образом, представляют собой зону, переходную от центра к периферии. Аффиксы принадлежности и местоимения в косвенных падежах входят в периферийную группу в соответствии с тем, что они являются элементами II ранга, не имеющими возможность выступать в качестве подлежащего и сказуемого. Личные местоимения в косвенном падеже, имена и причастия с посессивными аффиксами, хотя и являются второстепенными членами предложения, имеют субъектно-объектное содержание.

К собственно периферийной сфере категории персональности в якутском языке относятся те средства, которые способны выражать отнесенность содержания высказывания к какому-либо лицу имплицитно, без специализированного выразителя персональности. К таким актуализационным средствам относятся:

1) Лексические единицы с притяжательными аффиксами, выступающие лексико-морфологическими средствами выражения персональности, не выражающие собственно посессивные отношения, а приобретающие персональное значение;

2) Периферийные лексические средства выражения персональности, приобретающие это значение всегда исходя из ситуации речи, контекста и не имеющие конкретного персонального дейксиса. Данные лексические единицы могут замещать: а) личные местоимения 1-го лица ед. ч.; б) личные местоимения 3-го л. ед.; в) обобщенное лицо; в) неопределенное лицо.

3) Синтаксические средства выражения персональности. Они разделяются на 5 типов: 1) особые синтаксические структуры без граммемы лица, предполагающие позицию субъекта-говорящего (безличные конструкции, инфинитив); 2) безлично-пассивные формы глагола не в прямом значении обозначающие отношение действия к говорящему лицу; 3) контекстуально-интонационные средства, обращения, предполагающие отнесенность высказывания к адресату и говорящему; 4) пассивные (личные и безличные), возвратно-пассивные и каузативно-пассивные конструкции, номинализация со значением неопределенного лица; 5) безлично-пассивные конструкции, передающие семантику обобщенноличности.

Таким образом, в периферийных средствах персональность проявляется с помощью средств, в большинстве случаев, употребленных в переносном, несобственном значении, возникающем “в результате нейтрализации ведущих сем под давлением контекста” [Тумашева, 1986: 9].

Крайняя периферия персональности в якутском языке представлена глаголами с обособленными лексическими значениями в 3-м лице ед. числа, которые не могут составить парадигму спряжения и употребляются в безличном, бессубъектном значении (одноличные глаголы, обозначающие природные явления, глаголы в каузативной форме в бессубъектном употреблении при выражении стихийных воздействий на физическое состояние человека).

Исходя из вышеизложенного можно сказать, что универсальная категория персональности, присущая всем языкам, в якутском языке находит свое особое отражение. Помимо универсальных признаков персональности, в якутском языке выявлены дифференциальные черты в выражении данной категории. Универсальность персональности проявляется в том, что как и в других тюркских языках, она выражается на морфологическом уровне во многих частях речи в центральной части поля, что обусловлено принципом постпозитивной языковой агглютинации в тюркских языках. Персональность конкретно-языковое выражение получает в периферии поля, где различными

средствами передаются национально-специфические особенности семантики персональности (специфические лексические элементы, актуализация семантики персональности, связанная с особой ролью некоторых синтаксических структур, предполагающих позицию субъекта (безличные конструкции, инфинитивные и залоговые формы глагола и т.д.).

Если сравнить проявление категории персональности с другими тюркскими языками, в частности с татарским языком, то встречается много общего в структурном плане. Но встречаются и некоторые особенности. Например, личное оформление деепричастий представляет собой одну из самых ярких особенностей синтаксической системы якутского языка. В татарском языке, если есть один из компонентов, определяющих носителя действия, например, личное местоимение, то аффиксы принадлежности при определяемом или в причастии могут отсутствовать. Ср.: *Мин* (*син, ул, без) барган юл* ‘*Дорога*, по которой *я* (*ты, он, мы*) шел’; *Без белебез сезнең килэчэкне* ‘Мы знаем, что *вы должны прийти*’. А в якутском языке субъект действия может выражаться и личным местоимением, и аффиксами принадлежности, при этом личное местоимение может употребляться факультативно, а аффикс принадлежности должен всегда присутствовать: *Мин барбыт суолум* ‘*Дорога*, по которой шел *я*’ (букв. Я идущий дорога+моя); *Эһиги кэлэргитин билэбит* ‘Знаем, что *вы придете*’ (букв. Вы приходящего+вашего знаем).

Проведенный анализ позволил убедиться в тесных связях и широком взаимодействии категории лица с другими функционально-семантическими категориями: субъектности/объектности (личные местоимения в косвенных падежах в качестве периферийного средства), модальности (сопряженность категорий лица и наклонения, обременение аффиксами лица модальных глаголов, модальных слов, частиц), количественности (неотделимость аффиксов лица и числа), посессивности (функционирование аффиксов принадлежности, выступающих как центральные морфологические средства в составе сложных аналитических конструкций, а также в качестве

периферийных морфологических средств в изафетных конструкциях, имеющих субъектно-объектное содержание), залоговости (пассивные и каузативные формы глаголов в роли периферийных синтаксических средств выражения персональности).

На основе проведенного исследования можно сказать, что полевой подход представляет новый способ видения языка как системы закономерностей функционирования языковых единиц, служащих основой построения высказывания на данном языке. Создаются потенциальные возможности “использования языковых элементов для реализации речевых заданий, передачи мыслительного содержания разного уровня абстрагирования” [Насилов, 1999: 120]. Выбор тех или иных ядерных и периферийных средств для передачи характеристики участников сообщаемого факта определяет стремление человека выражать персональные ситуации разнообразными средствами в зависимости от эмоционального настроя и намерения как можно более четко произвести акт референции из своего эгоцентрического восприятия ситуации речи.

Дальнейшей задачей является исследование категории персональности как текстообразующей категории (выражение персональности в разных жанрах фольклора, в текстах отдельных произведений литературы), изучение особенностей выражения персональности в стилях речи, исследование персональности в противопоставлении лексико-грамматических разрядов имен и глаголов, относящихся к сфере “лицо” и “не-лицо”.

Список литературы

Монографии, статьи, диссертации, авторефераты, учебные пособия

1. Абдуллина Г.Р. Словоизменение башкирского языка / Г. Р. Абдуллина. – Уфа: Гилем, 2008. – 124 с.

2. Аксаков К.С. Сочинения филологические // Полное собрание сочинений. Т. 2. Ч. 1. / К.С. Аксаков. – М., 1875. – 660 с.

3. Алексеев И.Е. О постфиксах сказуемости в вопросительном высказывании / И.Е. Алексеев // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2012, № 2 (5). – С. 73-78.

4. Андреев Ф.В. Знаменательные и служебные слова в русской речи / Ф.В. Андреев // Журнал министерства народного просвещения. – М., 1895.

5. Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии / Ю.Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография. – М.: Языки славянских культур, 2006. С. 33-74.

6. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.

7. Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке / В.В. Бабайцева.– М.: Просвещение, 1968. – 160 с.

8. Баскаков Н.А. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы / Н.А. Баскаков // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 263-304.

9. Бектуров М.С. Русские безличные предложения и их эквиваленты в казахском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук / М. С. Бектуров. – Алма-Ата, 1966. – 23 с.

10. Белинский В.Г. Основания русской грамматики для персонального обучения / В.Г. Белинский. – Спб., 1837.

11. Белошапкова В.А., Шмелева Т.В. Глагольные безличные предложения в синтаксической системе русского языка / В.А. Белошапкова, Т.В. Шмелева // Исследования по семантике. Семантические аспекты синтаксиса. Межвузовский научн. сборник. Вып. 11. – Уфа: Изд-во Башкирского гос. университета, 1985. С. 34-47.

12. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. — М.: Прогресс, 1974. — 447 с.

13. Бессарабова Г.А. Соотношение системно-языкового и речевого аспектов категории персональности в русском и испанском языках: дис. …канд. филол. наук / Г.А. Бессарабова. – Воронеж, 1995. – 200 с.

14. Бетлингк О.Н. О языке якутов / О.Н. Бетлингк. – Новосибирск: Наука, 1990. − 646 с.

15. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1971. – 114 с.

16. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1976. – 255 с.

17. Бондарко А.В. О структуре грамматических категорий / А.В. Бондарко // Вопросы языкознания. 1981. № 6. – С. 17-28.

18. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1983. – 208 с.

19. Бондарко А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.

20. БондаркоА.В. Носитель предикативного признака (на материале русского языка) / А.В. Бондарко // Вопросы языкознания, № 5, 1991. С. 27-41.

21. Бондарко А.В. Семантика лица / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб: Наука, 1991. – 369 с.

22. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики / А.В. Бондарко. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.

23. Бондарко А.В. Полевые структуры в системе функциональной грамматики / А.В. Бондарко // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. – М.: Наука, 2005. С. 12-29.

24. БулыгинаТ.В., Шмелев А.Д. Референциальные, коммуникативные и прагматические аспекты неопределенноличности и обобщенноличности / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб: Наука, 1991. С. 41-72.

25. Буралова Р.А. Оптативные и побудительные высказывания с независимым инфинитивом в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р.А. Буралова. – Л., 1988. – 18 с.

26. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И. Буслаев. – М., 1863.

27. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И. Буслаев. – М.: Учпедгиз, 1959. – 623 с.

28. Васильев Ю.И. Способы выражения сравнения в якутском языке / Ю.И. Васильев. – Новосибирск: Наука, 1986. – 110 с.

29. Вахтин Н.Б. Персональность в эскимосском языке / Н.Б. Вахтин // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб.: Наука, 1991. – С. 109-124.

30. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие для высш. учеб. заведений / В.В. Виноградов. – М.-Л: Учпедгиз, 1947.-784 с.

31. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Изд. 2-е / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.

32. Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. Избранные труды / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1975. – 559 с.

33. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.

34. Винокуров И.П. Саха тылыгар падеж системата / И.П. Винокуров. – Якутскай: Саха государственнай университетын издат-та, 1977. – 102 с.

35. Володин А.П. Персональность в языках разных типов / А.П. Володин // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб.: Наука, 1991. С. 87-108.

36. Востоков А.Х. Русская грамматика / А.Х. Востоков. – М., 1831.

37. Востоков В.В. «Синтаксическое лицо» в сопоставлении с понятиями «субъект» и «деятель» / В.В. Востоков // Слово и словосочетание как компоненты структуры предложения: Лингвистический сборник. – М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1978. Вып. 12. – С. 32-27.

38. Гаджиахмедов Н.Э. Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке (сравнительно с другими тюркскими языками): авторефер. дис… канд. филол. наук / Н.Э. Гаджиахмедов. – Махачкала, 1998. – 70 с.

39. Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков / Н.З. Гаджиева. – М.: Наука, 1973. – 408 с.

40. Гак В.Г. Неопределенноличность в плане содержания и в плане выражения / В.Г. Гак // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб.: Наука, 1991. С. 72-86.

41. Галкина-Федорук Е.М. Современный русский язык: курс лекций. Ч. 2. / Е.М. Галкина-Федорук. – М.: Изд-во Московского университета, 1964. С. 187-209, 223-247, 252-263, 282-355, 394-457.

42. Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика, морфология, синтаксис / Под общей редакцией Н.А.Баскакова. – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 570 с.

43. Грамматика русского языка / Ред. колл. В.В. Виноградов и др. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. Том II. Часть 1. – 702 с.

44. Грамматика современного башкирского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 495 с.

45. Грамматика современного якутского литературного языка. Ч. 1. Фонетика. Морфология. – М.: Наука, 1982. – 496 с.

46. Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 2. Синтаксис. – Новосибирск: Наука, 1995. – 336 с.

47. Грамматика туркменского языка. Ч.1. Фонетика и морфология / Под общей редакцией Н.А. Баскакова. – Ашхабад: Ылым, 1970. – 503 с.

48. Гузев В.Г. Парадигма финитных форм имен как категория сказуемости / В.Г. Гузев // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1976. С. 235-248.

49. Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя / В.Г. Гузев. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1987. – 160 с.

50. Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол / В. Г. Гузев. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. – 168 с.

51. Данилова Н.И. Местоимение в якутском языке / Н.И. Данилова. – Якутск: ЯНЦ СО РАН. 1991. – 118 с.

52. Данилова Н.И. Семантическая структура пассивных конструкций в якутском языке / Н. И. Данилова // Функционально-семантические категории в якутском языке. Способы выражения. – Новосибирск, 2014 [Рукопись].

53. Дымарская-Бабалян И.Н. Категория лица в современном русском языке: дис. … канд. филол. наук./ И.Н. Димарская-Бабалян. — М., 1953. – 341 с.

54. Дмитриев Н.К. Башкорт теленең грамматикаһы / Н.К. Дмитриев. – Өфө: Башгосиздат, 1950. – 299 с.

55. Дмитриев Н.К. К истории аффиксов сказуемости / Н.К. Дмитриев // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 16-21.

56. Донидзе Г.И. Безличные предложения в хакасском языке / Г.И. Донидзе. – Абакан: Хакасское книжное изд-во, 1957. – 91 с.

57. Ефремов Н. Н. Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке. – М.: Наука, 1984.– 88 с.

58. Ефремов Н. Н. Полипредикативные конструкции в якутском языке / Н. Н. Ефремов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – 193 с.

59. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 400 с.

60. Зайнуллин М.В. Избранные статьи (башкирское, тюркское и сопоставительное языкознание) / М.В. Зайнуллин. – Уфа: БГУ, 2000. — 416 с.

61. Закиев М.З. Синтаксический строй татарского языка / М.З. Закиев. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1963. – 462 с.

62. Закирьянов К.З. Структурно-семантические типы безличных предложений в русском языке и их башкирские эквиваленты / К.З. Закирьянов // Исследования по семантике. Семантические аспекты синтаксиса. Межвузовский научн. сборник. Вып. 11. – Уфа: Изд-во Башкирского гос. университета, 1985. С. 47-54.

63. Золотова Г. А. О регулярных реализациях моделей предложения / Г.А. Золотова // Вопросы языкознания. 1969, № 1. С. 67 – 78.

64. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 351 с.

65. Золотова Г.А. О соотношении грамматического и семантического в структуре предложения / Г. А. Золотова // Проблемы синтаксической семантики. Тезисы Всесоюзной конф. в МГПИИЯ. – М., 1976.

66. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова.– М.: Изд-во ИРЯ РАН, 2004. – 544 с.

67. Иванов С.Н. Родословное древо тюрков. Абу-л-гази-хана. Грамматический очерк (Имя и глагол. Грамматические категории) / С.Н. Иванов. – Ташкент: Изд-во «ФАН» Узбекской ССР, 1969. – 204 с.

68. Ильенко С.Г. Персонализация как важнейшая сторона категории предикативности / С.Г. Ильенко // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л.: Наука, 1975. С. 154-159.

69. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении во словацким. Морфология. Ч. II. / А.В. Исаченко. – Братислава: Изд-во Словацкой АН, 1960. – 577 с.

70. Исаченко А.В. Бинарность, привативные оппозиции и грамматические значения / А.В. Исаченко // Вопросы языкознания. 1963, №2. С. 39-56.

71. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 335 с.

72. Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка (фонетика, морфология) / Ф.Г. Исхаков, А.А. Пальмбах. – М.: Изд-во восточной литературы, 1961. – 472 с.

73. Калинин А.Ф. Односоставные предложения в современном русском языке / А.Ф. Калинин. – Балашов: Изд-во Балашовского пед. института, 1991. – 71 с.

74. Кацюба Л.Б. Система личных форм глагола в пословицах: дис… канд. филолог. наук / Л.Б. Кацюба. – Челябинск, 2004. – 227 с.

75. Киекбаев Дж.Г. Современный башкирский язык / Дж.Г. Киекбаев. – Уфа: БГУ, 2001. – 148 с.

76. Клобуков Е.В. О соотношении центра и периферии в функционально-семантическом поле персональности / Е.В. Клобуков // Традиционное и новое в русской грамматике. Сб. статей. – М.: ИНДРИК, 2001. С. 107-117.

77. Колшанский Г.В. Логика и структура языка / Г.В. Колшанский. – М.: «Высшая школа», 1965. – 240 с.

78. Кононов А.Н. Грамматика турецкого языка / А.Н. Кононов. – Л.-М.: Академия Наук СССР, 1941. – 314 с.

79. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка / А.Н. Кононов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 569 с.

80. Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка / А.Н. Кононов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 446 с.

81. Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке / Е. И. Коркина. – М: Наука, 1970. – 307 с.

82. Коркина Е.И. Глагольные лично-отнесенные модальные конструкции в якутском языке / Е.И. Коркина. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – 96 с.

83. Коркина Е.И. Деепричастия в якутском языке / Е. И. Коркина. – Новосибирск: Наука, 1985. – 208 с.

84. Курс якутской грамматики: Система морфологических категорий и синтаксических конструкций: Учеб.пособие / Данилова Н.И., Попова Н.И., Ефремов Н.Н.: Акад. наук РС (Я), Ин-т гуманит. исслед. – Якутск, 2004. – 195 с.

85. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. – М.: Прогресс, 1978. – 543 с.

86. Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке / П.А. Лекант. – М.: Высшая школа. 1976. – с. 143.

87. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Большая росс. энциклопедия, 2002. – 709 с.

88. Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем / К.Е. Майтинская. – М.: Наука, 1969. – 308 с.

89. Маслов Ю.С. Введение в языкознание / Ю.С. Маслов. – М.: Просвещение, 1975. – 271с.

90. Меметов И.А. Сравнительная типология тюркских языков (на примере турецкого и крымскотатарского языков) / И.А. Меметов // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Том 22 (61). №3, 2009. - С. 57-61.

91. Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке / И.И. Мещанинов // Труды Военного инст. иностр. языков, 1945, №1. С. 5-15.

92. Мурыгина З.М. Семантическая структура спрягаемых форм русского глагола / З.М. Мурыгина. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 157 с.

93. Насилов Д.М. К понятию «функция» в функциональной грамматике / Д.М. Насилов // Вопросы тюркской филологии. Выпуск IV (Материалы Дмитриевских чтений к 100-летию со дня рождения). – М, 1999. С. 112-121.

94. Недобух С.А. Когнитивно-коммуникативная категория персональности: дис. ... канд. филол. наук / С.А. Недобух. – Тверь: 2002. — 120 с.

95. Неустроев Н.Н. Безличные предложения в современном якутском языке / Н.Н. Неустроев. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1972. – 112 с.

96. Никитевич В.М. Грамматические категории в современном русском языке / В.М. Никитевич. – М.: Учпедгиз, 1963. – 246 с.

97. Овсянико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка / Д.Н. Овсянико-Куликовский. – М., 1912. – 197 с.

98. Онипенко Н.К. Категория лица в грамматике и в тексте / Н.К. Онипенко // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики: Сб. матер-в конфер. 9-12 апр. 2013 г. – СПб.: Нестер-История, 2013. С. 214-219.

99. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е.В. Падучева. – М.: Наука, 1985. – 271 с.

100. Петров Н.Е. Синтаксические средства выражения модальности в якутском языке / Н.Е. Петров. – Новосибирск: Наука, 1999. – 288 с.

101. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511с.

102. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику / В.А.Плунгян. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 383 с.

103. Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику / В.А. Плунгян.– М.: Едиториал УРСС, 2003. – 383 с.

104. Попова Н.И. Функционально-семантический анализ причастий якутского языка: автореф. дис. …канд. филол. наук / Н.И. Попова. – Якутск, 1992. – 18 с.

105. Попова Н.И. Словоизменительные категории глагола / Н.И. Попова // Курс якутской грамматики: Система морфологических категорий и синтаксических конструкций: Учеб.пособие / Данилова Н.И., Попова Н.И., Ефремов Н.Н.; Акад. Наук РС (Я), Ин-т гуманит. исслед. – Якутск, 2004. С. 72-124.

106. Поппе Н.Н. Учебная грамматика якутского языка / Н.Н. Поппе. – М., 1926.

107. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: в 4-х т. / А.А. Потебня. – М.: Учпедгиз, 1958. Т. 1-2. – 536 с.

108. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: в 4-х т. / А. А. Потебня. – М.: Просвещение, 1968. Т. 3. – 551 с.

109. Предикативное склонение причастий в алтайских языках. – Новосибирск: Наука, 1984. – 192 с.

110. Привалова Е.А. Функционально-семантическое поле персональности в просторечном варианте национального языка: автореф. дис. … канд. филол. наук / Е.А. Привалова. – Ульяновск, 2008. – 19 с.

111. Пупынин Ю.А. Связи субъекта и объекта с грамматической семантической предиката в русском языке / Ю.А. Пупынин // Межкатегориальные связи в грамматике. – СПб.: Наука, 1996. С. 144-152.

112. Русская грамматика. Том II. – М.: Наука, 1980. – 709 с.

113. Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. – М.: Сов. энциклопедия, 1979. – 432 с.

114. Саха тыла. Морфология / Н.Д. Дьячковский, П.С. Афанасьев, Г.Д. Сосин. – Якутск: Кн. изд-во, 1973. – 208 с.

115. Саха билиҥҥи тыла. Морполуогуйа: устудьуоҥҥа аналлаах үөрэх кинигэтэ / Антонов Н.К. уо.д.а. – Дьокуускай: Бичик, 2009. – 288 с.

116. Севортян Э.В. Категория сказуемости / Э.В. Севортян // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 16-22.

117. Селиверстова О.Н. Труды по семантике / О.Н. Селиверстова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.

118. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / Б.А. Серебренников, Н.З. Гаджиева. – Баку: Маариф, 1979. – 304 с.

119. Сердюк М. А. Категория лица и ее художественные функции в русской народной лирической песне: дис. … канд. филол. наук / М. А. Сердюк. – Воронеж, 2002. – 201 с.

120. Слепцов П.А. Якутский литературный язык: формирование и развитие общенациональных норм / П.А. Слепцов. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 277 с.

121. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. — М.: Наука, 1988. – 560 с.

122. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языкам / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А.В. Дыбо. – М.: Наука, 2006. – 908 с.

123. Степаненко К.А. Категория лица в функционально-семантическом аспекте (на материале русского и португальского языков): дис. … канд. филол. наук. К.А. Степаненко. – Калининград, 2009. – 184 с.

124. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения / Ю. С. Степанов. – М.: Наука, 1981. – 361 с.

125. Стратийчук Е.Ю. Персональность как текстообразующая категория художественного текста (на материале русского и английского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук / Е.Ю. Стратийчук. – Ростов-на-Дону, 2006. – 23 с.

126. Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем / М.И. Черемисина, Л.М. Бродская, Е.К. Скрибник и др. – Новосибирск: Наука, 1986. – 319 с.

127. Татарская грамматика. Том II. Морфология. – Казань: Татарское книжное изд-во, 1993. – 397 с.

128. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб: Наука, 1991. − 369 с.

129. Тумашева Д.Г. Татарский глагол (Опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий) / Д.Г. Тумашева. — Казань: Изд-во КГУ, 1986. – 189 с.

130. Тупикова Н.А. Формирование категории ин-персональности русского глагола / Н.А. Тупикова. – Волгоград: Изд-во Волгоградскогоунив-та. 1998. – 263 с.

131. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка: Простое предложение. М.-Л.: Изд-во Академия наук СССР, 1950.

132. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Часть II. Сложное предложение. Кн. 1. / Е.И. Убрятова. – Новосибирск, 1976.

133. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка / Е.И. Убрятова. – Новосибирск: Наука, 2006. – 603 с.

134. Филиппов Г.Г. Саха тылыгар предикативнай падежтааһын / Г.Г. Филиппов. – Якутск: РИО ЯГУ, 1989. – 192 с.

135. Филиппов Г.Г. Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование: дис. … доктора филол. наук / Г.Г. Филиппов. – Якутск, 1999.

136. Филиппов Г.Г. Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование: автореф. дис. … доктора филол. наук / Г.Г. Филиппов. – Якутск, 1999. – 51 с.

137. Хангильдин В.Н. Татар теле грамматикасы / В.Н. Хангильдин. – Казань: Татарстан китап нэшрияты, 1954. – 335 с.

138. Хангильдин В.Н. Татар теле грамматикасы / В.Н. Хангильдин. – Казань, 1959. – 642 с.

139. Харитонов Л.Н. Современный якутский язык / Л.Н. Харитонов. – Якутск: ГОСИЗДАТ ЯАССР, 1947. – 313 с.

140. Харитонов Л.Н. Саха тылын грамматиката. Морфология. IV кылааска үөрэнэр кинигэ / Л.Н. Харитонов. – Якутск, САССР государственнай изд-вата 1949. – 306 с.

141. Харитонов Л. Н. Формы глагольного вида в якутском языке / Л.Н. Харитонов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 180 с.

142. Химик В.В. Предикативность предложения и актуализационные функции высказывания / В.В. Химик // Филологические науки, 1986. №1, С. 76-88.

143. Химик В.В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке / В.В. Химик. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 180 с.

144. Ходжиев А. Недостаточный глагол в узбекском языке: автореф. дис. … доктора филол. наук / А. Ходжиев. – Ташкент, 1968.

145. Черемисина М.И. Специфические функции финитных и инфинитных (зависимых) сказуемых в языках разных систем / М.И. Черемисина // Теоретические аспекты лингвистических исследований. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР 1984. С. 3-36.

146. Чиркоева Д.И. Категория принадлежности в современном якутском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук / Д.И. Чиркоева. – Якутск, 1998 . – 23 с.

147. Шайхайдарова Д.Ш. Грамматическая категория лица татарского глагола и персональность: автореф. дис. … канд. филол. наук / Д.Ш. Шайхайдарова. – Алма-Ата, 1980. – 22 с.

148. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. 2-е изд. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 132 с.

149. Шелякин М.А. О семантике неопределенно-личных предложений / М.А. Шелякин // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб.: Наука, 1991. С. 62-86.

150. Шелякин М.А. Функциональная грамматика русского языка / М. А. Шелякин. – М.: Русский язык, 2001. – 288 с.

151. Шишкова Л.В., Смирнова, Т.Ю. Синтаксис современного немецкого языка: учеб. пособие студ. филол. фак. и фак. ин. яз. высш. учеб. заведений / Л.В. Шишкова, Т.Ю. Смирнова. — М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 128 с.

152. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку / Л.В. Щерба. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.

153. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Глагол) / А.М. Щербак. – Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1981. – 183 с.

154. Юдин А.А. Грамматическое содержание категории лица глагола в современном русском языке / А.А. Юдин // Вопросы теории русского языка. Рязань, 1968. — С. 56-123.

155. Юдин А.А. Категория лица глагола в современном русском языке. Учеб. пос. / А.А. Юдин. – Рязань: Изд-во Рязанского госуд. пед. инт-та, 1976. – 155 с.

156. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках / А.А. Юлдашев. – М.: Наука, 1965. – 275 с.

157. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р.О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.,: Наука, 1972. – С. 97-112.

158. Якобсон Р.О. Избранные работы / Р.О. Якобсон. – М.: Прогресс,1985. – 460 с.

159. Якутско-русский словарь / Под. ред. Слепцова П.А. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 608 с.

160. Ястремский С.В. Грамматика якутского языка / С.В. Ястремский. – Москва: Госуд-е учебно-педагог. изд-во НКП РСФСР, 1938. – 228с.

161. Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten / O. Böhtlingk.– Spb, 1851.

162. Erhart A. Studien zur indoeuropaischen Morfhologie/ - Brno, 1970.

163. Guesto V., Luz MAM. da. Gramática da língua portuguesa Lisboa, 1980. – 702 s.

164. Heger K. Personale Deixis und grammatische Person // Zeitschrift fur romanische Philologie. Band 81, Heft ½. – Tubingen, 1965. – S. 76-97.

165. Křížková H. Kategorie osoby // Jazykovedny časòpis. XVIII. 1967.

166. Naves M. B. Las personas grammaticales / M. B. Naves. Santigo de Compostela, Universidade, 1971. – 46 s.

167. Richter J. Zur funktional semantischen Kategorie der Personalitat im Russischen und zu ihrer Rolle fur die Beschreibung der unpersonlichen Satze //

Beitrage zur fuktional-kommunikativen Beschreibung von Fremdsprachen. – Potsdam., 1983. – S. 109-122.

168. Ružička J. Kategorie osoby // Jazykovedny časȯpis. XVIII. 1967.

169. Wehmeier H. R. Sprachiliche Mittel der funktional-semantischen Kategorie Personalitat in der russischen Sprache der Gegenwart. Diss. – Halle, 1978.

Список сокращений

АА А – Амма Аччыгыйа. Алдьархай. – Якутск, 1966. – 352 с.

АА ПУо – Амма Аччыгыйа. Пьесалар, уочаркалар. – Якутск, 1956. – 478 с.

АА СК – Амма Аччыгыйа. Сааскы кэм. – Дьокуускай, 1952. – 698 с.

АА СК – АммаАччыгыйа. Сааскы кэм. – Дьокуускай: Бичик, 1994. – 360 с.

АА ТА I – Амма Аччыгыйа. Талыллыбыт айымньылар. – Дьокуускай, 1966. – Том I. – 512 с.

АА ТА III – Амма Аччыгыйа. Талыллыбыт айымньылар. – Дьокуускай, 1969. Том III. – 512 с.

АА ТА IV – Амма Аччыгыйа. Талыллыбыт айымньылар. – Дьокуускай, 1970. – Том IV. – 744 с.

А ИК – Айталын. Ийэ кутум. – Якутскай: Кинигэ изд-та, 1984. – 196 с.

А Н ДьБ – Айталина Никифорова. Дьолго баҕаран. – Дьокуускай: Бичик, 2006. – 80 с.

АИС ТА – А. И. Софронов. Талыллыбыт айымньылар. – Дьокуускай, 1965.

АФ ТА II – Афанасий Федоров. Талыллыбыт айымньылар. – Дьокуускай, 1962. – Том II. – 428 с.

ВБ Үө – Василий Бочкарев.Үөрбүччэ. – Дьокуускай: Бичик. 2004. – 160 с.

В ӨТК – Венера. Өлүү толоонун кистэлэҥэ. – Дьокуускай: Бичик, 2009.– 192 с.

ВО КХ – Василий Ойуурскай. Кэлгиэлээх холбука. – Дьокуускай, 1982. – 70 с.

ВЯ ӨК – Василий Яковлев. Өрүстэр кирбиилэригэр. – Якутскай, 1969. – 372 с.

ДС ААА – Даана Сард. Ааспыт ааспат амтана. – Дьокуускай: Бичик, 2009. – 192 с.

ДС ВДьУ – Даана Сард. Вануату – дьол уйата. – Дьокуускай: Бичик, 2010. – 224 с.

ДТ ТА – Дмитрий Таас. Талыллыбыт айымньылар. – Якутскай, 1954.

Д ХО – Дылбаны. Хапсыһыылаах олох. – Дьокуускай: Бичик, 2006. – 240 с.

Д ХУТ – Дылбаны. Харах уулаах таптал. – Дьокуускай: Бичик, 2009. – 224 с.

ЕН ДЬ уо ЭК – Неймохов Е. П. Эр киһи уонна дьахтар. –Дьокуускай: Бичик, 2010. – 384 с.

ИН ОИО – Исай Никифоров. Олох иһин охсуһуу. – Дьокуускай, 1959. – 212 с.

ИТ ДьХУИ – Иван Тарабукин, Владимир Тарабукин. – Дьокуускай харах уутун итэҕэйбэт. Дьокуускай: Бичик, 2013. – 128 с.

К – «Күрүлгэн». Уус уран альманах. Ежеквартальный литературно-публицистический альманах на якутском языке. Якутск.

К ТЫ – Куорсуннаах. Түҥкэтэх ырай. – Дьокуускай: Бичик, 2013. – 128 с.

КК – Көрдөөх кэпсээннэр: хомуурунньук. – Дьокуускай: Бичик, 2011. – 192 с.

Кыым – «Кыым», еженедельная общественно-политическая газета, выходит с 1927 г.

КЭ АА – Константин Эверстов. Айдар араллааннара. – Дьокуускай: Бичик, 2003. – 144 с.

ЛМ А – Леди Муус. Ахтылҕан. – Дьокуускай: Бичик, 2011. – 384 с.

МД КС – М. Доҕордууурап. Кэпсээннэр, сэһэннэр. – Якутск, 1972. – 416 с.

Н ДьАА – Намылы. Дьахтар абылыыр айылгыта. – Дьокуускай: Бичик, 2011. – 144 с.

Н ККЫ – Нельбисова Г. А. Кытылга кыыс ытыыра. – Дьокуускай: Бичик, 2010.– 96 с.

НЛ К – Николай Лугинов. Кустук. – Дьокуускай: Бичик, 2003. – 224 с.

НЛ М – Николай Лугинов. Мэндиэмэннэр. – Якутскай: Кинигэ изд-та, 1980. 200 с.

НЯ С – Николай Якутскай. Сэһэннэр. – Дьокуускай, 1968. – 656 с.

О БДЭ – Огдо. Буолар да эбит…– Дьокуускай: Бичик, 2013. – 320 с.

ПО ТА – Платон Ойуунускай. Талыллыбыт айымньылар. II том. Дь.: Бичик, 1993. – 442 с.

ПТ ХП – Петр Тобуруокап. Хоһооннор, поэмалар. – Якутскай: Кинигэ изд- та. 1967.– 320 с.

ПТ ЧКК – Петр Тобуроков. Чыычаахтар күнү көрсөллөр. Якутскай: Кинигэ изд-та, 1970. – 160 с.

РК С – Реас Кулаковскай. Сыккыс. – Дьокуускай, 1965. – 116 с.

СС ОББ – Соркомов С.С. Олох биирдэ бэриллэр. – Дьокуускай: Бичик, 2010. – 96 с.

С АСС – Сайа. – Н. Михалева. Аата суох сибэкки. – Дьокуускай: Бичик. 2009.- 224 с.

СД МЭК – Софр. Данилов. Мин эйиэхэ кэпсиим. – Дьокуускай, 1964. – 199 с.

СД СТТ – Софр. Данилов.Сүрэх тэбэрин тухары. – Дьокуускай: НИПК «Сахаполиграфиздат». 1996. – 672 с.

СО С – Суорун Омоллоон. Сайсары. – Дьокуускай, 1943. – 100 с.

СР З – Семен Руфов. Зыр-зыр. – Дьокуускай: Бичик, 2002. – 304 с.

СФ – Саха фольклора. – Новосибирск: Наука, 1996. – 336 с.

СФ СС – Степан Федотов. Сирдээҕи сулустар. Очеркалар, бэлиэтээһиннэр. – Якутск, 1965.

Т КТ – Тумарча. Кырыыстаах таас. – Дьокуускай: Бичик, 2007. – 248 с.

ТН ОТ – Туйаара Нуутчина. Омук таптала. – Дьокуускай: Бичик, 2009. – 176 с.

ТС ЕЧ – Тимофей Сметанин. Егор Чээрин. – Дьокуускай: Бичик, 2005. – 72 с.

ТУо – Туймаада уоттара (республиканская газета). Якутск.

УО А – Уйбаан Ойуур. Аймахтар. – Дьокуускай: Бичик, 2009. – 296 с.

ХС – «Хотугу сулус», ежемесячная литературно-художественный и общественно-политич. журнал, орган Союза писателей ЯАССР.

Ч – «Чолбон», ежемесячный литературно-художественный и общественно политический журнал, выходит с 1926 г.

ЭЭ ТА I – Эрилик Эристиин. Талыллыбыт айымньылар.– Дьокуускай, 1964. Том I. – 284 с.

ЯРС – Якутско-русский словарь / Под ред. П. А. Слепцова. – М.: Сов. Энциклопедия, 1972. – 608 с.